

Psychology. Journal of the Higher School of Economics

ПСИХОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

В НОМЕРЕ

Личность и группа
в пространстве вызовов

К 100-летию со дня рождения
А.В. Петровского

Insight Problem and Insightful
Solution

Моральная конформность

Том 21, №2

2024

ISSN 1813-8918 (Print)
ISSN 2541-9226 (Online)

Том 21. № 2
2024

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Учредитель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)
Г.М. Бреслав (Балтийская международная академия, Латвия)

Я. Вальсинер (Ольборгский университет, Дания)
Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)

В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)
Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

В.Е. Лепский (ИФ РАН)
М. Линч (Рочестерский университет, США)
Д.В. Лосин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)
А.Н. Поддьяков (НИУ ВШЭ)
Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)
М.В. Фаликман (НИУ ВШЭ)
А.В. Хархурин (НИУ ВШЭ)

В.Д. Шадрин (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)
С.А. Щебетенко (НИУ ВШЭ)
С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (ИП РАН)
Н.А. Алмаев (ИП РАН)
В.А. Барабанищев (ИП РАН и МГППУ)

Т.Ю. Базаров (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)
А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Л. Журавлев (ИП РАН)
А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

П. Луцисаю (Римский университет Ла Сапиенца, Италия)
А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)

А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)
В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)
В.М. Розин (ИФ РАН)

И.Н. Семенов (МГППУ)
Е.А. Сергиенко (ИП РАН)
Т.Н. Ушакова (ИП РАН)

А.М. Черторилов (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
П. Шмидт (Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается департаментом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала — это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Р.М. Байрамян*

Редакторы *Т.А. Сарыева*, *Д. Вонсбро*.

Корректура *Н.С. Самбу*

Переводы на английский *К.А. Чистопольская*,
Е.Н. Гаевская

Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:

101000, г. Москва, Армянский пер. 4, корп. 2.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2024 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска:

*Личность и группа в пространстве актуальных вызовов:
угрозы vs ресурсы*

А.Ю. Маленова. Вступительное слово	237
Ф.О. Марченко, О.И. Маховская. Влияние эмпатии и страха на солидарность во время пандемии	239
М.В. Котова. Группы в составе большой общности: феномен ингрупповой проекции и его роль для поддержания форм неявных предубеждений	255
А.А. Фёдоров. Экспериментальный анализ моральной конформности в ситуации пассивного социального давления	277
Ю.В. Потапова, А.Ю. Маленова, А.А. Маленов. Диспозиционные предикторы миграционных установок учащейся молодежи Омска: социально-демографический аспект	306

Статьи

В.А. Мазиллов, Н.А. Власов. Вклад А.В. Петровского в становление истории понятий психологической науки (к 100-летию со дня рождения)	327
Е.Б. Старовойтенко. Реализация потенциалов рефлексии при построении рефлексивных практик	340
А.Н. Ромащук, В.К. Лукьянова. Влияние уровней согласованности и формы предположения на решение задачи выбора П. Уэйзона	366
Д.Р. Ахмеджанова, Е.Г. Лизунова. Разработка и первоначальная апробация опросника стратегии саморегулируемого обучения для учащихся начальной школы (на английском языке)	387
А.Д. Савинова, Н.Ю. Лазарева, А.В. Чистопольская, И.Н. Макаров, С.Ю. Коровкин, И.Ю. Владимиров. Инсайтная задача или инсайтное решение: стоит ли использовать инсайтные задачи для изучения инсайта? (на английском языке)	408

Короткие сообщения

А.В. Петракова, Е.И. Лебедева, Ю.В. Кузьмина, Е.Н. Юрчик. Опыт создания русской базы лиц, изображающих различные эмоции: первый этап	423
---	-----

Vol. 21. No 2
2024

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

HSE University

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE University, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada

Gershons Breslavs, Baltic International Academy, Latvia

Maria Falikman, HSE University, Russian Federation

Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation, and Yale Child Study Center, USA

Vasily Klucharev, HSE University, Russian Federation

Anatoliy Kharkhurin, HSE University, Russian Federation

Dmitry Leontiev, HSE University and Lomonosov MSU, Russian Federation

Vladimir Lepskiy, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE University and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Evgeny Osin, HSE University, Russian Federation

Alexander Poddiakov, HSE University, Russian Federation

Sergei Shchebetenko, HSE University, Russian Federation

Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE University, Russian Federation

Elena Starovoytenko, HSE University, Russian Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Jaan Valsiner, Aalborg University, Denmark

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE University, Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abulkhanova-Slavskaja, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Vladimir Barabanshikov, Institute of Psychology of RAS and Moscow University of Psychology and Education, Russian Federation

Takhir Bazarov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alla Bolotova, HSE University, Russian Federation

Alexander Chernorizov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University, Russian Federation

Alfried Längle, HSE University, Russian Federation

Pietro Lucisano (Sapienza University of Rome, Italia)

Alexander Orlov, HSE University, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Igor Semenov, Moscow City Pedagogical University, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, Giessen University, Germany

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the School of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *R.M. Bayramyan*

Copy editing *T.A. Sarieva, N.S. Sambu,*

D. Wansbrough

Translation into English *K.A. Chistopolskaya,*

E.N. Gaevskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

4 Armyanskiy pereulok, build. 2, 101000, Moscow, Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE University, 2024 r.

Vol. 21. No 2
2024

PSYCHOLOGY
Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Special Theme of the Issue.

Personality and Group in the Space of Actual Challenges: Threats vs Resources

A.Yu. Malenova. Editorial (<i>in Russian</i>)	237
F.O. Marchenko, O.I. Makhovskaya. The Impact of Empathy and Fear on Solidarity during a Pandemic (<i>in Russian</i>)	239
M.V. Kotova. Groups in the Inclusive Category: Ingroup Projection and Its Impact on the Covert Forms of Prejudice Enhancement (<i>in Russian</i>)	255
A.A. Fedorov. An Experimental Analysis of Moral Conformity in a Situation of Passive Social Pressure (<i>in Russian</i>)	277
Yu.V. Potapova, A.Yu. Malenova, A.A. Malenov. Dispositional Predictors of Migration Attitudes in Omsk Students: A Socio-Demographic Aspect (<i>in Russian</i>)	306

Articles

V.A. Mazilov, N.A. Vlasov. Contribution of A.V. Petrovsky to the Formation of the History of Concepts of in Psychological Science (To the 100th Anniversary of His Birth) (<i>in Russian</i>)	327
E.B. Starovoytenko. Realizing the Potentials of Reflection in the Construction Reflective Practices (<i>in Russian</i>)	340
A.N. Romashchuk, V.K. Lukianova. The Effect of Coherence Level and Assumption Form on the Wason Selection Task Solution (<i>in Russian</i>)	366
D.R. Akhmedjanova, E.G. Lizunova. The Development and Initial Validation of the Self-Regulated Learning Strategies Survey for Elementary School Students	387
A.D. Savinova, N.Yu. Lazareva, A.V. Chistopolskaya, I.N. Makarov, S.Yu. Korovkin, I.Yu. Vladimirov. Insight Problem or Insightful Solution: Is It Still Worth Using Insight Problems to Investigate Insight?	408

Work in Progress

A.V. Petrakova, E.I. Lebedeva, Yu.V. Kuzmina, E.N. Yurchik. Experience in Creating a Russian Database of Faces Expressing Various Emotions: The First Stage (<i>in Russian</i>) ..	423
---	-----

*Специальная тема выпуска:
Личность и группа в пространстве
актуальных вызовов: угрозы vs ресурсы*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Современное общество все чаще предъявляет требования, превышающие возможности человека, запуская совладающие формы его активности. Актуальные вызовы обостряют это противоречие, заставляя искать новые ресурсы как во внутреннем пространстве самой личности, так и в окружающей действительности. Рост напряженности во взаимоотношениях со средой прежде всего актуализирует регулятивные возможности субъекта и потребность в установлении тесных поддерживающих связей с социальным окружением. В связи с этим в жизни каждого человека возрастает значение включенности в различные общности — большие и малые, реальные и виртуальные, актуальные и потенциальные, что позволяет консолидировать усилия людей для противостояния трудностям. Вместе с тем специфичные внутригрупповые и межгрупповые отношения, опосредованные личностной составляющей, способны запускать противоречивые формы поведения, приводящие к трансформации самой группы и личности, и то, что ранее оценивалось как ресурс, может приобрести статус угрозы.

Под разными ракурсами эта проблематика рассмотрена в работах авторов данного тематического выпуска, посвященного изучению актуальных для нашего общества механизмов поведения личности в группе.

Статья Ф.О. Марченко и О.И. Маховской возвращает читателей к ситуации пандемии с целью поиска ответа на вопрос о роли коллективных переживаний, эмпатии, солидарности в новой реальности, имеющей угрозы для жизни членов общества. В данных обстоятельствах другой человек может восприниматься не только и не столько как ресурс, а в качестве источника неблагополучия, что приводит к дистанцированию, ослаблению и разрушению положительных социальных связей. Основное открытие авторов связано с обнаружением блокирующей функции страха за свое здоровье в отношении проявления эмпатических способностей личности как одного из ключевых факторов коллективной солидарности. Именно это противоречие выступает в период пандемии пусковым механизмом синхронного «солидарноподобного» поведения людей с неспецифической негативной мотивацией, похожего на проявление просоциальной солидарности, но не идентичного ему, что заставляет в очередной раз задуматься над соотношением сознательного и бессознательного в человеческом поведении и над возможностью управления им в ситуации глобальной неопределенности.

Последнее замечание относится и к содержанию статьи М.В. Котовой на тему «Группы в составе большой общности: феномен ингрупповой проекции и его роль для поддержания форм неявных предубеждений». Остроту работе придает изучение феномена, способного резко сменить статус с нейтрального или позитивного на негативный, определив тем самым как открытое отрицательное отношение к другой группе, так и не менее опасное скрытое. Последнее автор раскрывает через неявные предубеждения, базирующиеся на механизме ингрупповой проекции, производя сравнительный анализ этих явлений. Определяя перспективы дальнейших исследований заявленной проблематики в российской реальности, М.В. Котова отмечает настоятельную необходимость выявления и изучения факторов, способствующих переходу предубеждений в скрытые формы, для возможности контроля поведения человека в ситуациях внутри- и межгруппового взаимодействия.

А.А. Фёдоров направил свое исследование на установление отношения между моральной конформностью и пассивным социальным давлением. В серии экспериментов автором было установлено, что конформная моральная реакция зависит как от внешних форм воздействия — дизайна исследования, специфики стимульного материала (в данном случае от типа и содержания моральных дилемм), так и от внутренних составляющих, и прежде всего — от индивидуальных характеристик участников (установлена гендерная специфика реакций). Особое внимание привлекает реализация автором своих исследовательских замыслов в виртуальной среде, что подчеркивает возможность оперативного воздействия на массовое поведение пользователей. Результаты подтверждают, что при пассивном социальном давлении реакции аудитории значительно меняются. Закономерно возникает вопрос: что будет происходить с людьми в процессе сетевой коммуникации при активных формах социального давления?

В статье Ю.В. Потаповой, А.Ю. Маленовой и А.А. Маленова изучаются предикторы потенциального миграционного поведения сибирской молодежи. И если самими мигрантами переезд рассматривается как возможность для самореализации, то для региона это выступает реальной угрозой утраты человеческого капитала — интеллектуального, производственного, репродуктивного. Авторы ориентированы на поиск психологической составляющей удерживающих и выталкивающих факторов, детерминирующих перемещение масштабных социально-демографических групп, с целью превенции миграционных рисков в «регионах-транзитах». К числу возможных предикторов миграционных установок разных половозрастных групп учащейся молодежи относятся субъективное благополучие, жизнестойкость, карьерные ориентации, миграционные ожидания близких и привязанность к городу.

Содержание статей тематического выпуска позволяет заключить, что многогранные отношения личности и группы имеют свою специфику в российском обществе, что создает особые условия не только для исследовательской деятельности, но и для целевой прикладной работы, направленной на укрепление социальных и психологических ресурсов человека в ответ на актуальные вызовы.

А.Ю. Маленова

ВЛИЯНИЕ ЭМПАТИИ И СТРАХА НА СОЛИДАРНОСТЬ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Ф.О. МАРЧЕНКО^а, О.И. МАХОВСКАЯ^б

^а Городской университет Нью-Йорка, 10035, США, Нью-Йорк, Пятая авеню, д. 365

^б ФГБУН «Институт психологии РАН», 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

The Impact of Empathy and Fear on Solidarity during a Pandemic

F.O. Marchenko^a, O.I. Makhovskaya^b

^a The City University of New York (CUNY), 365 Fifth Avenue, New York, NY 10035, USA

^b Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 13 build. 1, Yaroslavskaia Str., Moscow, 129366, Russian Federation

Резюме

Традиционно считается, что солидарность мотивирована положительными коллективными чувствами (групповой сплоченностью, социальной ответственностью, оптимизмом и т.д.), а также индивидуальной эмпатией в отношении незащищенных членов группы. Мотивация может поменять вектор в случае, если все члены общества оказываются потенциальными жертвами пандемии. Анализ данных, полученных в результате онлайн-опроса 331 русскоговорящего респондента (из 19 стран) с марта 2021 по апрель 2023 г., выявил слабую связь между эмпатией (аффективной и когнитивной) и солидарными установками на охранное поведение. Напротив, значимая связь была обнаружена между негативными Эго-переживаниями (страх за себя и свое здоровье) и выраженностью наиболее важных солидарных установок — на ношение масок, соблюдение социальной дистанции и вакцинацию. Это противоречит старой традиции считать эмпатию

Abstract

It is believed that solidarity is motivated by positive collective feelings (group cohesion, social responsibility, etc.), as well as by individual empathy of group members. Motivation may change vector if all members of society are potential victims of a pandemic. An analysis of data obtained from an online survey of 331 Russian-speaking respondents (19 countries) from March 2021 to April 2023 revealed a weak link between empathy (both affective and cognitive) and the solidarity attitudes on safe behavior. On the contrary, a significant correlation was found between negative Ego-feelings (fear for oneself and health) and the expression of the most important solidarity attitudes - wearing masks, social distancing and vaccination. This contradicts the old tradition of considering individual empathy as the principal factor of collective solidarity. In

главным индивидуальным фактором коллективной солидарности. Страхи за себя и свое здоровье и эмпатия (когнитивная и аффективная) — разновекторные переживания. Страхи могут блокировать эмпатию. В частности, телесная метафора сближения, объятия с другими, лежащая в основе эмпатии, противоречит требованию физического дистанцирования. Также отмечена позитивная корреляция между выраженной солидарных установок и опытом реальной помощи чужим людям. Таким образом, обнаружен феномен синхронного поведения людей, похожего на проявление просоциальной солидарности, но с неспецифической негативной мотивацией. Мы считаем, что его нужно отличать от осознанной, тренированной солидарности, основанной на убеждении в том, что слабые, незащищенные группы и люди нуждаются в поддержке государства и других граждан.

Ключевые слова: солидарность, установки, эмпатия, пандемия, Эго-переживания, страх, вакцинация.

Марченко Федор Олегович — преподаватель, Городской университет Нью-Йорка (США), кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: социальная и педагогическая психология. Контакты: fmarchenko@gradcenter.cuny.edu

Маховская Ольга Ивановна — старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: общая, социальная, культурно-историческая психология. Контакты: mahovskayaoi@ipran.ru

particular, the bodily metaphor of rapprochement, embracing with others, which is the core of empathy, contradicts the requirement of physical distance. A positive correlation was also noted between the pronouncement of solidarity attitudes and the experience of material aid to strangers. Fears for oneself and empathy for others are experiences with opposite vectors. Fears can block empathy. Thus, the phenomenon of synchronous behavior of people, similar to solidarity, but with nonspecific negative motivation, was discovered. We believe that solidarity-like activity should be distinguished from conscious, trained solidarity based on the belief that suffering and unprotected groups and people need to be supported by the state and other citizens.

Keywords: solidarity, attitudes, empathy, pandemic, Ego-feelings, fear, vaccination.

Fedor O. Marchenko — Lecturer, The City University of New York (CUNY), PhD in Psychology. Research Area: social and educational psychology. E-mail: fmarchenko@gradcenter.cuny.edu

Makhovskaya Olga Ivanovna — Senior Research Fellow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, PhD in Psychology. Research Area: general, social, culture-historical psychology. E-mail: mahovskayaoi@ipran.ru

Новый виток пандемии в мире в 2022–2023 гг., а также другие вызовы обществу побуждают изучать психологические ресурсы солидарности, которая на порядок повышает эффективность противостояния любому вызову (Bierhoff, 2008). Солидарность изучается как коллективное, групповое, массовое поведение людей с просоциальными мотивацией и программой действий. Доля людей, игнорирующих ограничительные меры пандемии COVID-19, остается относительно стабильной в разных странах — порядка 15–20%, и этого достаточно, чтобы обеспечить повторный рост эпидемии. Остальным 80–85% приходится предпринимать особые, регулярные усилия, чтобы обезопасить себя и близких. По опыту маркетинговых исследований известно, что

для продвижения нового продукта нужно 10–12% ранних адептов (Taylor, Asmundson, 2021). Возможно, прогрессивные идеи, равно как и страхи, развиваются не с такой социальной скоростью, как вирус, но преодолевают те же структуры коммуникации, задействуя сопоставимое количество контактов.

Мы развиваем культурно-исторический подход к солидарности, которая определяется не столько социологическими характеристиками людей, групп и общества в целом, сколько культурно-историческим инструментарием, традицией взаимопомощи, установками на поддержку уязвимых членов общества, сформированностью навыков солидарности. Мотивация солидарности имеет природу не только когнитивную (формируется в процессе воспитания и под влиянием медиа), но и аффективную: укоренена в культурных кодах поведения и архетипических сценариях, не всегда осознается и контролируется. Несмотря на то что медиа многократно упрекали в развитии инфодемии, распространении ложной информации, мы считаем, что они могут стать эффективным культурным инструментом формирования солидарности (Маховская, 2021).

Солидарность может быть отрицательной («против вируса и его носителей») и положительной («за сохранение населения страны, планеты»). Мотивы солидарного поведения могут быть позитивными (сочувствие более слабым и нуждающимся и их поддержка) и негативными (страх за свою жизнь). В последнем случае мы склонны говорить о синхронном, целесообразном поведении в целом разобщенных индивидов (Там же). Специфика поведения людей в пандемию состояла в том, что важные для солидарности объединение и сближение людей вступали в конфликт с требованием продолжительной изоляции и дистанцирования.

Солидарность связывается чаще всего с идеалами гуманизма, со способностью к поддержке, сочувствию (эмпатии) в отношении социально незащищенных групп и отдельных граждан, с надситуативной активностью личности. Социологов интересует доля респондентов, готовых осознанно помогать людям в тяжелых ситуациях (Arnsperger, Varoufakis, 2003; De Beer, Ferry, 2009). Психологов интересуют солидарность как ресурс личности, ее мотивация, способы формирования и усиления навыков эффективного взаимодействия, когнитивные и эмоциональные факторы, групповые и индивидуальные стратегии совладания со стрессом (Маховская, 2021, 2022; Падун и др., 2021). Прежде был описан феномен негативной солидарности — объединения против кого-то или чего-то, но с установкой на взаимодействие и выработку общего внутригруппового плана действий (Komter, 2005; Маховская, 2021).

Психологическое содержание просоциального понятия «солидарность» чаще всего связывают с индивидуальной эмпатией вовлеченных членов общества (Arnsperger, Varoufakis, 2003; Pfattheicher et al., 2020), с личностной установкой на поддержку других (Bayertz, 1999). Отмечалось, что солидарность опирается на тесные и двусторонние отношения между людьми (De Beer, Ferry, 2009), чувство симпатии и доверия к другим, проявление эмпатии к любым людям, переживающим стресс или депрессию, вне зависимости от их личностных особенностей и социального положения (Janmaat, Braun, 2009).

В последних исследованиях эмпатию делят на когнитивную (умение представить положение другого человека) и аффективную (сочувствие вплоть до идентификации с жертвой) (Pfattheicher et al., 2020). Аффективная эмпатия — склонность поддаваться под влияние чужих эмоций, переживать их как свои, когнитивная — способность понимать состояния и мысли других людей (Goodhew, Edwards, 2022).

Наряду с эмпатией страхи также могут объединять людей. Они распространяются через сложившиеся в культуре сценарии разного уровня, от культурно-относительных, архетипических, до социальных (договорных), индивидуальных (воображаемых). При нормальном совладании со стрессом срабатывает защита от страха смерти, страха болезни, страха одиночества, которая проявляется в ценности культурных практик, в социальной связности, интенсивности и согласованности социальных связей, в отрицании смерти как единственного исхода из ситуации (Pyszczynski, Kesebir, 2011); в этом смысле объединения людей являются следствием продуктивной копинг-стратегии. На первом этапе пандемии, когда поступала тревожная информация о росте смертности, страх умереть мотивировал ношение масок (Harper et al., 2021). Врачи, психологи отмечали усиление эмоций негативного круга у всех групп населения, включая молодежь, которую не выделяли как группу риска. Женщины и пожилые как менее социально и экономически защищенные группы чаще следовали рекомендациям по профилактике и сохранению здоровья (Bish, Michie, 2010). Особенность страхов молодых в том, что они плохо осознавались, отрицались, вытеснялись ими, фиксировались только родными, учителями, психологами (Cowie, Myers, 2021). Социальные сети способствовали распространению паники и стимулировали страхи молодежи (Olagoke et al., 2020). Интересно, что у молодых европейцев экономические страхи в два раза превышали страх заболеть (Dalton et al., 2020). Если страху заболеть сопутствуют оптимистическое видение будущего и критическое мышление, субъекты демонстрируют готовность к просоциальному поведению (Gordeeva et al., 2020). Есть данные, согласно которым просоциальная мотивация в начале пандемии — более веский аргумент в призывах к охранному поведению, чем мотивы личной выгоды (Lunn et al., 2020; Everett et al., 2020).

Остается неясным, как индивидуальные эмоции негативного круга влияют на проявление солидарности в условиях пандемии. Показано, например, что при соблюдении масочного режима не столько общие, сколько частные установки значительно дифференцируют группы (Падун и др., 2021). Угроза позитивной идентичности может приводить к регрессу, актуализации старого опыта негативных переживаний (Маховская, Марченко, 2015) и неэффективным способам совладания с эпидемиологическими угрозами и стрессом.

Солидарные действия, направленные на профилактику заболевания (ношение масок, социальное дистанцирование, вакцинацию), изучались поэтапно. Исследователи социально-психологических феноменов шли вслед за эпидемиологами, которые в оперативном режиме давали рекомендации населению на первом этапе пандемии носить маски, затем соблюдать дистанцию и только

через год — вакцинироваться. Для нас все просоциальные действия по профилактике эпидемии являются проявлением поэтапно формирующейся солидарности внутри общества. Солидарную установку мы рассматриваем как готовность действовать нормативно, согласованно с другими субъектами. Установка может декларироваться в ходе опроса как желаемая («Я хотел бы», «Я собираюсь») или утверждаться как факт, уже реализованное действие («Я носил маску», «Я вакцинировался»). Солидарная установка — это редуцированное, интериоризированное, социально желательное действие или внутренний план действия, который с высокой вероятностью реализуется. Солидарные установки могут выражаться через различные действия, но в условиях пандемии они оказались жестко регламентированными, что облегчило их исследование. Солидарные установки могут быть общими, фундаментальными, отражать отношение ко всем группам нуждающихся, а могут быть специальными, отражать готовность помогать группам или индивидам в определенных социальных контекстах.

Цель исследования: обнаружить связь между солидарными установками на ношение масок, соблюдение социальной дистанции и вакцинацию и выраженными переживаниями — в основном позитивными (аффективная и когнитивная эмпатия) или негативными (страх за себя, за близких).

Мы используем термин «Эго-переживания» для обозначения специфических страхов за себя, свои здоровье и жизнь, во-первых, чтобы выделить их как специфические страхи для смертельно-опасной пандемии, во-вторых, чтобы показать разновекторность переживаний субъекта в этот период (страхи направлены на себя, эмпатия — на других), в-третьих, именно так узко они обозначены в опроснике.

Гипотезы

Теоретическая гипотеза: негативные и позитивные переживания, страхи и эмпатия, вызываемые экзистенциальными угрозами пандемии, могут конкурировать и вытеснять друг друга, определяя уровень солидарности в обществе.

Гипотеза 1: негативные Эго-переживания имеют значимую положительную связь с солидарными установками на ношение масок, социальное дистанцирование и готовность вакцинироваться.

Гипотеза 2: общие установки на солидарность (детерминанты когнитивной эмпатии) имеют значимую положительную связь со специальными солидарными установками на ношение масок, социальное дистанцирование и готовность вакцинироваться.

Гипотеза 3: аффективная эмпатия имеет значимую положительную связь с солидарными установками на ношение масок, социальное дистанцирование и готовность вакцинироваться.

Гипотеза 4: опыт участия в благотворительной деятельности имеет значимую положительную связь с солидарными установками на ношение масок, социальное дистанцирование и готовность вакцинироваться.

Гипотеза 5: аффективная эмпатия имеет значимую положительную связь с общими установками на солидарность (детерминантами когнитивной эмпатии), негативными Эго-переживаниями и опытом участия в благотворительности.

Гипотеза 6: общие установки на солидарность (детерминанты когнитивной эмпатии) имеют более сильную связь со специальными солидарными установками, чем аффективная эмпатия.

Мы предполагали, опираясь на принцип целостности личности и единства опыта субъекта, что положительная по модальности аффективная эмпатия может конкурировать с негативными Эго-переживаниями и что они в разной степени будут связаны со специальными солидарными установками на ношение масок, соблюдение дистанции и вакцинацию.

Страхи (негативные Эго-переживания) опосредуют или блокируют эмпатию и могут оказаться более важным психологическим ресурсом объединения или синхронного поведения, если субъект является не посторонним, а включенным наблюдателем, потенциальной жертвой пандемии. Опыт реальной (материальной) помощи нуждающимся влияет на выраженность солидарных установок (на ношение масок, социальное дистанцирование, готовность вакцинироваться). Солидарность рассматривается нами не только как функция культурно-исторического, но и биографического опыта. Общие солидарные установки, которые мы рассматриваем как культурно-исторические детерминанты когнитивной эмпатии, оказывают более существенное влияние на выраженность специальных солидарных установок, чем аффективная (спонтанная, ситуативная) эмпатия, особенно если она основана на заражении чужими эмоциями.

Опыт реальной (материальной) помощи нуждающимся (привычка помогать) влияет на выраженность солидарных установок на ношение масок, социальное дистанцирование, но, возможно, не усиливает готовность вакцинироваться. Вакцинация не относится к помогающим активностям, напротив, она предполагает готовность принимать помощь. Зависимость от медиа (официальных или социальных) могут формировать и усиливать общие и специальные солидарные установки, когнитивную и аффективную эмпатию, равно как и экзистенциальные страхи.

Методика

Для изучения факторов солидарных установок во время пандемии был специально разработан онлайн-опросник. Он включил в себя шесть основных блоков вопросов: демографические данные (1), контакты во время пандемии (формальные и неформальные) (2), медиапотребление и ожидание от медиа во время пандемии (3), общие установки на солидарность во время пандемии (4), Эго-переживания (5), отношение к средствам защиты и рекомендуемым солидарным действиям (маскам, социальной дистанции и вакцинам от вируса) (6). Вопросы из блоков 2–6 содержали шкалу Лайкерта.

Для изучения общих солидарных установок использовались шкалы из европейских социологических исследований (European Values Study) по измерению солидарности в отношении групп нуждающихся (мигрантов, больных, стариков, безработных). Эти опросники применялись для принятия важных бюрократических решений в Евросоюзе. Существует набор отрефлексированных взглядов и норм, кодов поведения солидарности, которые муссируются в европейском дискурсе и отражены в опросниках по изучению уровня солидарности в стране, городе или профессиональной группе. Для нас тренированная солидарность является моделью оценки уровня солидарности в России. Так, в блоке «Общие установки на солидарность» присутствует следующий вопрос: «Насколько во время пандемии Вас заботит уровень жизни: пожилых людей; безработных; иммигрантов; больных людей и инвалидов?» (1 — «чрезвычайно заботит» и 4 — «совершенно не заботит»).

Для изучения аффективной эмпатии мы применили шкалу эмоционального отклика (Balanced Emotional Empathy Scale — BEES; Mehrabian, Epstein, 1972; Mehrabian, 1996). В отличие от оригинала, в этой версии используется шкала Лайкерта, но не учитывается разбиение на подшкалы («Сочувствие», «Эмпатическая забота», «Эмоциональное заражение»). Для нас важно, что в ней остались все вопросы подшкалы «Эмоциональное заражение», что будет ожидаемо сдвигать значение аффективной эмпатии в сторону ее упрощенной формы, эмпатического дистресса. Эмпатический дистресс в условиях пандемии может оказаться единственной эмпатической реакцией в отношении других людей.

Переменные, определяющие латентные переменные (забота о других, опыт благотворительности, негативные Эго-переживания и отношения к маскам, дистанцированию и вакцинации), были отобраны в результате конфирматорного факторного анализа, их согласованность была проверена при помощи показателя альфа Кронбаха. Для всех латентных переменных альфа Кронбаха имела приемлемое значение (≥ 0.71).

Информация об опыте материальной помощи нуждающимся была получена из ответов на прямой вопрос о частоте материальной помощи. Пример вопроса: «Сколько раз за последние два года Вы жертвовали деньги, еду или вещи? Укажите свой ответ для каждой категории» (никогда, однажды, несколько раз). В опроснике были указаны следующие категории адресатов помощи: больные, нищие, нуждающиеся, соседи и пострадавшие от стихийных бедствий. В список получателей помощи были включены также институции — фонды помощи и церковь. Опыт реальной помощи (перевести деньги, отвезти вещи, купить продукты нуждающимся) для нас был показателем *тренированной*, а не *декларируемой* солидарности. Для респондентов связь между материальной помощью и ношением масок, социальным дистанцированием и вакцинацией не была очевидна.

Исследование было осуществлено онлайн на платформе Google Forms. Выравнивание выборки по критериям пола, возраста и образования проводилось с помощью коммерческого сервиса Anketolog.ru, статистический анализ собранных данных — при помощи программы IBM SPSS (версия 22) и программы R (статистический пакет для структурного моделирования lavaan).

Для проверки гипотез 1–6 был использован метод структурного моделирования. Структурные модели для латентных переменных (сочувствие к уязвимым слоям населения, негативные Эго-переживания, опыт участия в благотворительности, а также солидарные установки на ношение масок, социальное дистанцирование и готовность к вакцинации) были созданы путем конфирматорного факторного анализа. Так как выбранные нами переменные представляют собой нецентрированные, ординальные шкалы с тремя или четырьмя вариантами ответа, в нашем анализе мы использовали метод взвешенных наименьших квадратов для категориальных переменных (Muthén, 1984; Rhemtulla et al., 2012). Во всех гипотезах используется уровень значимости $\alpha = 0.05$.

Для того чтобы объяснить отказ от вакцинации у респондентов с выраженными солидарными установками по другим критериям, мы провели восемь интервью с отказавшимися.

Выборка исследования

В опросе с марта 2021 по апрель 2023 г. принял участие 331 респондент старше 18 лет, 65.3% женщины, средний возраст 44 года ($SD = 14$); из 19 стран (85.2% из России); большинство (57.5%) имеют высшее образование, 13% только закончили школу, еще 13% имеют среднее техническое образование, а 16.3% имеют научную или медицинскую степень; половина опрошенных (50.3%) могут быть отнесены к среднему классу, исходя из финансовой возможности купить бытовую технику (30.1%) или автомобиль (22.2%). Большинство респондентов (93.6%) во время пандемии находились в постоянном контакте с членами своей семьи. На вопрос о количестве членов семьи, с которыми поддерживались постоянные очные или заочные контакты на карантине, респонденты ответили: ни с кем (6.3%), от 1 до 3 (60.7%), 4–5 (21.3%), 6–7 (5.7%) и более 7 (6%).

Количество респондентов, получающих информацию о COVID-19 преимущественно из телепрограмм — 25.4%, из Интернета — 87.3%, из радиопрограмм — 8.2%, из печатной прессы — 10.3%.

Результаты

В данной статье мы приводим результаты о связи эмпатии, страхов, опыта взаимопомощи и выраженности солидарных установок. Связь эмпатии и негативных Эго-переживаний (фактор rap) с каждой из солидарных установок представлена отдельно.

Ношение масок

Значимая положительная связь обнаружена между негативными Эго-переживаниями (фактор rap; ответы на вопросы «Бойтесь ли Вы за свою жизнь», «Бойтесь ли Вы заразиться» и т.д.) и выраженностью солидарных установок на ношение масок. Также значимая положительная связь обнаружена между

опытом материальной помощи другим и солидарными установками на ношение масок.

Структурная модель, отраженная на рисунке 1, показала адекватные индексы соответствия (CFI = 0.971, NFI = 0.925, SRMR = 0.052 и RMR = 0.051). Модель выявила значимые путевые коэффициенты корреляции между Эго-переживаниями во время пандемии (pan) и солидарными установками на ношение масок ($r = 0.588, p < 0.001$), а также между опытом материальной помощи нуждающимся и солидарными установками на ношение масок ($r = 0.275, p = 0.013$).

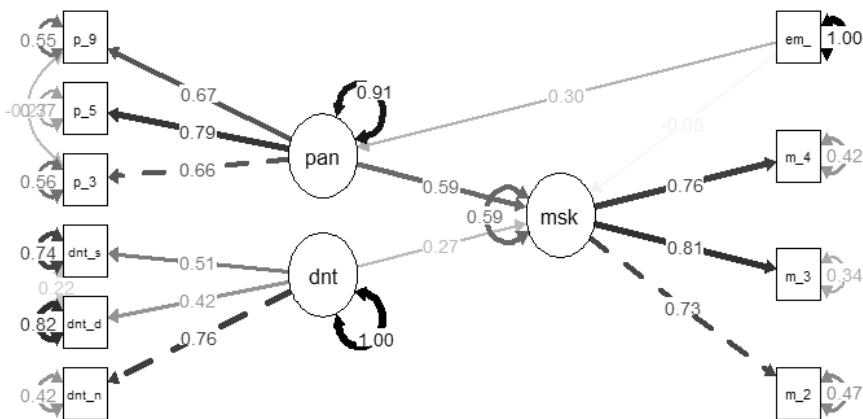
Аффективная эмпатия (em_) оказалась значимо связана только с негативными Эго-переживаниями во время пандемии ($r = 0.3, p < 0.0001$), но не с солидарными установками на ношение масок. Таким образом, даже глубокий аффективный уровень эмпатии в условиях стресса пандемии опосредован страхом за свою жизнь и жизнь близких людей. Проявление эмпатии у субъекта, который сам является потенциальной жертвой, теряет актуальность, ослабевает, зависит от уровня экзистенциальных страхов субъекта. Страх за свою жизнь и жизнь близких (негативные Эго-переживания) мотивируют субъекта носить маски как средства не только биологической, но и психологической защиты. Солидарное поведение носит характер пассивной защиты, а не активного совладания, проактивного взаимодействия с другими людьми для достижения социально значимых целей.

Соблюдение социальной дистанции

Эго-переживания во время пандемии и опыт материальной помощи нуждающимся оказались значимо связаны с солидарными установками на социальное

Рисунок 1

Структурная модель значимых связей негативных Эго-переживаний (pan) и опыта solidarного поведения (опыт материальной помощи нуждающимся (dnt)) с солидарными установками на ношение масок (msk)

дистанцирование (см. рисунок 2): $r = 0.729$ ($p < 0.001$) и $r = 0.218$ ($p = 0.027$) соответственно. Структурная модель имеет приемлемые индексы соответствия (CFI = 0.949, NFI = 0.914, SRMR = 0.062 и RMR = 0.066). Аффективная эмпатия (em_) оказалась значимо связана как с негативными Эго-переживаниями во время пандемии ($r = 0.273$, $p < 0.001$), так и с отношением к социальной дистанции ($r = -0.15$, $p = 0.012$). К концу периода полной самоизоляции соблюдение дистанции не вызывало такого стресса, как ношение масок. Снижение стресса при формировании навыков — показатель относительной адаптации.

Вакцинация

Структурная модель переменных, связанных с солидарными установками на вакцинацию (см. рисунок 3), обнаружила значимую связь между сочувствием к уязвимым социальным группам (sp_v) и аффективной эмпатией ($r = 0.246$, $p = 0.001$). Обе переменные — эмпатические конструкты, лишь один из них имел значимую корреляцию с солидарными установками на вакцинацию ($r = -0.116$, $p = 0.169$; $r = -0.141$, $p = 0.047$).

Аффективная эмпатия имела слабую значимую связь с негативными Эго-переживаниями во время пандемии ($r = 0.310$, $p < 0.001$), которые умеренно связаны с отношением к вакцинации ($r = 0.368$, $p < 0.001$). Негативные Эго-переживания (страх за собственную безопасность, страх заболеть, оказаться без поддержки во время заболевания) снова оказались чувствами-медиаторами, в большей мере, чем эмпатические конструкты, связанными с солидарными установками на вакцинацию. Модель имела адекватные индексы соответствия

Рисунок 2

Структурная модель значимых связей негативных Эго-переживаний (pan) и опыта солидарного поведения (опыт материальной помощи нуждающимся (dnt)) с солидарными установками на социальное дистанцирование (scd)

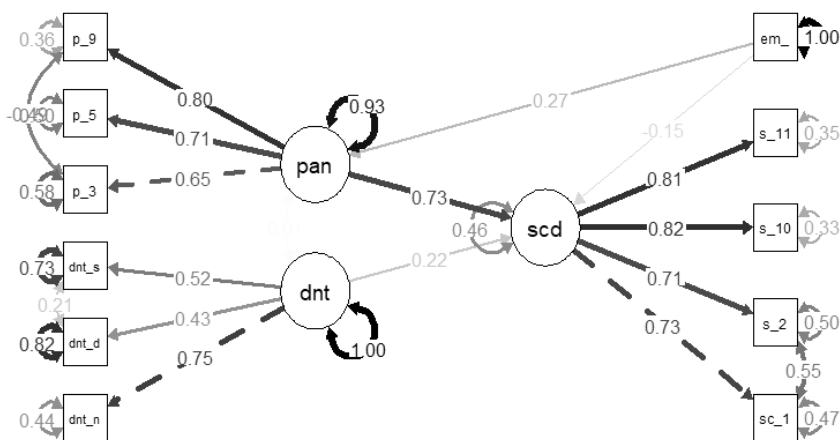
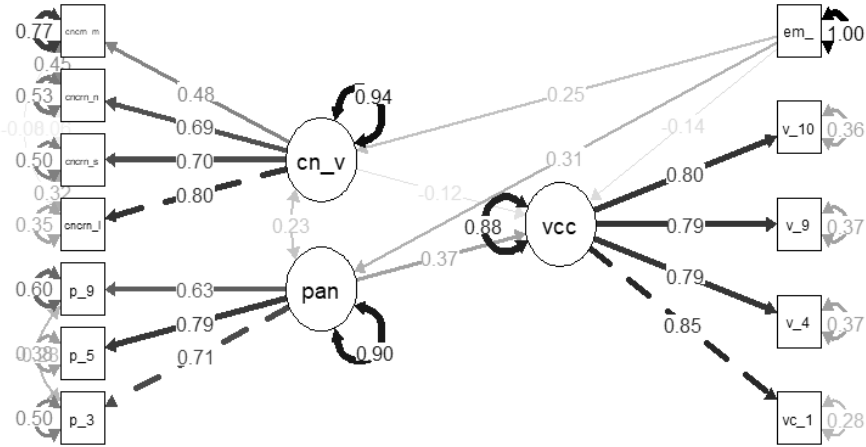

Рисунок 3

Структурная модель значимых связей сочувствия к уязвимым социальным группам (cn_v) и негативных Эго-переживаний (pan) с солидарными установками на вакцинацию (vcc)

(CFI = 0.972, NFI = 0.937, SRMR = 0.05, RMR = 0.053). Снижение уровня значимости между аффективной эмпатией, негативными переживаниями и солидарной установкой на вакцинацию можно считать результатом еще большей адаптации к пандемии, оптимистическим восприятием перспектив вакцинации по мере ее проведения.

Для того чтобы объяснить отказ от вакцинации у респондентов с выраженными солидарными установками по другим критериям, мы провели восемь интервью с отказавшимися. Было выявлено влияние рекомендаций медиков из ближайшего окружения на решение опрошенных вакцинироваться. В локальных контекстах именно те, кто исполнял инвазивную процедуру и мог оказать помощь в случае осложнения, и определяли решение вакцинироваться. Респонденты рассчитывали на поддержку и сочувствие специалистов. В случае, если последние не рекомендовали проводить вакцинацию, т.е. отказывались нести ответственность за последствия, многие из них принимали решение не вакцинироваться, поскольку «никто не гарантирует, что все пройдет нормально». Знакомые медики вызывали у них больше доверия, чем официальные эксперты, подтверждая традиционный конфликт: неформальные, очные контакты в отечественной культуре сильнее формальных, дистантных.

Таким образом, на основании полученных результатов подтверждена Гипотеза 1 (связь негативных Эго-переживаний с солидарными установками). Гипотеза 2 (связь сочувствия к уязвимым слоям населения и солидарных установок) подтвердилась только в отношении установки на вакцинацию. Гипотеза 3 не подтвердилась: аффективная эмпатия оказалась значимо, но отрицательно связана с установками на социальную дистанцию и вакцинацию. Гипотеза 4 подтвердилась в отношении связи опыта участия в благотворительности и отношения к ношению масок и социальному дистанцированию.

Гипотеза 5 подтвердилась частично. Аффективная эмпатия оказалась положительно связана с негативными Эго-переживаниями во всех трех моделях. В контексте измерения отношения респондентов к вакцинации обнаружилась связь аффективной эмпатии с сочувствием к уязвимым слоям населения. Гипотеза 6 не подтвердилась. Аффективная эмпатия и общие установки на солидарность (детерминанты когнитивной эмпатии) оказались слабо или незначительно связаны со специальными солидарными установками (ношением масок, социальным дистанцированием и вакцинацией).

Обсуждение и выводы

В целом мы зафиксировали значимую положительную связь между страхами и тремя солидарными установками: на ношение масок, соблюдение дистанции и вакцинацию. Между общими солидарными установками, которые мы рассматриваем как культурно-исторические детерминанты когнитивной эмпатии, и аффективной эмпатией и солидарными установками значимой связи не было обнаружено. Возможно, между эмпатией и страхами существует реципрокная зависимость: чем выше уровень страха, тем слабее влияние и выраженность эмпатии. Поскольку экзистенциальные страхи и эмпатия — генерализованные эмоции, усиливают и охраняют идентичность личности, то, будучи разными по модальности, они могут исключать друг друга. Выраженные негативные по модальности экзистенциальные страхи могут «блокировать» позитивную по модальности эмпатию.

Солидарные установки (на ношение масок, социальное дистанцирование, вакцинацию) по результатам опроса мы поделили на профилактические (маски, дистанцирование) и инвазивные (вакцинация). Вакцинация связана с необратимыми последствиями для организма, усиливает иммунитет, в незначительном количестве случаев может вызывать негативные побочные эффекты. Вакцинацию нельзя имитировать: социальная мимикрия (подделка документов) граждан с низким уровнем доверия к официальным институтам при высоком контроле за использованием препаратов почти невозможна. Ношение масок и дистанцирование, несмотря на физический и психологический дискомфорт, потребовали формирования новых привычек в публичном пространстве, но в целом носили защитный характер, не несли прямой угрозы здоровью, могли имитироваться. Можно сказать, что у каждого из солидарных действий была своя «цена», которую не все готовы были платить без дополнительных гарантий сохранности здоровья. По мере адаптации к пандемии нарастала субъектность поведения людей, что проявилось в снижении уровня страхов, усилении осознанности угрозы, росте доверия к медицинским работникам из ближнего круга на этапе вакцинации.

Как показали интервью с отказавшимися от вакцинации, происходила переадресация ответственности на медицинских работников из их ближайшего окружения, которые воспринимались как более осведомленные, могли реально купировать последствия вакцинации в случае серьезных побочных эффектов. В отличие от групповой сплоченности, солидарность действует

только в пределах единого для всех участников плана достижения цели и контекста взаимодействия. Отказ от вакцинации, переадресацию ответственности на медицинских работников из ближайшего окружения можно рассматривать как способы психологической и социальной защиты, которые мотивируются страхами.

Мы не зафиксировали значимых различий результатов респондентов по признаку пола. Известно, что солидарные установки и навыки могут специально культивироваться вне зависимости от социологических характеристик, например от пола (Varga et al., 2023). Однако в отечественных исследованиях отмечается, что мужчины менее толерантны к физическому дискомфорту и репутационным потерям из-за ношения масок (Падун и др., 2021). Зарубежные исследования также показывают, что женщины и люди среднего возраста с высшим образованием в большей мере готовы предоставлять помощь во время карантинов (стать «донорами»), а получателями ее («реципиентами») оказываются чаще всего люди со средним образованием и пожилые. Мужчины менее вовлечены в солидарные акции в качестве помощников и в качестве реципиентов помощи (Kaup et al., 2022), т.е. в традиционных культурах мужчины избегают подчиненных позиций «помощника» или «беспомощного человека». Тем не менее в группе помогающих профессий (волонтеры, медики, психологи, педагоги) мужчины демонстрируют высокую готовность к взаимопомощи, более высокий уровень эмпатии, чем женщины той же группы. Способность сохранять эмоциональный баланс зависит от практик совладания, принятых в культуре, в отдельных субкультурах, в организационных, профессиональных, семейных контекстах. Таким образом, солидарность — это культурно-опосредованная активность, она не зависит напрямую от социологических показателей (пола, возраста, образования), в большей мере определяется культурными контекстами и практиками. Мы не разделяем оптимизма исследований, указывающих, что негативные переживания могут способствовать просоциальному поведению в более безопасной онлайн-среде (Бульцева, 2023), поскольку в условиях реальных угроз важна внесетевая солидарность, требующая специфических навыков очного взаимодействия и внесетевого поведения.

Возможно, страх заразиться, восприятие другого человека как источника угрозы приводят к моментальному разрушению положительных социальных связей, дистанцированию по типу физиологического механизма аверсивного обучения, когда устойчивые условные физиологические связи мгновенно, с первой же пробы, распадаются под воздействием сильного отрицательного внешнего стимула (Kiefer et al., 1982). Люди, пережившие стресс в результате стихийных бедствий, выходят из него с разрушенным буфером тревоги и высоким риском ПТСР (Чистопольская, Ениколопов, 2014). На то, что страх смерти приводит к распаду устойчивых положительных социальных связей, игнорированию традиционных моральных норм, указывали и социальные психологи (Dolinski, 2017). Впервые мы показали это на массовой выборке в условиях пандемии, которую можно рассматривать как «квазиэксперимент».

Таким образом, обнаружен феномен единения (синхронного поведения) людей, похожий на проявление просоциальной солидарности, но с неспецифической негативной мотивацией. Мы считаем, что его нужно отличать от осознанной, тренированной солидарности, основанной на убеждении в том, что слабым, незащищенным группам и людям нужна поддержка государства и других граждан. Можно назвать этот феномен предсолидарностью, солидарноподобным поведением, когда общая программа действий вырабатывается и принимается не внутри сообществ, а поступает извне; объединяющим мотивом такого поведения оказывается страх за свою жизнь. Солидарность — не только рациональное, нормативное поведение, она включает иррациональные, ритуальные действия по снижению уровня тревожности, а не только рисков заболевания и спасению своей жизни. Возможно, под влиянием стресса происходит регресс массового сознания на более архаичный уровень, когда мотивы выживания и страх смерти становятся важными, если не исключительными, мотивами коллективного поведения.

Литература

- Бульцева, М. А. (2023). Детерминанты онлайн-просоциального поведения во время пандемии COVID-19. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 20(1), 31–39. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-1-31-39>
- Маховская, О. И. (2021). Психологический потенциал солидарности российских медиа в условиях пандемии. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 6(1(21)), 65–92. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2021.21.1.003>
- Маховская, О. И. (2022). О роли медиа в формировании солидарности в условиях пандемии COVID-19 (по материалам зарубежных исследований). *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19(1), 183–194. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-1-183-194>
- Маховская, О. И., Марченко, Ф. О. (2015). *Дети и телевидение: история психологических исследований и экспертизы телепрограмм для детей*. М.: Инфра-М.
- Падун, М. А., Белова, С. С., Нестик, Т. А. (2021). Установки приверженности масочному режиму российских респондентов в период пандемии COVID-19. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(4), 770–791. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-4-770-791>
- Чистопольская, К. А., Ениколопов, С. Н. (2013). Проблема отношения к смерти после суицидальной попытки. *Медицинская психология в России*, 2(19). http://medpsy.ru/mprj/archiv_global/2013_2_19/nomer/nomer12.php

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Arnsperger, Ch., & Varoufakis, Y. (2003). Toward a theory of solidarity. *Erkenntnis*, 59(2), 157–188. <https://doi.org/10.1023/A:1024630228818>
- Bayertz, K. (1999). Four uses of “Solidarity”. In K. Bayertz (Ed.), *Solidarity. Philosophical studies in contemporary culture* (Vol. 5, pp. 3–28). Dordrecht: Springer.

- Bierhoff, H. (2008). Solidarität [Solidarity]. In A. E. Auhagen (Hrsg.), *Positive Psychologie. Anleitung zum "besseren" Leben* [Positive psychology. Guide for a "better" life] (2. Aufl., Ss. 183–202). Weinheim: Beltz.
- Bish, A., & Michie, S. (2010). Demographic and attitudinal determinants of protective behaviors during a pandemic: A review. *British Journal of Health Psychology*, *15*, 797–824. <https://doi.org/10.1348/135910710X485826>
- Bultseva, M. A. (2023). Determinants of the online prosocial behavior during the COVID-19 pandemic. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, *20*(1), 31–39. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-1-31-39> (in Russian)
- Chistopol'skaya, K. A., & Enikolopov, S. N. (2013). Problema otnosheniya k smerti posle suitsidal'noi popytki [The problem of attitude to death after a suicidal attempt]. *Meditsinskaya Psikhologiya v Rossii*, *2*(19). http://medpsy.ru/mpj/archiv_global/2013_2_19/nomer/nomer12.php
- Cowie, H., & Myers, C. A. (2021). The impact of the COVID-19 pandemic on the mental health and well-being of children and young people. *Children & Society*, *35*(1), 62–74. <https://doi.org/10.1111/chso.12430>
- Dalton, L., Ropa, E., & Stein, A. (2020). Protecting the psychological health of children through effective communication about COVID-19. *The Lancet Child and Adolescent Health*, *4*(5), 346–347. [https://doi.org/10.1016/S2352-4642\(20\)30097-3](https://doi.org/10.1016/S2352-4642(20)30097-3)
- De Beer, P., & Ferry, K. (2009). *Sticking together or falling apart? Solidarity in an era of individualization and globalization*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Dolinski, D. (2017). Would you deliver an electric shock in 2015? Obedience in the experimental paradigm developed by Stanley Milgram in the 50 years following the original studies. *Social Psychological and Personality Science*, *8*(8), 927–933. <https://doi.org/10.1177/1948550617693060>
- Everett, J. A., Colombatto, C., Chituc, V., Brady, W. J., & Crockett, M. (2020). *The effectiveness of moral messages on public health behavioral intentions during the COVID-19 pandemic*. <https://doi.org/10.31234/osf.io/9yqs8>
- Goodhew, S. C., & Edwards, M. (2022). The relationship between cognitive failures and empathy. *Personality and Individual Differences*, *186*, Article 111384. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111384>
- Gordeeva, T. O., Sychev, O.F., & Semenov, Y. I. (2020). Constructive optimism, defensive optimism, and gender as predictors of autonomous motivation to follow stay-at-home recommendations during the COVID-19 pandemic. *Psychology in Russia. State of the Art*, *13*(4), 38–54. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0403>
- Harper, C. A., Satchell, L. P., Fido, D., & Latzman, R. D. (2021). Functional fear predicts public health compliance in the COVID-19 pandemic. *International Journal of Mental Health and Addiction*, *19*, 1875–1888. <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00281-5>
- Janmaat, G. J., & Braun, R. (2009). Diversity and postmaterialism as rival perspectives in accounting for social solidarity: Evidence from international surveys. *International Journal of Comparative Sociology*, *50*(1), 39–68. <https://doi.org/10.1177/0020715208100969>
- Kaup, T., Schweda, A., Krakowczyk, J., Dinse, H., Skoda, E.-M., Teufel, M., & Bäuerle, A. (2022). Levels, predictors, and distribution of interpersonal solidarity during the COVID-19 pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, *19*(4), Article 2041. <https://doi.org/10.3390/ijerph19042041>
- Kiefer, S. W., Rusiniak, K. W., & Garcia, J. (1982). Flavor-illness aversions: gustatory neocortex ablations disrupt taste but not taste-potentiated odor cues. *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, *96*(4), 540–548. <https://doi.org/10.1037/h0077910>

- Komter, A. (2005). *Social solidarity and the gift*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lunn, P. D., Timmons, S., Barjaková, M., Belton, C. A., Julienne, H., & Lavin, C. (2020). *Motivating social distancing during the COVID-19 pandemic: An online experiment* (Working paper № 658). <https://doi.org/10.31234/osf.io/x4agb>
- Makhovskaya, O. I. (2021). Psychological potential of solidarity in Russian medias in the context of the pandemic. *Institut Psikologii Rossiiskoi Akademii Nauk. Sotsial'naya i Ekonomicheskaya Psikhologiya [Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology]*, 6(1(21)), 65–92. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2021.21.1.003> (in Russian)
- Makhovskaya, O. I. (2022). On the role of media in the development of solidarity in the context of the COVID-19 pandemic (Based on the materials of foreign studies). *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 19(1), 183–194. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-1-183-194> (in Russian)
- Makhovskaya, O. I., & Marchenko, F. O. (2015). *Deti i televidenie: istoriya psikhologicheskikh issledovaniy i ekspertizy teleprogramm dlya detei* [Children and television: a history of psychological research and expertise of TV programs for children]. Moscow: Infra-M.
- Mehrabian, A. (1996). *Manual for the Balanced Emotional Empathy Scale (BEES)*. Monterey, CA: Author.
- Mehrabian, A., & Epstein, N. (1972). A measure of emotional empathy. *Journal of Personality*, 40, 525–543. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1972.tb.00078.x>
- Muthén, B. (1984). A general structural equation model with dichotomous, ordered categorical, and continuous latent variable indicators. *Psychometrika*, 49(1), 115–132. <https://doi.org/10.1007/BF02294210>
- Olagoke, A. A., Olagoke, O. O., & Hughes, A. M. (2020). Exposure to coronavirus news on mainstream media: the role of risk perceptions and depression. *British Journal of Health Psychology*, 25(4), 865–874. <https://doi.org/10.1111/bjhp.12427>
- Padun, M. A., Belova, S. S., & Nestik, T. A. (2021). Psychology adherence attitudes towards mask wearing regulations in Russia during COVID-19 pandemic. *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 18(4), 770–791. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-4-770-791> (in Russian)
- Pfattheicher, S., Nockur, L., Böhm, R., Sassenrath, C., & Bang Petersen, M. (2020). The emotional path to action: Empathy promotes physical distancing and wearing of face masks during the COVID-19 pandemic. *Psychological Science*, 31(11), 1363–1373. <https://doi.org/10.1177/0956797620964422>
- Pyszczynski, T., & Kesebir, P. (2020). Anxiety buffer disruption theory: A terror management account of posttraumatic stress disorder. *Anxiety, Stress and Coping*, 24(1), 3–26. <https://doi.org/10.1080/10615806.2010.517524>
- Rhemtulla, M., Brosseau-Liard, P. Ī., & Savalei, V. (2012). When can categorical variables be treated as continuous? A comparison of robust continuous and categorical SEM estimation methods under suboptimal conditions. *Psychological Methods*, 17(3), 354–373. <https://doi.org/10.1037/a0029315>
- Taylor, S., & Asmundson, G. J. G. (2021). Negative attitudes about facemasks during the COVID-19 pandemic: the dual importance of perceived ineffectiveness and psychological reactance. *PLoS ONE*, 16(2), Article e0246317. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0246317>
- Vara, F., Amini, M., Moosavi, M., Askarinejad, A., Sasannia, S., Tabari, P., Sagheb, M., & Kazeronian, A. B. (2023). Fear and empathy with COVID-19 patients among medical students. *Shiraz E-Medical Journal*, 24(2), Article e130631. <http://doi.org/10.5812/semj-130631>

ГРУППЫ В СОСТАВЕ БОЛЬШОЙ ОБЩНОСТИ: ФЕНОМЕН ИНГРУППОВОЙ ПРОЕКЦИИ И ЕГО РОЛЬ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ФОРМ НЕЯВНЫХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ

М.В. КОТОВА^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия,
Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Groups in the Inclusive Category: Ingroup Projection and Its Impact on the Covert Forms of Prejudice Enhancement

M.V. Kotova^a

^а *HSE University, 20 Myasnikskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Резюме

Настоящая аналитическая работа представляет собой обсуждение соотношения понятий «ингрупповая проекция» и «неявные предубеждения» и стоящих за ними явлений. В поле зрения при изучении ингрупповой проекции в первую очередь оказалось негативное отношение к другой группе, выражаемое открыто, но в последние десятилетия исследователи все чаще фиксируют трансформацию предубеждений в скрытые, неявные формы: символические, амбивалентные или аверсивные (Brown, 2010). Неявное предубеждение, или, иными словами, скрытое негативное отношение к другой группе, привлекает внимание исследователей в первую очередь внезапно переходя от внешне нейтрального или позитивного отношения к негативному. Однако

Abstract

Current analysis represents a rationale for the relationship between the two concepts: “ingroup projection” and “covert prejudice”, and the phenomena behind them. Prototypicality allows group members to consider their ingroup as the most normatively “correct” one. When studying ingroup projection, the primary focus of attention was a negative attitude towards another group, expressed openly, but in recent decades, researchers have increasingly documented the transformation of prejudice into covert, subtle forms: symbolic, ambivalent or aversive (Brown, 2010). Covert forms of prejudice or, in other words, a hidden negative attitudes towards another group attract the attention of researchers primarily due to the sudden transition from an outwardly neutral or positive

составление ингрупповой проекции и форм неявных предубеждений ранее в литературе не проводилось. Наш анализ показывает, что ингрупповая проекция может выступать инструментом для поддержания неявных предубеждений, причем для разных форм неявных предубеждений эта поддержка будет различной. Наиболее ярко это проявляется у символических форм предубеждения, которые во многом являются поиском способов внешне легитимного прикрытия негативного отношения к другим группам. Амбивалентные же формы предубеждения могут как усиливаться, так и трансформироваться в иные (например, дегуманизацию) при усилении ингрупповой проекции. Аверсивное предубеждение, как показывает анализ, в меньшей степени связано с ингрупповой проекцией, однако особое значение приобретают нормы взаимодействия, которые проекция может делать как четкими, так и неопределенными. В завершение работы приводится обсуждение перспектив исследования взаимосвязи ингрупповой проекции и форм неявных предубеждений в российском контексте. В частности, обсуждаются особенности гражданской идентичности жителей России и ценностные ориентации, противоречия в которых могут приводить к переходу предубеждений в скрытые формы.

Ключевые слова: ингрупповая проекция, прототипичность, межгрупповые отношения, неявные предубеждения, Россия.

Котова Марина Викторовна — доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: социальная психология, этнопсихология (формирование и изменение предубеждения и социальной идентичности), психология межгрупповых отношений, национальная политика и национальные отношения.
Контакты: mkotova@hse.ru

attitude to a negative evaluation of an out-group with a subsequent behavior. However, a precise comparison of ingroup projection and forms of covert prejudice has not previously been carried out in the scientific literature. Our analysis reveals that ingroup projection can be considered as a tool for a covert prejudice maintaining and enhancement. Moreover, this support might be different for different forms of covert prejudice. The most significant relationship is to be expected for symbolic forms, forms that mainly reflect a search for ways of an outwardly legitimate cover for a negative attitude towards other groups. Ambivalent forms of prejudice can both intensify and transform into other forms (for example, dehumanization) with the strengthening of the ingroup projection. Aversive bias, we suggested, should be less related to the ingroup projection; nevertheless, the social norms of interaction that ingroup projection can make both clear and vague take on special significance in this case. The paper ends with a discussion of the directions for studying the relationship between ingroup projection and forms of covert prejudice in the Russian context. In particular, the civic identity content of the inhabitants of Russia is discussed, and the conflict between value orientations that can lead to the transition of prejudices into covert forms is considered.

Keywords: ingroup projection, prototypicality, intergroup relations, covert prejudice, Russia.

Marina V. Kotova — Associate Professor, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, PhD in Psychology. Research Area: social psychology, ethnic psychology (prejudice and social identity formation, measurement, and change), psychology of intergroup relations, national politics and national relations.
E-mail: mkotova@hse.ru

Проблема устойчивости предубеждения

Понимание предубеждения¹ и его роли в межгрупповых отношениях претерпело существенные изменения со времен публикации Гордоном Олпортом его знаменитой работы (Allport, 1954/1979). Если в 1950–1970-х гг. предубеждение понималось как «антипатия, основанная на негибком и ложном обобщении» (Ibid., p. 7), причем антипатия или враждебность зачастую проявлялись открыто, то с 1970-х гг. стали создаваться модели неявных или скрытых форм предубеждений (Katz, Hass, 1988; McConahay et al., 1981; Pettigrew, Meertens, 1995; Sears, 1988; Henry, Sears, 2002). При этом само предубеждение стало рассматриваться как хоть и негативный, но в существенной мере закономерный результат обыденных и адаптивных процессов межгруппового восприятия и идентификации, как социальная установка², пристрастное (обычно негативно-пристрастное) отношение к человеку, основанное на факте его принадлежности к группе (Brown, 2010).

Однако, как ни менялось понимание предубеждения, его устойчивость к различным техникам ослабления всегда оставалась крайне насущной задачей для исследователей и практиков (Brown, 2010; Lai et al., 2014; Lai et al., 2016). Поиск механизмов устойчивости предубеждения к изменениям является исходной проблемой и для данной аналитической работы, а социально-психологические явления, которые могли бы играть роль подобных инструментов, — фокусом рассмотрения. С нашей точки зрения, для понимания социально-психологических механизмов этой устойчивости особого внимания заслуживает анализ трансформации предубеждений в скрытые формы вслед за изменением социальных отношений, а также удачных или неудачных попыток использовать социальную идентичность для ослабления предубеждений (Котова, 2024; Brewer, 2010; Brown, 2010).

Изучение скрытых форм предубеждений было призвано объяснить несоответствие между ощущаемым снижением уровня явных предубеждений (по данным различных опросов мнений) и также явными межгрупповой напряженностью и дискриминацией, которые оставались примерно на одном уровне (обзор см.: Brown, 2010, Chapter 7). Разнообразие форм скрытых (неявных)

¹ В данной работе и термин «предубеждение», и термин «предрассудок» понимаются как синонимы, как русскоязычное обозначение того же феномена, который в англоязычной литературе обозначается термином «prejudice».

² Социальная установка (или отношение) является родовым понятием для понятия «предубеждение» в большинстве современных определений (Brown, 2010). Это отличает понятие «предубеждение» от понятия «стереотип», которое в первую очередь опирается на категорию «образ». Соответственно, стереотипизация — это приписывание человеку характеристик на основании групповой принадлежности, а предубеждение — это отношение (обычно негативное, уничижительное) на основании групповой принадлежности. Разумеется, обычно именно негативные стереотипы и становятся основой для предубеждения, однако не обязательно. Например, амбивалентные стереотипы зависти могут стать основой предубеждения по типу поиска «козла отпущения» (Glick, 2005).

предубеждений, концептуализированных исследователями в 1970–1990-е гг. — символические, амбивалентные, аверсивные — указывает, как мы полагаем, на разнообразие функций, которые предубеждения могут выполнять в межгрупповых отношениях. Более того, любопытно, что различным группам свойственны скрытые предубеждения разных форм. Так, например, для расовых групп более всего обсуждаются символические формы (McConahay et al., 1981; Henry, Sears, 2002; Pettigrew, Meertens, 1995; Sears, 1988), а амбивалентные формы (Katz, Hass, 1988) привлекли малое внимание исследователей. Для гендерных групп, напротив, наиболее развито исследование амбивалентных форм (Agadullina et al., 2022; Glick, Fiske, 1996, 2011), а шкалы неосексизма и современного сексизма (символические формы предубеждения) сравнительно редко применяются в эмпирических исследованиях (обзор см.: Brown, 2010).

Разнообразие форм скрытых предубеждений и их специфичность для определенных групп приводят ко второй составляющей проблемы устойчивости предубеждений — социальной идентичности и особенностям идентификации человека с различными группами. Идентичность (и изменение групповых границ на ее основании) представлялась важным инструментом ослабления предубеждений: исследователи полагали, что изменение локальной идентичности с одной ингруппой на идентичность с более крупными общностями приведет к ослаблению предубеждения (Brewer, 2010; Brown, 2010). Тем не менее манипулирование в исследованиях возможной идентификацией с различными группами приводило к противоречивым результатам (Brewer, 2010; Brown, 2000; Gaertner, Dovidio, 2005; Mummendey, Wenzel, 1999). Как и в случае с предубеждением, можно сказать, что социальная идентичность сопротивляется попыткам исследователей заменить ее на другую — надгрупповую, двойственную и т.п. (обзор см.: Brewer, 2010).

Поэтому наше внимание привлекла модель ингрупповой проекции (Mummendey, Wenzel, 1999), которая, в противоположность многим другим подходам, поставила во главу угла обоснование усиления предубеждения как ответа на идентификацию с несколькими группами сразу. Ингрупповая проекция в рамках данной модели рассматривается как механизм, который позволяет членам группы поддерживать позитивную оценку своей группы даже в таких случаях, когда отличия между своей и другими группами не столь выражены или намеренно стираются. Кроме того, модель ингрупповой проекции рассматривает случаи, когда ингруппа входит в более глобальную общность, нормы и обычаи которой в существенной мере определяют отношение к различным группам в ее составе. Последнее особенно верно для поликультурных государств или для наднациональных объединений наподобие Европейского Союза, жители которого и стали самыми частыми участниками исследований ингрупповой проекции (Wenzel et al., 2007). Однако достигается эта позитивность в том числе за счет легитимации негативного отношения к различным группам внутри этой большой общности.

Примечательно, что взаимосвязь между процессами трансформации предубеждений в скрытые формы и ингрупповой проекцией еще не становилась

предметом анализа ни в зарубежной, ни в отечественной литературе, несмотря на то что оба явления связаны с феноменом устойчивости предубеждения. С нашей точки зрения, анализ данной взаимосвязи должен быть продуктивен для понимания механизмов функционирования и устойчивости предубеждений. Соответственно, целью данной работы является анализ понятия «ингрупповая проекция», и, в первую очередь, мы будем рассматривать это понятие с точки зрения его роли в функционировании скрытых форм предубеждения.

Ингрупповая проекция: механизм легитимации негативного отношения к аутгруппе

Ингрупповая проекция³ — генерализация характеристик своей группы на более общую категорию, рассмотрение представителей своей группы как наиболее приближенных к прототипу общей категории. Данное понятие было предложено Амели Мамменди и Михаэлем Уэнзелом в 1999 г. (Mummendey, Wenzel, 1999). Ингрупповая проекция не является эмпирически и относительно случайно обнаруженным экспериментальным эффектом, как происходит иногда открытие эффектов когнитивных искажений. Напротив, авторы аналитически предположили ее существование в поисках ответа на вопрос, каким образом члены групп интерпретируют межгрупповые различия или, точнее, в каких случаях воспринимаемые различия становятся основанием для социальной дискриминации или враждебности. Самые известные из существующих подходов, такие как теория реалистического группового конфликта или теория социальной идентичности, безусловно, предлагают свой взгляд на механизм возникновения дискриминации. Однако каждая из теорий столкнулась с противоречиями (обзор см.: Brewer, 2010), поиск решения которых актуален и сегодня. Не отвергая базовые идеи подходов М. Шерифа и А. Тэшфела, но пытаясь увеличить их предсказательную силу, А. Мамменди и М. Уэнзел разработали понятие ингрупповой проекции.

Предлагая данное понятие, авторы намеревались использовать для ответа на вопрос о механизмах социальной дискриминации такую «переменную» в межгрупповых отношениях, как социальный контекст, — переменную, которая часто упоминается, полагается важной, но крайне редко действительно учитывается в исследованиях (Mummendey, Wenzel, 1999). Ингрупповая проекция же с необходимостью включает контекст межгруппового взаимодействия, поскольку является реакцией на сложную, вложенную структуру социальных групп, когда есть более объемные общности, такие как нация или объединение

³ Сразу стоит оговориться, что авторы этого понятия не предполагали психоаналитического значения термина «проекция» в данном случае. Речь идет о генерализации (обобщении) характерных черт своей группы и приписывании этих черт более глобальной социальной категории (см.: Mummendey, Wenzel, 1999, p. 167). Именно эту генерализацию черт/норм авторы обозначили как проекцию ингруппы вовне на большую категорию (*inclusive category*). Примером ингрупповой проекции можно считать убеждение, что «русские (этническая группа) — это наиболее типичные россияне», которое, возможно, и подкрепляет известный тезис «Россия для русских» (Иванов, 2007).

наций, и включенные в них отдельные социальные группы (этнические, религиозные, региональные и др.).

Каким образом работает данный механизм? Можно условно выделить мотивационные и когнитивные условия его работы. Ключевой мотивацией для запуска ингрупповой проекции (и здесь авторы модели ингрупповой проекции следуют за теорией социальной идентичности) является стремление человека к положительному самоотношению, которое, как подчеркивал А. Тэшфел (Tajfel, 1982), ведет к стремлению положительно оценивать свою группу. Это происходит, поскольку принадлежность к группе означает для человека определение себя (хотя бы частично) через особенности этой группы. Соответственно, положительная социальная идентичность предполагает и положительную оценку группы принадлежности⁴. Положительная оценка своей группы происходит не в вакууме, не в абсолютной шкале, но в сравнении с другими группами: «мы» лучше, чем «они». И здесь подключаются когнитивные процессы для достижения «позитивной отличительности» своей группы от прочих. Согласно модели ингрупповой проекции (Ingroup Projection Model – IPM), позитивная отличительность в рамках глобальной «вложенной» структуры обществ достигается за счет восприятия своей группы как более прототипичной для общей категории, которая обычно оценивается положительно. Причем группы могут быть как согласны в восприятии прототипичности друг друга, так и нет. Например, и западные, и восточные немцы признавали, что западные немцы, жители бывшего ФРГ, более прототипичны для национальной группы «немцы», нежели восточные немцы, жители бывшей ГДР (Waldzus et al., 2004); группы, менее «отягощенные» статусной иерархией, чаще демонстрировали взаимную ингрупповую проекцию (например, студенты различных специальностей (Wenzel et al., 2003), учителя колледжа или университета (Waldzus et al., 2004)).

Однако мотивация позитивного самоотношения не единственное мотивационное устремление, которое должно объяснять межгрупповую дискриминацию. Как справедливо указывала М. Бруэр, положительная пристрастность к своей группе (ingroup love/bias) не ведет автоматически к враждебности к другим группам (outgroup hate) (Brewer, 1999). Понимание этого процесса как автоматического часто рассматривается исследователями в качестве ограничения теории социальной идентичности, в особенности при тестировании теории с использованием парадигмы минимальных групп (Brown, 2000; Spielman, 2000). Поэтому в качестве другого крайне существенного устремления авторы IPM предлагают проанализировать легитимацию⁵ (нормативное

⁴ Разумеется, это не автоматический процесс. Можно найти примеры поддержания позитивности социальной идентичности через явное негативное определение группы принадлежности, однако такие решения обычно временны, и при долгосрочном негативном определении группы ее члены сталкиваются со снижением психологического благополучия (см.: Стефаненко, 2014).

⁵ Этот процесс можно рассматривать одновременно и как мотивацию, если речь идет, например, о желании элит установить/узаконить статус-кво доминирующей группы, и, как результат таковой политики, как «когнитивную технику» для стабильности позитивной идентификации с группой.

узаконение) негативного поведения в отношении аутгруппы (Mummendey, Wenzel, 1999).

Что подталкивает группы к легитимации дискриминации? Здесь авторы IPM обращаются к нескольким феноменам и теориям. Во-первых, с точки зрения теории самокатегоризации (Turner, 1987), сравнение (в поиске той самой позитивной отличительности своей группы) может происходить только по сравнимым категориям. Сравнимость категорий задается более общей категорией, в которую входят сравниваемые. Кроме того, позитивность оценивания частной категории зависит от ее релевантности для более общей категории. Переноса это рассуждение на группы и идентичности, Дж. Тернер (Ibid.) говорил о том, что надгрупповая общность задает основания для сравнения групп и, что крайне важно, также задает ценностные ориентиры, каким быть «хорошо» и «правильно». В таком случае относительная прототипичность своей группы для большей общности становится своеобразным мерилom ее «хорошести», позитивной отличительности в составе надгрупповой общности и в сравнении с другими группами, аутгруппами.

Во-вторых, вхождение групп в одну большую надгрупповую общность и оценка друг друга в рамках этой общности задает и «правила» отношения к межгрупповым различиям, которые у групп есть с необходимостью. Авторы модели указывают, что, согласно исследованиям динамики группового мнения Л. Фестингера, в группе возникает определенное стремление к единообразию⁶, а если чье-то мнение отклоняется, то группа либо пытается их изменить⁷, либо начинает изменять восприятие своих границ таким образом, чтобы неподходящий член группы оказался вне ее (Mummendey, Wenzel, 1999). Подобные процессы, по мнению авторов IPM, происходят и в случае существования различных групп в составе большей категории. Ингруппа и аутгруппа оцениваются, исходя из соответствия прототипу общей надгрупповой категории, и если для ингруппы работает механизм ингрупповой проекции, т.е. она воспринимается как наилучший, «самый правильный» представитель общей категории, то аутгруппа становится источником неопределенности, тревоги и даже угрозы. Следовательно, ингруппа как нормативная и «правильная» занимает позицию превосходства и чувствует себя вправе определять правила поведения всех членов надгрупповой общности, негативно относясь к отклонению от общего прототипа. В результате может возникать легитимация дискриминации тех групп, которые менее прототипичны. Более того, подобная дискриминация воспринимается справедливой, или относительно справедливой, с позиции членов ингруппы (Ibid.).

Итак, понятие «ингрупповая проекция» было призвано объяснить, в каких случаях происходит интерпретация межгрупповых различий по негативному

⁶ Здесь же можно указать также на эксперименты М. Шерифа по выработке общей групповой нормы (см.: Brewer, 2010), так называемые эксперименты с аутокинетическим эффектом.

⁷ Отдельного внимания заслуживает такой способ давления на отклоняющегося или просто «непохожего» члена группы (и своей, и иных групп), как остракизм, или исключение. Как показывают исследования (Williams, 2007), остракизм является мощным механизмом: избегая его, человек готов подчиняться нормам.

сценарию, т.е. аутгруппа, несмотря на то что она входит в ту же самую большую общность, что и ингруппа, рассматривается последней как источник угрозы, и негативное отношение к ней оценивается как оправданное. Сравнительно большая воспринимаемая прототипичность своей группы как результат ингрупповой проекции способствует позитивному самоотношению, но при этом возникает и тенденция к дискриминации аутгрупп, которые воспринимаются далекими от прототипа, поскольку они самим фактом «отличительности» от него нарушают нормативы правильного поведения в рамках большой общности. Отдельно важно указать на тесную связь ингрупповой проекции и воспринимаемой прототипичности с контекстом межгрупповых отношений, так как происходит проекция тех качеств, которые релевантны для оценки большей общности, вмещающей и ин-, и аутгруппы. Учет этой особенности, с нашей точки зрения, позволяет создавать более точные предсказания, какие межгрупповые различия потенциально могут стать источником легитимации негативного поведения (дискриминации) аутгруппы.

Последствия ингрупповой проекции для межгрупповых отношений

Интенсивные исследования феномена ингрупповой проекции позволили эмпирически зафиксировать его наличие и проверить основные предположения о его предикторах и последствиях (обзор см.: Wenzel et al., 2007). Действительно, существенная мера идентификации как с непосредственной ингруппой, так и с надгрупповой категорией (например, с немцами и с европейцами одновременно) ведет к большему стремлению к ингрупповой проекции (т.е. к восприятию немцев как наиболее прототипичных европейцев) (Ibid.). Также известно, что чем более четкий и однозначный прототип существует для надгрупповой общности (например, есть однозначный прототип «настоящего» европейца), тем легче возникает и ингрупповая проекция, и последующая легитимация дискриминации других групп как отклоняющихся от этого прототипа.

В качестве последствий исследователи зафиксировали негативный эффект относительной прототипичности⁸ своей группы для межгрупповых отношений: чем явственнее прототипичность, тем более негативно отношение к аутгруппе. Небольшой метаанализ на 27 выборках показал умеренный размер эффекта (Ibid.). Немногочисленные экспериментальные исследования на основе ИРМ также подтверждают значимость ингрупповой проекции. Так, С. Валдзус и А. Мамменди манипулировали мерой прототипичности, предложив респондентам написать суждения либо в пользу высокой прототипичности как немцев, так и британцев (по отношению к категории «европейцы»),

⁸ Относительная прототипичность группы — это разница между прототипичностью ингруппы и аутгруппы относительно надгрупповой общности. Сама по себе прототипичность каждой из групп рассчитывается по формуле: $d_{inc-sub} = \sqrt{(\sum(x_{inc(i)} - x_{sub(i)})^2)}$, где d — прототипичность, inc — надгрупповая общность, sub — ингруппа (или аутгруппа), x_i — оценка для атрибута i в перечне качеств (ценностей или иных суждений, которые стали основанием методики).

либо в пользу высокой прототипичности немцев, но слабой — британцев, либо в пользу высокой прототипичности немцев в сравнении с британцами. В результате выяснилось, что последние два условия приводят к значимо более выраженной пристрастности межгрупповых установок (Ibid.).

Анализ недавних исследований показывает, что распространение на другие культурные контексты и виды социальной идентичности в целом демонстрирует схожие тенденции и подтверждение более частных суждений модели, причем исследования могут быть как напрямую построены на IPM, так и опираться на другие концептуализации прототипичности (Berthold et al., 2019; Bianchi et al., 2010; Steffens et al., 2017). Так, в исследовании М. Абаскал было проверено предположение о том, что группа начинает менять воспринимаемые границы и трансформировать прототип члена группы в ответ на угрозу недостаточной отличительности (Abascal, 2020): белые американцы в условиях воспринимаемой демографической угрозы («растворения» своей группы в результате смешения рас) были в большей мере склонны рафинировать понятие «белого американца» и исключать расово-амбивалентных членов группы из него. А. Белл и коллеги провели серию исследований для оценки действия ингрупповой проекции на сторонников различных политических партий (Bell et al., 2022). Ингрупповая проекция (оценка «своей» партии как самой прототипичной для США в целом) усиливает политическую поляризацию, препятствует готовности участвовать в совместных политических проектах. Интересно отметить, что для этих исследований авторы поменяли обычную методику оценки ингрупповой проекции (как типичности тех или иных качеств ингруппы, аутгруппы и надгрупповой общности) на оценку выраженности у каждой группы «ключевых элементов идентичности американца». Этот прием может быть удачно применен в тех случаях, когда у изучаемых групп нет четкого стереотипа, который позволил бы создать методику на основании качеств. Д. Гласфорд с опорой на исследования восприятия прототипичности пространства и его роли для идентификации и группового поведения предлагает модель SPACE (A Social Identity Paradigm for Contextualized Experience). В серии исследований он показал, что восприятие какого-то пространства как прототипичного для группы сказывается на восприятии статуса этой группы, на мере идентификации с группой, чувстве солидарности, готовности участвовать в программах ослабления ингрупповой пристрастности, коллективных действиях (Glasford, 2021).

Ингрупповая проекция на службе у скрытых форм предубеждения

Примечательно, но обсуждения взаимосвязей ингрупповой проекции и неявных, скрытых, форм предубеждения в литературе нет. Возможно, это связано с довольно частым использованием в исследованиях неспецифичной терминологии и, соответственно, относительно диффузным пониманием (и измерением) сути феномена предубеждения. Так, например, исследователи пользуются термином «bias» (пристрастное отношение) или «outgroup attitudes», измеряя общую прохладность отношения к другой группе или предпочтение

большей дистанции с аутгруппой в сравнении с ингруппой респондента. В таком случае фиксируется довольно закономерный феномен, что аутгруппа воспринимается менее тепло (в чувствах и предпочитаемой дистанции), чем ингруппа, однако это мало что говорит о содержании отношения и его потенциальной возможности стать предубеждением⁹. Другой причиной может являться относительная молодость самого понятия «ингрупповая проекция». Но все же в литературе накопилось достаточно данных, чтобы высказать ряд предположений о взаимосвязях неявных форм предубеждения и ингрупповой проекции.

Первый факт, который стоит отметить, — это участие обоих феноменов (ингрупповой проекции и предубеждений) в сопротивлении изменениям в межгрупповых отношениях. Г. Олпорт, высказывая предположение о появлении новых, неявных, форм предубеждения (Allport, 1954/1979), указывал, что новые формы являются реакцией на изменившийся социальный и политический контекст в Соединенных Штатах: искреннее принятие норм эгалитарности входит в противоречие с негативными отношениями между расовыми группами, приводя к внутреннему конфликту и трансформации предубеждений в неявные формы. В неявных же формах предубеждения продолжают подпитывать дискриминацию, удерживая «старые» формы межгрупповых отношений (Brown, 2010). Ингрупповая проекция участвует в очень похожем механизме: легитимация статуса своей группы в рамках большей общности (как наиболее типичной и «правильной») позволяет воспринимать оценку межгрупповых различий негативно и «законно» претендовать на право определять, кто как должен себя вести и какие санкции должны следовать за отклонение от заданной модели.

Следовательно, можно предположить, что ингрупповая проекция служит инструментом поддержки легитимности предубеждения. Причем особое значение этот инструмент приобретает в тех случаях, когда явное и признанно негативное отношение к межгрупповым различиям утрачивает свою силу (иначе нет нужды проецировать прототипичность своей группы на общую категорию (например, в начале XX в. если кто-то говорил об американцах, то автоматически подразумевалось белое большинство страны)). Создатели ИРМ рассматривали ингрупповую проекцию как предиктор негативного отношения к аутгруппам внутри большей общности (Mummendey, Wenzel, 1999; Wenzel et al., 2007). Однако, если принять в расчет содержание каждого из феноменов, вернее рассматривать эту взаимосвязь иным образом, где ингрупповая проекция — это функциональное следствие предубеждения¹⁰.

⁹ Анализ соотношения таких понятий, как предубеждение (prejudice), стереотип (stereotype), межгрупповые и аутгрупповые установки (intergroup attitudes, outgroup attitudes) и пристрастность (bias, ingroup bias, outgroup bias), — задача для отдельной аналитической работы.

¹⁰ В близком ключе рассуждают Д. Шипирс и коллеги: они соотносят ингрупповую пристрастность (ingroup bias) и идентичность не в математической модели предиктора и зависимой переменной, но в функциональной, предполагая, что ингрупповая пристрастность может выполнять несколько разных функций, одна из которых — это наполнение смыслом идентификации с группой (Scheepers et al., 2006). Схожая логика в понимании роли стратегий поддержания

Косвенным подтверждением такого предположения может служить разнообразие данных о взаимосвязях относительной прототипичности ингруппы, абсолютной прототипичности ингруппы и прототипичности аутгруппы с отношением к аутгруппе, которые приводят Уэнзел и коллеги в обобщающей работе 2007 г. (Wenzel et al., 2007, Table 1). Если усиление относительной прототипичности практически без исключений связано с усилением негативного отношения к аутгруппе, то прототипичность только ингруппы (не относительная) может быть связана как положительно, так и отрицательно с оценкой аутгруппы. Положительные взаимосвязи (либо их отсутствие) свойственны тем случаям, когда группам, участвовавшим в исследовании, по всей видимости, не было необходимости использовать прототипичность для утверждения своего статуса. По полученным данным видно, что в основном это были группы студентов разных специальностей, преподавателей либо же случаи, когда немцы сравнивали себя с итальянцами или поляками (но не с британцами) в рамках Евросоюза (Ibid.).

Другим фактом, который заслуживает обсуждения, являются особенности каждой из форм неявных предубеждений, которые чаще всего упоминаются в литературе. Первая из форм, символическое предубеждение, предполагает, что человеку (носителю этой формы предубеждения) уже не свойственно явственное отвержение представителей другой группы (нежелание жить с ними по соседству или вступать в брак) или уничтожение их способностей, культурных обычаев, однако негативное отношение сохраняется по разным причинам (Brown, 2010). Причины могут быть более «рациональными» (об этом далее) или имплицитными, как результат взросления в культуре, пропитанной предубеждениями и стереотипами. С одной стороны, носители этой формы предубеждения полагают, что представители аутгруппы требуют поддержки и внимания неоправданно, так как равенство прав уже провозглашено (например, зафиксировано в конституции) и дискриминации этой группы уже нет. Более того, постоянная поддержка «якобы ущемляемых» групп приводит по факту к дискриминации представителей большинства, нарушая ценности индивидуализма. С другой стороны, носители этой формы предубеждения полагают, что представители различных аутгрупп просто мало стараются, мало прикладывают усилий для достижения своего благополучия, рассчитывая на постоянные дотации (McConahay et al., 1981; Henry, Sears, 2002; Pettigrew, Meertens, 1995; Sears, 1988). Ингрупповая проекция в таком случае — очень удобный механизм легитимации негативного отношения. Особенно символическое предубеждение проявляется в тех случаях, когда нормы взаимодействия (например, нормы равенства) неявны или же когда можно молчаливо дискриминировать бездействием, например, не поддерживать программы помощи аутгруппе (Henry, Sears, 2002).

Однако стоит отметить, что, вероятно, не любое содержание ингрупповой проекции будет поддерживать именно символическое предубеждение. Более

идентичности как указывающих на функции социальной идентичности для группы была применена М.В. Котовой (2016).

закономерно ожидать, что проекция, включающая качества вроде «трудолюбивый», «целеустремленный», «настойчивый», «независимый», «легкомысленный» (последнее как отвергаемое качество) и другие составляющие проявления ценностей протестантизма, в большей мере будет релевантна символическому предубеждению. В исследованиях ингрупповой проекции специально не обсуждается содержание тех качеств, которые получаются на предварительных этапах (списки типичных качеств представителей групп, которые затем предъявляются в основном этапе для оценки). Тем не менее анализ проведенных исследований указывает, что черты вроде целеустремленности, настойчивости, трудолюбия, независимости довольно часто встречаются в получаемых списках типичных качеств, особенно для групп с более высоким статусом (см., например: Berthold et al., 2019; Mazur, 2022; Waldzus et al., 2004; Waldzus et al., 2005; Wenzel et al., 2003). Это свойственно как для национальных групп (немцы в сравнении с поляками или итальянцами), так и для профессиональных (учителя высших учебных заведений в сравнении с учителями школ, студенты бизнес-направлений в сравнении со студентами-психологами).

Амбивалентное предубеждение — иной вариант скрытого предубеждения, при котором его носители испытывают позитивные чувства (симпатии, восхищения и др.) к представителям другой группы, но при этом же им свойственно и предубежденное отношение, готовность дискриминировать¹¹ (Glick, Fiske, 1996; Katz, Hass, 1988). Амбивалентное отношение, по замыслу Олпорта (Allport, 1954/1979), появляется из противоречия, которое создает одновременное принятие ценностей эгалитарности и протестантских ценностей. Эгалитарные ценности поддерживают сочувствие к членам дискриминируемых групп, а протестантские — недовольство «постоянной их поддержкой» или их притязаниями. Самая известная традиция изучения амбивалентного предубеждения — модель амбивалентного сексизма, предложенная П. Гликом и С. Фиск (Glick, Fiske, 1996; адаптацию на российской выборке см.: Агадуллина, 2018). Модель предполагает, что сексизм как отношение между гендерными группами может одновременно включать как враждебный (явное уничижительное отношение к женщинам), так и благожелательный компонент (Glick, Fiske, 1996).

Однако важно уточнить, что благожелательный сексизм — это все же предвзятое отношение к женщинам, хоть и благожелательное внешне. Например, при оценке ситуаций, когда женщина становилась жертвой изнасилования, враждебные сексисты были склонны к обвинению жертвы вне зависимости от дополнительных условий, а благожелательные сексисты реагировали усилением обвинения жертвы в зависимости от обстоятельств: если совершивший насилие был незнакомцем, то обвинение было выражено минимально, однако если это был знакомый человек, то обвинение женщины резко возрастало, превышая реакцию враждебных сексистов (Abrams et al., 2003). Авторы исследования

¹¹ Точнее, разумеется, говорить не об амбивалентном предубеждении, а о сочетании скрытого предубеждения с позитивным отношением к той же самой аутгруппе, но так как термин уже прижился в литературе, то он будет оставлен таким и в данной статье.

полагают, что такой эффект создает лежащее в основе благожелательного сексизма убеждение, что женщина должна вести себя скромно и целомудренно; спровоцировав своим поведением знакомого человека, она сама виновата. В этом смысле методика амбивалентного сексизма лишь относительно амбивалентна, так как и явное, и скрытое отношение все равно предвзято, только благожелательный сексизм — это скорее неявный сексизм, который можно в чем-то сравнить с символическими формами предубеждения (Brown, 2010).

В более точном значении термин «амбивалентный» был применен И. Кацем и Р.Г. Хасс при разработке методики амбивалентного расизма (Katz, Hass, 1988). Методика содержит четыре субшкалы и предполагает: оценку негативного отношения к чернокожим жителям Соединенных Штатов, оценку позитивного отношения, точнее, симпатии и сочувствия, а также оценку протестантских и эгалитарных ценностей, которые подпитывают каждый из типов этого отношения соответственно, причем авторы отдельно обосновывают возможность одновременного наличия как позитивных, так и негативных чувств к какой-то группе. Для достижения подобной амбивалентности при изучении разных типов сексизма шкалы враждебного и благожелательного сексизма стоит, вероятно, дополнить шкалами сочувствия-симпатии и оценкой ценностей, которые могут подпитывать каждый из типов отношения.

Ингрупповая проекция также может выступать инструментом для амбивалентного предубеждения, поскольку позволяет легитимировать нормативность собственной группы в сравнении с другой (например, неявного представления о том, что все должны следовать протестантским ценностям). Тем самым усиление ингрупповой проекции поддерживает и усиление негативной «части» амбивалентного предубеждения, увеличивая его противодействие части положительной. Однако мы полагаем, что здесь крайне важны несколько дополнительных пояснений. Амбивалентное предубеждение между гендерными группами — в исходной модели (Glick, Fiske, 1996) или, например, при измерении амбивалентного отношения к мужчинам (Krivoshchekov et al., 2018) — означает, что группы в сумме составляют универсум — человечество, т.е. надгрупповая общность получается максимально общей. В таком случае ингрупповая проекция и стоящая за ней относительная прототипичность своей группы предполагают, что своя гендерная группа лучше отражает типичные качества человека, нежели другая гендерная группа. Соответственно, усиление ингрупповой проекции становится сродни дегуманизации, т.е. исключению представителей определенной группы из «рода человеческого». Дегуманизация определяется различным образом (обзор см.: Агадуллина, 2021), однако не предполагает включение амбивалентности отношения к аут-группе. Получается определенный парадокс, при котором ингрупповая проекция и поддерживает амбивалентное предубеждение, и ведет к его трансформации в дегуманизацию для ряда групп. Анализ условий появления этого парадокса и его разрешения — задача отдельного исследования.

Другой вопрос касается ключевого положения модели ингрупповой проекции: данный феномен усиливается в случае одновременной и выраженной идентификации человека как с ингруппой, так и с надгрупповой общностью

(Mummendey, Wenzel, 1999; Wenzel et al., 2007). Идентификация же с человечеством, как показывают исследования, — явление, обычно довольно слабо выраженное, а кроме того, ведущее, напротив, к ослаблению предубеждений при действительной сформированности такой идентификации, поскольку она опирается на разотождествление с собственным «уникальным Я» и на включение в это Я всего окружения (Leary, 2019). В таком случае для возникновения ингрупповой проекции мало оснований. Напрашивается вывод, что, возможно, амбивалентное предубеждение для таких групп, которые исчерпывают универсум «человечество», феномен в принципе довольно неустойчивый: либо отношение к другой группе лишено устремлений вывести ее за пределы «рода человеческого», либо эти устремления присутствуют и отношение является одной из форм дегуманизации.

Третья форма неявных предубеждений, которая получила отдельное развитие в исследованиях, — это аверсивное предубеждение (Gaertner, Dovidio, 2005). Аверсивное предубеждение является, если можно так сказать, наиболее скрытой формой предубеждения. Оно возникает как результат двух разнонаправленных мотивационных устремлений: искреннего принятия ценностей эгалитарности и желания избежать межгруппового контакта, так как он вызывает тревогу у носителя этой формы предубеждения. Искреннее принятие ценностей эгалитарности отличает эту форму скрытого предубеждения от символической, носители которой скорее внешне и нормативно благожелательны, но особенно теплых чувств к представителям аутгруппы не испытывают (Henry, Sears, 2002; Pettigrew, Meertens, 1995). Тревога в межгрупповом контакте — это последствие негативных стереотипов, которые свойственны любому человеку, выросшему в культуре, обществе, где эти стереотипы распространены, и автоматически активизируются, какие бы ценности он ни разделял (Correll et al., 2002). Активация негативных стереотипов приводит к тому, что человек, искренне разделяющий эгалитарные ценности, чувствует неуверенность и тревогу, причины которой ему не очень понятны. Такое состояние может различным образом сказаться на межгрупповом взаимодействии. Согласно недавним исследованиям эмоций, в том числе так называемых социальных эмоций, крайне важным является процесс когнитивной оценки ситуации для принятия решения о переживаемой эмоции и последующего поведения (обзор см.: Manstead, 2010). В случае смутной тревоги в межгрупповом взаимодействии человек может, например, посчитать источником этого переживания представителя другой группы и, тем самым, далее воспринимать его как угрозу. Эффект угроз, в свою очередь, в межгрупповом взаимодействии, как правило, негативен (Riek et al., 2006).

Роль ингрупповой проекции для аверсивного предубеждения, как мы полагаем, двояка. С одной стороны, аверсивное предубеждение, по-видимому, не связано (или слабо связано) со стремлением к позитивной отличительности своей группы, приобретаемой за счет аутгруппы. Не случайно аверсивных расистов называют «предубежденными поневоле» (Brown, 2010). Этим данный вид отличается от других видов неявных предубеждений. Более того, С. Гартнер и Дж. Довидио отдельно обсуждают роль социальной идентичности

в ослаблении аверсивного предубеждения и показывают, что идентификация с общей ингруппой ослабляет такое предубеждение (Gaertner, Dovidio, 2005). Соответственно, нельзя утверждать, что ингрупповая проекция через легитимацию прототипичности своей группы будет выполнять ту же роль поддержки аверсивного предубеждения, как это происходит для предубеждения символического. С другой стороны, «эксперименты помощи»¹² подтверждают, что межгрупповое поведение носителя аверсивного предубеждения чувствительно к явственности норм взаимодействия, т.е. к тому, насколько ситуация предписывает следовать нормам социального взаимодействия. Ослабление этих норм приводит к избеганию контакта с возможными негативными последствиями. Например, используя эффект свидетеля, исследователи зафиксировали, что, предполагая присутствие других (ослабленный нормативный контекст), аверсивный расист не окажет помощь представителю другой расы, тогда как это не повлияет на его помощь представителю своей расы (Ibid.). Следовательно, в тех ситуациях, когда ингрупповая проекция легитимирует избегание межгруппового контакта, носители аверсивного предубеждения должны быть склонны к избеганию такового.

Ингрупповая проекция и неявные предубеждения: перспективы исследования в России

Фокусом данной аналитической работы являлась ингрупповая проекция (т.е. стремление рассматривать свою группу как самую типичную для большой общности) и ее последствия для межгрупповых отношений. Проведенный анализ позволяет утверждать, что ингрупповая проекция, вполне вероятно, является инструментом, который поддерживает устойчивость предубеждения. Причем особенное значение она имеет для современных, скрытых форм предубеждения, когда сама легитимность уничижительного отношения к другой группе не поддерживается правовыми нормами, но может поддерживаться иными процессами. За рамками нашего рассмотрения пока оставалось положение модели ингрупповой проекции о значении контекста межгрупповых отношений для понимания действия данной проекции. Поэтому в качестве подведения итогов проведенного анализа мы рассмотрим возможности применения ИРМ в определенном контексте, а именно для оценки межгрупповых отношений в России.

¹² Экспериментальная парадигма, предложенная С. Гартнером и Дж. Довидио для оценки проявления аверсивного предубеждения, так как авторы модели справедливо полагают, что аверсивное предубеждение не подлежит исследованию при помощи методик самоотчета (Gaertner, Dovidio, 2005). Дизайн «экспериментов помощи» обычно включает два условия: респонденты в расово гомогенных или гетерогенных диадах либо предлагают помощь сами, либо могут запросить ее при необходимости у партнера. Аверсивное предубеждение фиксируется как стремление значительно чаще предлагать помощь представителю другой расы (усиление действия социальной нормы), но значительно реже запрашивать помощь самому (не регулируется нормами взаимодействия и позволяет избежать контакта).

В первую очередь нужно отметить, что ингрупповая проекция запускается в том случае, если обе идентичности — с более «частной» группой и с более глобальной общностью — выражены и важны, а прототип надгрупповой общности четкий (Wenzel et al., 2007). Это потенциально может создавать существенный негативный эффект от политических и социальных проектов, направленных изначально на эффект положительный — создания выраженной гражданской идентичности у жителей поликультурной страны. Например, федеральные проекты патриотического воспитания, которые не в последнюю очередь усиливают гражданскую идентичность и привлекательность, однозначность национальной категории¹³, могут также подпитывать стремление к ингрупповой проекции, стремление членов различных групп внутри страны полагать себя самыми прототипичными для страны. Более того, гражданская идентичность, как показывают исследования, включает две составляющие, патриотическую и националистическую¹⁴ (Kosterman, Feshbach, 1989). Эти составляющие в одних странах связаны обратно-пропорционально, а в других — положительно, т.е. патриотизм подпитывает в том числе и национализм; по данным исследований, Россия относится к числу последних (Grigoryan, 2016). Соответственно, поддержка патриотизма как составляющей гражданской идентичности жителей России может усиливать в том числе и национализм, который, в свою очередь, будет направлен на различные группы внутри страны. Опираясь на логику нашего рассуждения в этой работе, национализм будет дополнительно усиливаться ингрупповой проекцией. Однако на данный момент это лишь предположение, требующее эмпирической проверки.

Второй возможный фокус внимания — это соотношение двух явлений: ингрупповой проекции и предубеждений. Несмотря на то что авторы ИРМ рассматривают ингрупповую проекцию как предиктор негативного отношения к аутгруппе, мы полагаем, что вполне обоснован и другой взгляд, уточняющий это соотношение: ингрупповая проекция выступает инструментом для поддержания (оправдания/легитимации) предубеждения. Такая позиция неявно согласуется и с исходными рассуждениями авторов ИРМ (Mummendey, Wenzel, 1999). Ингрупповая проекция определяется ими как способ установления позитивной отличительности своей группы (через относительную прототипичность ингруппы), значит, группа уже переживает недостаточность таковой отличительности, угрозу которой она видит в другой группе, тоже претендующей на то, чтобы быть «такими же, как мы», в этой надгрупповой общности, например, стране. В России, где русские составляют большинство населения, эта группа, безусловно, может быть подвержена ингрупповой проекции. В частности, известный лозунг «Россия для русских», обладающий внушительной историей

¹³ Примером может выступать Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (<https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>).

¹⁴ Патриотизм как составляющая гражданской идентичности заключается в гордости достижениями своей страны (по разным основаниям) без сравнительного контекста, а национализм — это полагание своей страны как лучшей, чем другие; мнение о том, что иные страны должны быть похожи на нее.

(Иванов, 2007), может быть как фактором, усиливающим межгрупповую напряженность, так и реакцией на воспринимаемую дискриминацию в результате изменения статуса, интенсивности миграционных потоков и других событий. Другой пример — гендерные взаимоотношения и амбивалентный сексизм, который во многом привлекает внимание исследователей как предиктор насильственного поведения (Agadullina et al., 2022). Амбивалентные предубеждения гендерных групп довольно интенсивно исследуются в России (Агадуллина, 2018; Пяткова, Савинская, 2020; Krivoshechekov et al., 2018; Krivoshechekov et al., 2022). Однако пока исследователи за редким исключением (см., например: Agadullina, 2021b) скорее сосредоточены на задачах измерения, валидации методик, нежели на оценке возможных практик поддержания скрытого предубеждения. Оценка содержания ингрупповой проекции, как нам представляется, позволит точнее предсказывать переход межгрупповых отношений в «форму» оправдания негативного отношения к аутгруппам.

Последний вопрос, который хотелось бы затронуть, касается природы внутреннего конфликта, который лежит в основании скрытых предубеждений. Каждая из теорий (Gaertner, Dovidio, 2005; Glick, Fiske, 2011; Katz, Hass, 1988; Henry, Sears, 2002; Pettigrew, Meertens, 1995), предлагавшая ту или иную форму неявного предубеждения, опиралась на понятие «внутренний конфликт» («inner conflict»), предложенное Г. Олпортом (Allport, 1954/1979). В американском контексте второй половины XX в. этот конфликт понимался как противопоставление, в первую очередь, ценностей протестантизма (зачастую в совокупности с индивидуализмом) ценностям эгалитарным. В России, для сравнения, есть и поддержка ценности трудолюбия¹⁵ (отчасти перекликающейся с протестантскими ценностями), и нарастающая роль ценностей полюса индивидуализма (Лебедева, 2000; Лебедева, Татарко, 2007). Однако относительно ценностей эгалитарных (или равноправия) исследователи систематично фиксируют их слабую выраженность и поддержку иерархии-доминирования (Лебедева, 2000; Собкин, 1998; Schwartz, Bardi, 1997; Schwartz, Butenko, 2014). Соответственно, ожидать, что противоречие именно этих ценностей будет определять в России переход предубеждений в скрытые формы, не очень обосновано, хотя отдельным группам населения это и может быть свойственно. Кроме того, исследователи совершенно справедливо отмечают, что получаемые на отечественных выборках предпочтения ценностей (и их объединения в более крупные блоки) далеко не всегда согласуются с распространенными западноевропейскими моделями, например, с теорией Ш. Шварца (Лебедева, Татарко, 2007; Bardi, Schwartz, 2003). Это же касается и другой дихотомии — консерватизм/либерализм, которая привлекается для описания скрытого конфликта-основы форм неявных предубеждений для американского и европейского контекста (Allport, 1954/1979; Brown, 2010), однако вызывает сомнения в своей действенности в контексте отечественном (Прусова, 2021).

¹⁵ Одним из примеров обсуждения ценности трудолюбия и ее передачи в культурах России является анализ сказок (см., например: Берберов, 2016; Валиева, 2013; Кулаковская-Дьяконова, 2016).

Подытоживая проведенную аналитическую работу, можно построить следующую цепочку выводов. Во-первых, ингрупповая проекция как механизм легитимации негативного, дискриминационного отношения к аутгруппам, безусловно, заслуживает внимания при оценке причин устойчивости предубеждения. Мы полагаем, что ингрупповая проекция является инструментом поддержки устойчивости предубеждения. Во-вторых, ингрупповая проекция различным образом сказывается на формах (символических, амбивалентных, аверсивных) скрытых предубеждений. В-третьих, исследование ингрупповой проекции и неявных предубеждений в российском контексте требует предварительного анализа содержания и эффектов гражданской идентичности, а также содержания возможного «внутреннего конфликта», без которого пока туманно содержание скрытых форм предубеждений.

Литература

- Агадуллина, Е. Р. (2018). Сексизм по отношению к женщинам: адаптация шкалы амбивалентного сексизма (П. Глика и С. Фиск) на русский язык. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 15(3), 447–463.
- Агадуллина, Е. Р. (2021). Дегуманизация: подходы к оценке не прямых предубеждений. *Социальная психология и общество*, 12(2), 5–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120201>
- Берберов, Б. А. (2016). Ценностная картина мира в Карачаево-Балкарской бытовой сказке. *Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук*, 4(31), 95–98.
- Валиева, З. И. (2013). Роль устного народного творчества в формировании патриотизма учащихся в современных социокультурных условиях Северного Кавказа. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Педагогика, психология»*, 4(15), 40–42.
- Иванов, А. (2007). «Россия для русских»: pro et contra. *Трибуна русской мысли. Религиозно-философский и научно-публицистический журнал*, 7, 92–102.
- Котова, М. В. (2016). Стратегии поддержки социальной идентичности: значение для теории социальной идентичности и понимания межгрупповых отношений. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(4), 691–711. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-691-711>
- Котова, М.В. (2024). Трансформация предубеждения в неявные формы как индикатор его функций в межгрупповых отношениях. *Социальная психология и общество*, 15(1), 57–75. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104>
- Кулаковская-Дьяконова, А. З. (2016). Этнопедагогические традиции в повышении педагогического потенциала семьи. *Педагогическое образование в России*, 1, 179–182.
- Лебедева, Н. М. (2000). Базовые ценности русских на рубеже XXI века. *Психологический журнал*, 21(3), 73–87.
- Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. (2007). *Ценности культуры и развитие общества*. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
- Прусова, И. С. (2021). Разработка методики для измерения представлений об идеальном государстве. *Социальная психология и общество*, 12(3), 103–127. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120308>
- Пяткова, Е. С., Савинская, О. Б. (2020). Нормативные представления о мизандрии у женщин двух поколений. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, 252–272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.679>

Собкин, В. С. (1998). Национальная политика глазами старшеклассника. В кн. *Этнос. Идентичность. Образование: Труды по социологии образования* (с. 174–205). М.: Наука.

Стефаненко, Т. Г. (2014). *Этнопсихология: Учебник* (5-е изд., испр. и доп.). М.: Аспект Пресс.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Abascal, M. (2020). Contraction as a response to group threat: Demographic decline and whites' classification of people who are ambiguously white. *American Sociological Review*, *85*(2), 298–322. <https://doi.org/10.1177/0003122420905127>
- Abrams, D., Viki, G. T., Masser, B., & Bohner, G. (2003). Perceptions of stranger and acquaintance rape: The role of benevolent and hostile sexism in victim blame and rape proclivity. *Journal of Personality and Social Psychology*, *84*(1), 111–125. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.84.1.111>
- Agadullina, E. (2018). Sexism towards women: Adaptation of the Ambivalent Sexism Scale (P. Glick and S. Fisk) on a Russian sample. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, *15*(3), 448–464. (in Russian)
- Agadullina, E. R. (2021a). Dehumanization: Approaches to indirect prejudice. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, *12*(2), 5–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120201> (in Russian)
- Agadullina, E. (2021b). When sexism is not a problem: The role of perceived intelligence in willingness to interact with someone who is sexist. *Journal of Social Psychology*, *161*(3), 287–303. <https://doi.org/10.1080/00224545.2020.1819187>
- Agadullina, E., Lovakov, A., Balezina M., & Gulevich, O. (2022). Ambivalent sexism and violence toward women: A meta-analysis. *European Journal of Social Psychology*, *52*(5-6), 819–859. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2855>
- Allport, G. W. (1979). *The nature of prejudice* (25th anniversary ed.). Reading, MA: Addison-Wesley. (Original work published 1954)
- Bardi, A., & Schwartz, S. H. (2003). Values and behavior: Strength and structure of relations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *29*(10), 1207–1220. <https://doi.org/10.1177/0146167203254602>
- Bell, A. C., Eccleston, C. P., Bradberry, L. A., Kidd, W. C., Mesick, C. C., & Rutchick, A. M. (2022). Ingroup projection in American politics: An obstacle to bipartisanship. *Social Psychological and Personality Science*, *13*(5), 906–915. <https://doi.org/10.1177/19485506211046788>
- Berberov, B. A. (2016). Tsennostnaya kartina mira v Karachaevo-Balkarskoi bytovoii skazke [The value worldview in the Karachay-Balkarian common folktale]. *Vestnik Instituta Gumanitarnykh Issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoi Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk*, *4*(31), 95–98. (in Russian)
- Berthold, A., Steffens, M. C., & Mummendey, A. (2019). What did they say? How subgroup stereotypes influence memory for superordinate groups. *Journal of Experimental Social Psychology*, *83*, 26–36. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2019.02.007>
- Bianchi, M., Mummendey, A., Steffens, M. C., & Yzerbyt, V. Y. (2010). What do you mean by “European”? Evidence of spontaneous ingroup projection. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *36*(7), 960–974. <https://doi.org/10.1177/0146167210367488>

- Brewer, M. B. (1999). The psychology of prejudice: ingroup love or outgroup hate? *Journal of Social Issues*, 55(3), 429–444. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00126>
- Brewer, M. B. (2010). Intergroup relations. In R. F. Baumeister & E. J. Finkel (Eds.), *Advanced social psychology: The state of the science* (pp. 535–571). New York, NY: Oxford University Press.
- Brown, R. (2000). Social identity theory: past achievements, current problems and future challenges. *European Journal of Social Psychology*, 30(6), 745–778. [https://doi.org/10.1002/1099-0992\(200011/12\)30:6<745::AID-EJSP24>3.0.CO;2-O](https://doi.org/10.1002/1099-0992(200011/12)30:6<745::AID-EJSP24>3.0.CO;2-O)
- Brown, R. (2010). *Prejudice. Its social psychology*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Correll, J., Park, B., Judd, C. M., & Wittenbrink, B. (2002). The police officer's dilemma: Using ethnicity to disambiguate potentially threatening individuals. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83(6), 1314–1329. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.83.6.1314>
- Gaertner, S. L., & Dovidio, J. F. (2005). Understanding and addressing contemporary racism: From aversive racism to the common ingroup identity model. *Journal of Social Issues*, 61(3), 615–639. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2005.00424.x>
- Glasford, D.E. (2021). Composition of place, minority vs. majority group-status, & contextualized experience: The role of level of group representation, perceiving place in group-based terms, and sense of belonging in shaping collective behavior. *PLoS ONE*, 16(9), Article e0253571. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253571>
- Glick, P. (2005). Choice of scapegoats. In J.F. Dovidio, P. Glick, & L.A. Rudman (Eds.), *On the nature of prejudice: fifty years after Allport* (pp. 244–261). Oxford: Blackwell Publishing.
- Glick, P., & Fiske, S. T. (1996). The Ambivalent Sexism Inventory: Differentiating hostile and benevolent sexism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 70(3), 491–512. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.70.3.491>
- Glick, P., & Fiske, S. T. (2011). Ambivalent sexism revisited. *Psychology of Women Quarterly*, 35(3), 530–535. <https://doi.org/10.1177/0361684311414832>
- Grigoryan, L. (2016). National identity and anti-immigrant attitudes: The case of Russia. In P. Schmidt, J. Grimm, L. Huddy, & J. Seethaler (Eds.), *Dynamics of national identity: Media and societal factors of what we are* (pp. 206–228). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315746111-11>
- Henry, P. J., & Sears, D. O. (2002). The Symbolic Racism 2000 Scale. *Political Psychology*, 23(2), 253–283. <http://www.jstor.org/stable/3792290>
- Ivanov, A. (2007). “Rossiya dlya russkikh”: pro et contra [Russia is for Russians: pro et contra]. *Tribuna Russkoi Mysli*, 7, 92–102.
- Katz, I., & Hass, R. G. (1988). Racial ambivalence and American value conflict: Correlational and priming studies of dual cognitive structures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 55, 893–905. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.55.6.893>
- Kosterman, R., & Feshbach, S. (1989). Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes. *Political Psychology*, 10(2), 257–274. <https://doi.org/10.2307/3791647>
- Kotova, M. V. (2016). Identity management strategies: Significance for the social identity theory and understanding of intergroup relations. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 13(4), 691–711. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-691-711> (in Russian)
- Kotova, M.V. (2024). Prejudice Transformation from Overt to Covert Forms as an Indicator of its Functions in Intergroup Relations. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 15(1), 57–75. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104> (in Russian)
- Krivoshchekov, V.S., Gulevich, O.A., & Lyubkina, A.S. (2018). Hostile and benevolent attitudes toward men: Psychometric properties of the Russian version of the Ambivalence toward Men Inventory. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 15(3), 428–447.

- Krivoshchekov, V., Gulevich, O., & Ostroverkhova, M. (2022). The Conformity to Masculine Norms Inventory-30: Validity and measurement invariance of a Russian-language version. *Psychology of Men and Masculinity*, 23(1), 59–73. <https://doi.org/10.1037/men0000379>
- Kulakovskaya-D'yakonova, A. Z. (2016). Etnopedagogicheskie traditsii v povyshenii pedagogicheskogo potentsiala sem'i [Ethnopedagogical traditions in increasing the pedagogical potential of families]. *Pedagogicheskoe Obrazovanie v Rossii*, 1, 179–182.
- Lai, C. K., Marini, M., Lehr, S. A., Cerruti, C., Shin, J.-E. L., Joy-Gaba, J. A., Ho, A. K., Teachman, B. A., Wojcik, S. P., Koleva, S. P., Frazier, R. S., Heiphetz, L., Chen, E. E., Turner, R. N., Haidt, J., Kesebir, S., Hawkins, C. B., Schaefer, H. S., Rubichi, S., ... Nosek, B. A. (2014). Reducing implicit racial preferences: I. A comparative investigation of 17 interventions. *Journal of Experimental Psychology: General*, 143(4), 1765–1785. <https://doi.org/10.1037/a0036260>
- Lai, C. K., Skinner, A. L., Cooley, E., Murrar, S., Brauer, M., Devos, T., Calanchini, J., Xiao, Y. J., Pedram, C., Marshburn, C. K., Simon, S., Blanchar, J. C., Joy-Gaba, J. A., Conway, J., Redford, L., Klein, R. A., Roussos, G., Schellhaas, F. M. H., Burns, M., ... Nosek, B. A. (2016). Reducing implicit racial preferences: II. Intervention effectiveness across time. *Journal of Experimental Psychology: General*, 145(8), 1001–1016. <https://doi.org/10.1037/xge0000179>
- Leary, M. R. (2019). Hypo-egoic identity, prejudice, and intergroup relations. *TPM: Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*, 26(3), 335–346. <https://doi.org/10.4473/TPM26.3.1>
- Lebedeva, N. M. (2000). Bazovye tsennosti russkikh na rubezhe XXI veka [Russians' basic values at the turn of the 21st century]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 21(3), 73–87.
- Lebedeva, N. M., & Tatarko, A. N. (2007). *Tsennosti kultury i razvitie obshchestva* [Cultural values and development of society]. Moscow: HSE Publishing House.
- Manstead, A. S. R. (2010). Social psychology of emotion. In R. F. Baumeister & E. J. Finkel (Eds.), *Advanced social psychology: The state of the science* (pp. 101–137). New York, NY: Oxford University Press.
- Mazur, L. B. (2022). Breaking the link between ingroup projection and outgroup derogation: Encouraging civility in disagreements about social responsibility. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 28(2), 214–225. <https://doi.org/10.1037/pac0000594>
- McConahay, J. B., Hardee, B. B., & Batts, V. (1981). Has racism declined in America? It depends on who is asking and what is asked. *Journal of Conflict Resolution*, 25(4), 563–579. <https://doi.org/10.1177/002200278102500401>
- Mummendey, A., & Wenzel, M. (1999). Social discrimination and tolerance in intergroup relations: Reactions to intergroup difference. *Personality and Social Psychology Review*, 3(2), 158–174. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0302_4
- Pettigrew, T. F., & Meertens, R. W. (1995). Subtle and blatant prejudice in Western Europe. *European Journal of Social Psychology*, 25, 57–75. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420250106>
- Prusova, I. S. (2021). Development a measurement of attitudes about ideal government. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 12(3), 103–127. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120308> (in Russian)
- Pyatkova, E. S., & Savinskaya, O. B. (2020). Normative perceptions of misandry among two generations of women. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)]*, 2(156). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.679> (in Russian)
- Riek, B. M., Mania, E. W., & Gaertner, S. L. (2006). Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review. *Personality and Social Psychology Review*, 10(4). https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1004_4

- Scheepers, D., Spears, R., Doosje, B., & Manstead, A. S. R. (2006). The social functions of ingroup bias: Creating, confirming, or changing social reality. *European Review of Social Psychology, 17*, 359–396. <https://doi.org/10.1080/10463280601088773>
- Schwartz, S. H., & Bardi, A. (1997). Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe. *Political Psychology, 18*, 385–410.
- Schwartz, S. H., & Butenko, T. (2014). Values and behavior: Validating the refined value theory in Russia. *European Journal of Social Psychology, 44*(7), 799–813. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2053>
- Sears, D. O. (1988). Symbolic racism. In P. A. Katz & D. A. Taylor (Eds.), *Eliminating racism: Profiles in controversy* (pp. 53–84). New York, NY: Plenum.
- Sobkin, B. C. (1998). Natsional'naya politika glazami starsheklassnika [National politics through the eyes of a high school student]. In *Etnos. Identichnost'. Obrazovanie: Trudy po sotsiologii obrazovaniya* [Ethnos. Identity. Education: Proceedings on the Sociology of Education] (pp. 174–205). Moscow: Nauka.
- Spielman, D. A. (2000). Young children, minimal groups, and dichotomous categorization. *Personality and Social Psychology Bulletin, 26*(11), 1433–1441. <https://doi.org/10.1177/0146167200263010>
- Stefanenko, T. G. (2014). *Etnopsikhologiya* [Psychological anthropology] (5th ed.). Moscow: Aspekt Press.
- Steffens, M. C., Reese, G., Ehrke, F., & Jonas, K. J. (2017). When does activating diversity alleviate, when does it increase intergroup bias? An ingroup projection perspective. *PLoS ONE, 12*(6), Article e0178738. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0178738>
- Tajfel, H. (1982). Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology, 33*, 1–39. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.33.020182.000245>
- Turner, J. C. (1987). A self-categorisation theory. In J. C. Turner, M. A. Hogg, P. J. Oakes, S. D. Reicher, & M. S. Wetherell (Eds.), *Rediscovering the social group: A self-categorisation theory* (pp. 42–67). Oxford, UK: Blackwell.
- Valieva, Z. I. (2013). Rol' ustnogo narodnogo tvorchestva v formirovanii patriotizma uchashchikhsya v sovremennykh sotsiokul'turnykh usloviyakh Severnogo Kavkaza [The role of oral folk art in the formation of patriotism among students in the modern sociocultural conditions of the North Caucasus]. *Vektor Nauki Tol'yattinskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya "Pedagogika, psikhologiya"*, 4(15), 40–42.
- Waldzus, S., Mummendey, A., & Wenzel, M. (2005). When “different” means “worse”: In-group prototypicality in changing intergroup contexts. *Journal of Experimental Social Psychology, 41*(1), 76–83. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2004.05.006>
- Waldzus, S., Mummendey, A., Wenzel, M., & Boettcher, F. (2004). Of bikers, teachers and Germans: Groups' diverging views about their prototypicality. *British Journal of Social Psychology, 43*, 385–400. <https://doi.org/10.1348/0144666042037944>
- Wenzel, M., Mummendey, A., & Waldzus, S. (2007). Superordinate identities and intergroup conflict: The ingroup projection model. *European Review of Social Psychology, 18*, 331–372. <https://doi.org/10.1080/10463280701728302>
- Wenzel, M., Mummendey, A., Weber, U., & Waldzus, S. (2003). The ingroup as pars pro toto: Projection from the ingroup onto the inclusive category as a precursor to social discrimination. *Personality and Social Psychology Bulletin, 29*(4), 461–473. <https://doi.org/10.1177/0146167202250913>
- Williams, K. D. (2007). Ostracism. *Annual Review of Psychology, 58*, 425–452. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.58.110405.085641>

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОРАЛЬНОЙ КОНФОРМНОСТИ В СИТУАЦИИ ПАССИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ДАВЛЕНИЯ

А.А. ФЁДОРОВ^а

^аНовосибирский государственный университет, 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1

An Experimental Analysis of Moral Conformity in a Situation of Passive Social Pressure

A.A. Fedorov^a

^aNovosibirsk State University, 1 Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Резюме

Данная статья представляет результаты трех экспериментов, направленных на изучение моральной конформности в условиях пассивного виртуального давления в российской культурной среде. Моральная конформность рассматривается как сонаправленное социальному давлению изменение в публичном моральном поведении. В экспериментах использовались моральные дилеммы как стимульный материал, а моральное поведение оценивалось через частоту определенных ответов в этих дилеммах. Социальное давление осуществлялось путем сообщения участнику, заполняющему онлайн-форму, информации о проценте людей, отвечающих на моральные дилеммы определенным образом. Такой вид воздействия рассматривается как пассивная виртуальная форма социального давления без явного идентифицируемого источника. Результаты первых двух экспериментов показали, что

Abstract

This article presents the results of three experiments aimed at studying moral conformity under conditions of passive virtual pressure in the Russian cultural context. Moral conformity is defined as a social pressure-induced change in public moral behavior. The experiments used moral dilemmas as stimulus material, and moral behavior was assessed through the frequency of specific answers to these dilemmas. Social pressure was exerted by informing participants, who were filling out an online form, about the percentage of people responding to moral dilemmas in a certain way. This type of influence is considered as a passive virtual form of social pressure without an explicit identifiable source. The results of the first two experiments showed that passive virtual pressure leads to a change in the frequency of

пассивное виртуальное давление приводит к изменению частоты консеквенциалистских ответов, что свидетельствует о возникновении моральной конформности. При этом различий между полами в паттернах проявления моральной конформности не выявлено. В отличие от зарубежных исследований, обнаружен эффект асимметричной конформности в пользу консеквенциалистского, а не деонтологического большинства. Третий эксперимент, отличавшийся от первых двух дизайном и набором моральных дилемм, показал, что как консеквенциалистское, так и деонтологическое пассивное виртуальное социальное давление вызывают моральную конформность при использовании всех трех типов дилемм (личные, безличные и дилеммы от третьего лица). Было установлено, что женщины реагируют существенно слабее мужчин на консеквенциалистское давление в случае дилемм, сформулированных в третьем лице. Таким образом, конформная моральная реакция может зависеть от особенностей дизайна исследования, типа и содержания моральных дилемм, а также индивидуальных характеристик испытуемых.

Ключевые слова: моральная конформность, консеквенциализм, деонтология, моральные дилеммы, социальное давление, виртуальное пространство.

Фёдоров Александр Александрович — ведущий профессор, кафедра клинической психологии, Институт медицины и психологии, Новосибирский государственный университет, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: современный бихевиоризм, психология морального поведения, философия и история психологии. Контакты: fedleks@yandex.ru

Благодарности

Выражаем благодарность за участие в сборе данных студентам Института медицины и психологии НГУ Д.А. Шрайнер (первое исследование) и Д.С. Целик (третье исследование).

consequentialist responses, indicating the emergence of moral conformity. However, no differences between genders were found in the patterns of moral conformity. In contrast to foreign studies, an effect of asymmetric conformity in favor of the consequentialist majority, rather than the deontological majority, was observed. The third experiment, which differed in design and set of moral dilemmas from the two previous studies, showed that both consequentialist and deontological passive virtual social pressure induce moral conformity for all three types of dilemmas (personal, impersonal, and third-person dilemmas). It was found that women respond significantly less to consequentialist pressure in the case of third-person formulated dilemmas. Thus, conforming moral response may depend on the specific design of the study, the type and content of moral dilemmas, as well as the individual characteristics of the participants.

Keywords: moral conformity, consequentialism, deontology, moral dilemmas, social pressure, virtual space.

Alexandr A. Fedorov — Associate Professor, Chair of Clinical Psychology, Institute of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University, PhD in Psychology. Research Area: contemporary behaviorism, psychology of moral behavior, philosophy and theory of psychology. E-mail: fedleks@yandex.ru

Acknowledgments

We express our gratitude for the participation in the data collection to the students of the Medicine and Psychology of the NSU D.A. Schreiner (the first study) and D.S. Celik (the third study).

*Мы – дети внешних влияний; как правило,
мы не думаем, мы только подражаем.*
Марк Твен

Одной из величайших ироний нашего времени является то, что всемирная сеть, существенно расширившая пространство реализации свобод человека, одновременно стала одним из мощнейших источников давления на его поведение. Похоже, что в эпоху, когда каждый мог бы стать архитектором собственного виртуального мира, виртуальный мир становится архитектором, формирующим и направляющим все наше поведение, включая моральное. Интернет превращается в один из ключевых инструментов реализации «все-власть большинства», о котором еще в первой половине XIX в. писал А. де Токвиль (1992), ярким примером чего является так называемая культура отмены, которую, возможно, следовало бы назвать «культурой моральной конформности». При всем этом, как отмечают современные авторы, к настоящему времени проведено на удивление мало исследований, которые касались бы изучения моральной конформности как таковой (Chituc, Sinnott-Armstrong, 2020)¹.

Очевидно, что в отношении более узкой задачи (моральная конформность как реакция на виртуальное давление) накоплено еще меньше эмпирических данных. Одним из первых в этой области стало исследование 2017 г. М. Келли с соавт., в котором изучалась конформность в процессе вынесения моральных суждений в цифровом пространстве (Kelly et al., 2017). Авторы продемонстрировали, что даже в виртуальном пространстве социальная информация воздействует на вынесение моральных суждений, при этом рациональная аргументация оказывается более эффективной, нежели апелляция к эмоциям. В проведенном в том же году исследовании Д. Бостина и А. Роэтса давление также было не непосредственным, а пассивным и виртуальным, представляя собой информацию о проценте людей, выбравшем тот или иной вариант решения предъявляемой моральной дилеммы (Bostyn, Roets, 2017). В исследовании было показано, что испытуемые проявляют конформизм в случае деонтологического большинства, но не в случае консеквенциалистского. Обнаруженный эффект был назван «эффектом асимметричной моральной конформности» (*asymmetric moral conformity effect*). Отметим, что в этом исследовании использовались классические моральные дилеммы, в которых сталкиваются две традиции нормативной этики: *консеквенциализм* и *деонтологизм*. Консеквенциализм утверждает, что моральное значение действия определяется его последствиями. Один из самых известных консеквенциалистских

¹ Поиск в базе данных Scopus в отрасли знания «Психология» статей, содержащих в названии, аннотации и/или ключевых словах словосочетание «moral conformity», обнаруживает 8 источников. При снятии ограничения на отрасль знания – 17. Следует, однако, учитывать, что исследований, безусловно, существенно больше, так как далеко не все ученые, изучающие влияние социального давления на моральное поведение, используют термин «моральная конформность».

подходов, утилитаризм, исходит из того, что действие считается морально правильным, если оно приводит к наибольшему общему благу для наибольшего числа людей. Деонтологический подход, в свою очередь, сосредотачивается на обязанностях, правилах или принципах, которые имеют моральное значение сами по себе, независимо от последствий действий. Утверждается, что некоторые действия (например, убийство человека) недопустимы, даже если они могут привести к положительным последствиям (например, спасение множества людей).

Помимо исследований, которые касались бы проявлений моральной конформности именно в случае виртуального давления, в последние годы проведен ряд исследований, которые касаются моральной конформности вообще. Так, П. Кунду и Д. Камминс показали, что парадигма Аша является эффективной экспериментальной моделью для изучения конформизма в ситуации решения моральных дилемм (Kundu, Cummins, 2013). Они обнаружили выраженный эффект конформности в ситуации, когда на вынесение морального суждения оказывает воздействие непосредственно присутствующая группа. С опорой на подход Аша проведено и другое исследование, в котором было показано, что все нормативные суждения подвержены давлению большинства, при этом эффект является более сильным для социальных норм и норм приличия (Lisciandra et al., 2013).

В исследовании 2016 г., направленном на изучение конформности у дошкольников, помимо визуальных задач использовались задачи морального и социоконвенционального типов, при этом для визуальных и моральных задач различий в проявлении конформности выявлено не было (в обоих случаях конформность присутствовала, но была ниже, чем для задач социоконвенционального типа) (Kim et al., 2016). Кроме того, было обнаружено, что с возрастом конформность уменьшается.

Также стоит отметить, что уже получено немало эмпирических данных, касающихся сопоставления непосредственной и опосредованной компьютером коммуникации, в том числе в плане их воздействия на вынесение человеком суждений (Bordia, 1997; Cinnirella, Green, 2007; Kyrlitsias, Michael-Grigoriou, 2018; Laporte et al., 2010; Smilowitz et al., 1988). Нельзя не отметить противоречивый характер этих результатов: с одной стороны, в некоторых исследованиях показано, что опосредованная компьютером коммуникация снижает силу социального давления, с другой стороны, есть свидетельства о том, что виртуальное давление может быть как минимум столь же мощным фактором воздействия. Вероятно, не последнюю роль здесь может играть тип задачи, которая стоит перед человеком.

Следует указать и на то, что было продемонстрировано существование кросс-культурных различий в проявлениях конформности (Bond, Smith, 1996); кроме того, согласно некоторым данным, для визуальных задач кросс-культурные различия существуют только для непосредственного взаимодействия (face-to-face), но не для воздействия, опосредованного компьютером (Cinnirella, Green, 2007). Эта особенность, однако, может не быть характерна для задач морального характера.

Нельзя не упомянуть серию известных кросс-культурных исследований, инициированных У. Бронфенбреннером, в которых изучались реакции на социальное давление у школьников разных стран, включая СССР, США, Израиль, Великобританию и др. (Bronfenbrenner, 1967, 1970a, 1970b; Shouval et al., 1975). Основным инструментом служил тест моральных дилемм, а давление осуществлялось путем сообщения, что результаты будут показаны учителям и другим взрослым (adult condition) или сверстникам (peer condition). Исследователями было обнаружено множество кросс-культурных различий. Так, было показано, что советские дети проявляли большую ориентацию на социальные ожидания и взрослую мораль, особенно в условиях, когда они думали, что их одноклассники будут знать об их ответах. Напротив, когда американским ученикам сообщали, что сверстники увидят их ответы, они проявили большую готовность к совершению социально неодобряемых действий. Отметим, что хотя термин «моральная конформность» в работах Бронфенбреннера не используется, он присутствует в названии диссертации Г. Шеперда, основанной на работах Бронфенбреннера и посвященной изучению моральной конформности в закрытых и открытых группах (Shepherd, 1976).

Таким образом, накопленные эмпирические данные свидетельствуют о важности изучения моральной конформности в ситуации виртуального давления и указывают на то, что результаты, полученные в рамках одной культуры, могут быть неприменимы к другой.

В данной статье мы опишем результаты трех экспериментов, направленных на изучение моральной конформности в ситуации пассивного виртуального давления в российской культурной среде.

Моральную конформность мы определяем как сопоставленное социальному давлению изменение в публичном моральном поведении. Учитывая, что стимульным материалом во всех трех экспериментах являются моральные дилеммы, на операциональном уровне в данных исследованиях моральное поведение представляет собой реакцию выбора определенного ответа в ситуации моральной дилеммы, а его изменение выражается в изменении частоты ответов определенного типа.

Данное определение моральной конформности имеет несколько преимуществ, важных для эмпирических исследований. Во-первых, оно позволяет избежать философских дискуссий о сущности морали и сфокусироваться на изучении конкретных поведенческих аспектов. Во-вторых, оно дает возможность измерять и сравнивать моральную конформность в конкретных контекстах и средах. В-третьих, оно содержит ясные и измеримые критерии для определения изменений в моральном поведении, направленных на соответствие групповому большинству. Реакции выбора определенных ответов в моральных дилеммах и изменения в частоте таких ответов могут быть квантифицированы и статистически проанализированы. Следует, однако, отметить, что хотя данное операциональное определение моральной конформности и полезно в контексте конкретных исследований, оно не претендует на то, чтобы заменить собой теоретическую разработку понятия морали и моральной конформности в общем смысле.

Что касается давления в виртуальном пространстве, для решения задач настоящего исследования представляется целесообразным разделить последнее на активное и пассивное. *Активное виртуальное пространство* понимается как среда, в которой пользователи принимают активное участие, создают контент, взаимодействуют с другими пользователями и могут оказывать влияние на развитие этого виртуального пространства. Сюда может входить участие в дискуссиях, создание и публикация собственного контента, сотрудничество в проектах и формирование сообществ. К таким ресурсам могут быть отнесены социальные сети, форумы, блог-платформы и т.д. *Пассивное виртуальное пространство*, в свою очередь, описывает среду, в которой пользователи являются наблюдателями или потребителями контента без активного участия в его создании или воздействия на его развитие. Иными словами, это интернет-ресурсы, которые предоставляют информацию без возможности для пользователей влиять на ее содержание. Таким образом, в то время как в рамках активного виртуального пространства социальное давление может принимать весьма разнообразные формы, определяясь особенностями конкретного взаимодействия пользователей, в пассивном виртуальном пространстве основной формой социального давления выступает публикация информации о том, что большинство людей или определенная референтная группа думает или делает.

Безусловно, предложенное разделение виртуального пространства на активное и пассивное является в достаточной степени условным. Так, даже внутри активного пространства могут быть пассивные элементы, такие как просмотр информации без активного участия в обсуждении или создании контента. Напротив, преимущественно пассивные виртуальные ресурсы, предоставляющие информационный контент, могут содержать элементы интерактивности, такие как возможность многоуровневого комментирования или взаимодействия с другими пользователями через систему рейтингов и рекомендаций.

Как уже было указано выше, данная статья сосредоточена на изучении моральной конформности в ситуации пассивного виртуального социального давления, которое, как и в исследованиях Бостина и Роэтса, во всех трех экспериментах осуществлялось путем сообщения участнику, заполняющему онлайн-форму, информации о проценте людей, отвечающих так или иначе на предложенные моральные дилеммы. Такой тип давления может быть рассмотрен как вариант пассивного виртуального социального давления по ряду причин.

1. *Нормативное влияние.* Предоставление процентной информации о том, как большинство людей отвечает на моральные дилеммы, может создавать ощущение нормативности этого ответа. Если высокий процент людей отвечают определенным образом, это может провоцировать остальных подстроиться под это большинство и отклониться от собственных мнений или убеждений.

2. *Стремление к социальной согласованности.* Когда люди видят процентную информацию о том, как другие отвечают на моральные дилеммы, они могут сравнивать свои ответы с ответами большинства. Если их ответ отличается от большинства, это может вызывать чувство несоответствия социальным

требованиям и стремление изменить свой ответ, чтобы соответствовать ожиданиям группы.

3. *Иллюзия социальной поддержки.* Если большинство людей отвечают на моральные дилеммы определенным образом, может создаться впечатление, что именно это решение социально приемлемо и пользуется поддержкой со стороны общества. Данный факт может оказывать давление на людей, чтобы они ответили таким же образом.

4. *Страх осуждения или исключения.* Даже в условиях анонимности участники могут беспокоиться о возможных последствиях или осуждении, если их ответ отличается от преобладающего мнения. Информация о проценте ответов может усилить их беспокойство по поводу возможного исключения или неприятия со стороны других.

5. *Исключение активного взаимодействия.* Наконец, пассивный характер данного давления вытекает из того факта, что участники оказываются в позиции наблюдателей или потребителей контента. Они получают информацию о том, какое мнение или действия считаются распространенными или преобладающими в данной ситуации. Пассивность проявляется в том, что пользователи не участвуют активно в создании этой информации или в формировании ее содержания, а также исключено всякое взаимодействие с представителями большинства, в том числе в силу его обезличенности.

Кроме того, следует отметить, что в проведенных исследованиях описание давления как виртуального связано с тем, что оно реализовано через передачу информации о поведении других людей с использованием онлайн-платформы, а не через непосредственный физический контакт или активную личную коммуникацию. Это, безусловно, ограниченная и относительная виртуальность. Таким образом, описанные ниже результаты нельзя прямо переносить на моральную конформность в активных виртуальных средах, позволяющих пользователям взаимодействовать друг с другом (форумах, мессенджерах, онлайн-играх и пр.). Однако нельзя и отрицать их полезность. Во-первых, исследовательский интерес представляет само по себе то, как пассивное сообщение информации в онлайн-среде может воздействовать на моральные реакции людей. Во-вторых, полученные данные могут послужить отправной точкой для дальнейшего изучения влияния социального давления на моральную конформность в различных виртуальных средах.

Исследовательские вопросы

Представленные далее эксперименты связаны тремя общими исследовательскими вопросами:

1. Возникает ли моральная конформность в ответ на пассивное виртуальное социальное давление в условиях российского культурного пространства?
2. Если возникает, существует ли в таком случае эффект асимметричной конформности в пользу деонтологического большинства?
3. Зависит ли уровень моральной конформности от таких факторов, как пол испытуемого и тип моральной дилеммы?

Разделяя скепсис Д. Гласса в отношении ориентации современной экспериментальной практики на гипотезы (Glass, 2010), мы их не эксплицируем, хотя и имеем определенные ожидания относительно результатов. Во-первых, мы ожидаем, что будет зафиксирован эффект моральной конформности. Во-вторых, в силу определенных особенностей исследований Бостина и Роэтса, которые будут обсуждаться ниже, мы сомневаемся в существовании эффекта асимметричной конформности в пользу деонтологического большинства.

Учитывая кризис воспроизводимости в современной психологической науке (Nosek et al., 2022; Фёдоров, 2023), мы провели три взаимосвязанных исследования. Второе исследование является конвергентным (прямым) повторением первого, его основной целью стало подтверждение полученных результатов и проверка их реплицируемости на независимой выборке. Третье исследование, в свою очередь, представляет собой дивергентное повторение предыдущих и включает намеренные изменения в дизайне и стимульном материале, внесенные для установления устойчивости и генерализуемости результатов. Статистический анализ данных проводился в свободном пакете *Jamovi 2.2.5* и с использованием языка программирования R.

Первое и второе исследование

Выборка

Выборка первого исследования состояла из 72 человек (34 женщины, 38 мужчин, $M_{\text{возраст}} = 30$, $SD_{\text{возраст}} = 8.82$). Выборка второго исследования, которое проводилось через 8 месяцев после первого, включала 130 человек (70 женщин, 60 мужчин, $M_{\text{возраст}} = 21$, $SD_{\text{возраст}} = 4.18$). Участие в исследованиях было добровольным, без получения денежной или иной компенсации. Данные для первого исследования собирались в феврале 2021 г., данные для второго — в октябре – ноябре 2021 г.

Процедура и материалы

Дизайн и процедура первого и второго исследования совпадали. Эксперимент проводился онлайн при помощи Google-форм, где участникам предлагалось ответить на 18 моральных дилемм. Для каждой дилеммы просили сделать дихотомический выбор между «Да» и «Нет», отвечая на вопрос о допустимости описываемого морального действия. Ответ «Да» соответствовал консеквенциалистскому решению, ответ «Нет» — деонтологическому.

Участники исследования были случайным образом отнесены к одному из трех условий. В контрольном условии им предъявлялась только моральная дилемма и два варианта ответа на нее без какой-либо дополнительной информации. В двух экспериментальных условиях 12 дилемм из 18 представляли собой дилеммы с давлением, 6 оставшихся дилемм были нейтральными («филлерами»). В условии с деонтологическим большинством перед описанием дилеммы с давлением предоставлялась информация о проценте людей

(от 75 до 85%), выбравших ответ «Нет». Соответственно, в условии с консеквенциалистским большинством перед дилеммами с давлением давалась информация о проценте людей (от 75 до 85%), ответивших «Да». Таким образом, давление большинства было пассивным и виртуальным. Для дилемм-филлеров также предъявлялась информация о проценте ответивших определенным образом людей, но диапазон при этом варьировался от 45 до 55%. Последовательность предъявления дилемм, в которых оказывалось давление, и дилемм-филлеров была заимствована из работы С. Аша (Asch, 1956, p. 6). Сами дилеммы были отобраны из перечня опубликованных ранее (Greene et al., 2008; Коор, 2013), отнесение конкретной дилеммы к группе дилемм с давлением или к группе дилемм-филлеров определялось случайным образом. Содержательно большинство дилемм относилось к так называемому *жертвенному типу*, в которых необходимо принять решение о том, стоит ли жертвовать жизнью одного человека ради того, чтобы спасти большее количество людей.

Результаты

В качестве зависимой переменной использовалось общее количество консеквенциалистских ответов (далее *Cons*) на дилеммы с давлением, варьирующееся от 0 до 12. Статистический анализ с использованием общего числа деонтологических ответов (*Deont*) даст идентичные результаты, так как для любого участника исследования сумма деонтологических и консеквенциалистских ответов равна 12.

Поскольку проверка показала, что распределение данных в первой выборке не соответствует нормальному, для межгруппового сравнения использовался критерий Краскела–Уоллиса с последующим попарным сравнением тестом Коновера–Имана с поправкой Бенджамини–Хохберга на множественные сравнения. Критерий Краскела–Уоллиса показал значимые различия в количестве консеквенциалистских ответов между тремя условиями, $\chi^2(2) = 6.16$, $p = 0.046$, $\varepsilon^2 = 0.09$. Количество таких ответов значимо больше в группе с консеквенциалистским давлением, чем в контрольной группе ($p_{B-H} = 0.042$) или в группе с деонтологическим давлением ($p_{B-H} = 0.028$). Значимых различий в количестве консеквенциалистских ответов между контрольной группой и группой с деонтологическим давлением тест Коновера–Имана с поправкой Бенджамини–Хохберга не обнаружил ($p_{B-H} = 0.332$).

Распределение данных в выборке второго исследования соответствовало нормальному, но, как показал критерий Левена, дисперсии групп были неоднородны, поэтому для межгруппового сравнения использовался дисперсионный анализ Уэлча. Как и в случае первого исследования, между тремя группами существовали значимые различия в количестве консеквенциалистских ответов, $F(2, 84.36) = 4.76$, $p = 0.011$, $\eta^2 = 0.07$. Апостериорный тест Геймса–Хоуэлла показал, что количество таких ответов значимо больше в группе с консеквенциалистским давлением, чем в контрольной группе ($p_{G-H} = 0.031$) или в группе с деонтологическим давлением ($p_{G-H} = 0.017$). Значимых различий в количестве консеквенциалистских ответов между контрольной группой и группой с деонтологическим социальным давлением не было выявлено ($p_{B-H} = 0.756$).

Среднее количество консеквенциалистских ответов в трех группах для выборок обоих исследований представлено на рисунке 1.

Из графиков видно, что паттерн проявления моральной конформности в обеих выборках одинаковый, хотя общее количество консеквенциалистских ответов значимо больше для выборки второго исследования, $t(200) = 3.86, p < 0.001, d = 0.57$. Вероятно, это связано с возрастными отличиями: медианный возраст участников первого исследования выше на 8 лет: $Mdn_1 = 28, Mdn_2 = 20, U = 1236.00, p < 0.001, r_{\text{т}} = 0.74$. Как показывают исследования, люди старшего возраста более склонны проявлять деонтологическую моральную ориентацию по сравнению с молодыми людьми (McNair et al., 2019).

Учитывая эквивалентный дизайн исследований, мы объединили обе выборки и провели линейный регрессионный анализ, в котором в качестве предикторов использовались возраст и пол испытуемых, а также их принадлежность к одной из экспериментальных групп. Общая регрессионная модель оказалась статистически значимой: $R^2 = 0.15, F(6, 195) = 5.84, p < 0.001$. Коэффициенты модели приведены в таблице 1.

Видно, что значимыми являются все три предиктора: (1) мужчины дают больше консеквенциалистских ответов, чем женщины; (2) чем человек старше, тем он дает больше деонтологических ответов; (3) в группе с консеквенциалистским давлением испытуемые дают больше консеквенциалистских ответов, при этом различий между контрольной группой и группой с деонтологическим давлением не обнаружено. Паттерны проявления моральной конформности, свидетельствующие об асимметрии в пользу консеквенциалистского большинства, сохраняются для обоих полов и не зависят от возраста (см. рисунок 2).

Рисунок 1

Среднее количество консеквенциалистских ответов (Cons) в трех группах для выборок обоих исследований

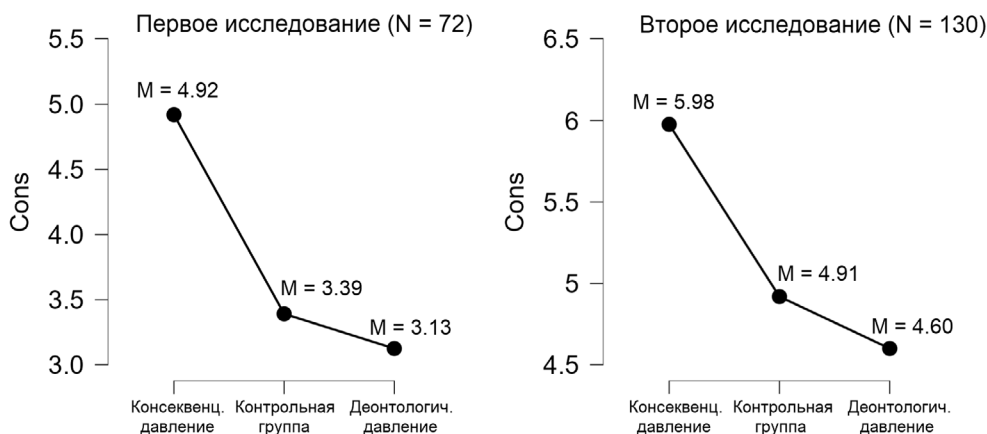

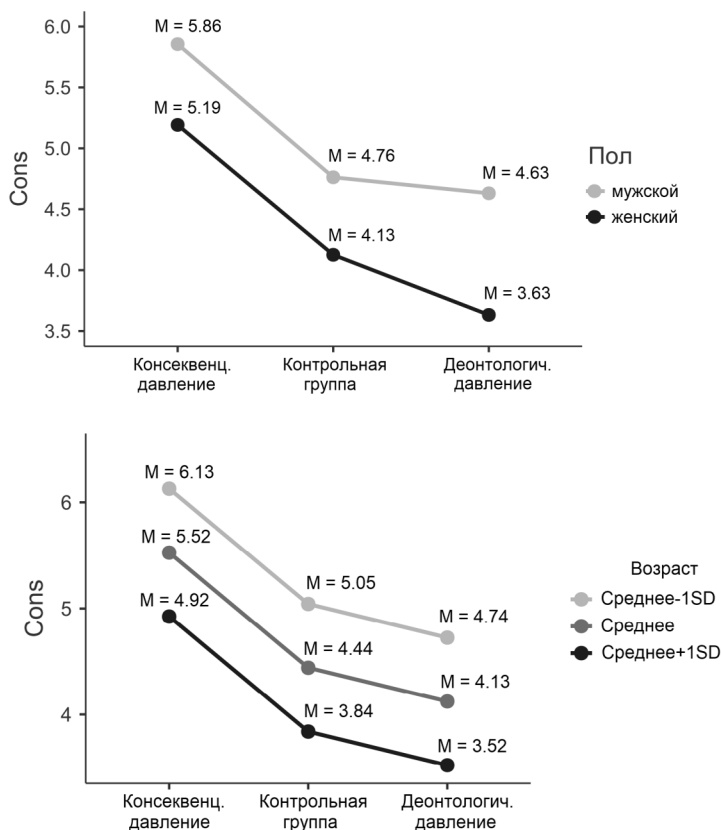
Таблица 1

Коэффициенты регрессионной модели

Предиктор	Estimate	SE	t	p
<i>Интерсепт</i>	6.65	0.645	12.21	< 0.001***
<i>Группа</i>				
(1) Консек. – Контроль	1.08	0.400	2.70	0.008**
(2) Деонт. – Контроль	-0.31	0.392	-0.80	0.426
<i>Пол</i>				
(1) М – Ж	0.77	0.320	2.40	0.018*
<i>Возраст</i>	-0.08	0.021	-3.76	< 0.001***
<i>Группа × Пол</i>				
(1) × (1)	-0.027	0.794	-0.034	0.973
(2) × (1)	-0.362	0.781	-0.463	0.644

Рисунок 2

Взвешенные предельные средние количества консеквенциалистских ответов (Cons) в трех группах в зависимости от пола и возраста (на общей выборке)

Поскольку при проведении регрессионного анализа проверка гомоскедастичности дисперсии остатков показала неоднозначные результаты (для критерия Бройша–Пегана $p < 0.05$, для критерия Голдфелда–Квандта $p > 0.05$), дополнительно был проведен робастный дисперсионный анализ с методом усеченных средних (на уровне 0.2). Было подтверждено влияние группы ($Q = 13.27$, $p = 0.003$) и пола ($Q = 4.69$, $p = 0.033$) на общее количество консеквенциалистских ответов, при этом взаимодействие факторов не установлено ($Q = 1.34$, $p = 0.519$). Апостериорный анализ показал, что в группе с консеквенциалистским давлением количество консеквенциалистских ответов больше, чем в контрольной группе ($p = 0.005$) и в группе с деонтологическим большинством ($p < 0.001$), при этом последние две группы между собой значимо не различаются ($p = 0.417$).

Отметим, что для дилемм-филлеров, как и ожидалось, не были обнаружены значимые различия в количестве консеквенциалистских ответов ни для первой выборки ($\chi^2(2) = 2.64$, $p = 0.267$), ни для второй ($\chi^2(2) = 1.69$, $p = 0.429$).

Обсуждение

В целом результаты двух проведенных экспериментов позволяют дать предварительный ответ на поставленные исследовательские вопросы. Во-первых, в обеих выборках в ответ на пассивное виртуальное социальное давление наблюдается изменение общего количества консеквенциалистских ответов, что свидетельствует о возникновении моральной конформности. Во-вторых, в отличие от исследований Бостина и Ротса, нами был зафиксирован эффект асимметричной моральной конформности в пользу консеквенциалистского, а не деонтологического большинства. В-третьих, хотя пол и возраст связаны с особенностями выбора ответа в ситуации моральной дилеммы, выраженность моральной конформности от них не зависит. При этом важно отметить, что хотя наши данные не подтверждают существования связи между возрастом и выраженностью конформной моральной реакции, необходимо проявлять осторожность в интерпретации этого факта. Несмотря на то что разброс в возрасте участников двух исследований достаточен, чтобы эта переменная могла быть использована в регрессионной модели, сам фактор возраста не выступал в этих экспериментах как контролируемый параметр. В этой связи в общей выборке неравномерно представлены люди разных возрастов, а участники старше 55 лет вообще отсутствуют. Вполне возможно, что при специальном изучении этого фактора с контролируемым набором представителей разных возрастных групп будут получены иные результаты. Так, можно предположить, что, поскольку с возрастом увеличивается ориентация на деонтологическую этику, зрелые и пожилые люди, вероятно, будут более устойчивы в отношении консеквенциалистского давления. Впрочем, для подтверждения или опровержения этого предположения требуется дополнительное исследование на более широкой выборке.

Вероятно, наибольший интерес вызывает результат, противоречащий выводам Бостина и Роэтса. Хотя мы и сомневались в существовании асимметрии в пользу деонтологического давления, мы не ожидали обнаружить и противонаправленного эффекта, по крайней мере, эффекта, который не был бы сцеплен с такими факторами, как пол и возраст. Исходные сомнения были связаны в первую очередь с особенностями выборок, которые были задействованы в исследованиях Бостина и Роэтса. В их первом эксперименте приняли участие 91 человек, среди которых было 75 женщин (более 82%). Существуют данные метааналитических исследований, свидетельствующие о том, что женщины более склонны к деонтологическим ответам, чем мужчины (Friesdorf et al., 2015; Armstrong et al., 2019), аналогичные тенденции наблюдались и в нашем случае. Их вторая выборка была существенно больше ($N = 392$) и лучше сбалансирована по полу (190 женщин), однако средний возраст участников составлял 38 лет, а, как указывалось выше, с возрастом у людей развивается склонность к деонтологическим ответам. Также стоит отметить, что вторая выборка собиралась через платный ресурс Amazon Mechanical Turk (Mturk), при этом предъявлялось требование, чтобы участники выполнили в прошлом не менее 100 задач на Mturk. Таким образом, участники второго исследования были «опытными респондентами», что могло повлиять на их ответы. Кроме того, в последнее время все чаще публикуются работы, ставящие под сомнение качество данных, собранных посредством Mturk и других подобных платформ (Necka et al., 2016; Webb, Tangney, 2022; Douglas et al., 2023).

Помимо особенностей выборок, еще одним элементом дизайна, который мог привести к появлению эффекта асимметричной конформности в пользу деонтологического большинства, является то, что Бостин и Роэтс не использовали в своих исследованиях нейтральные дилеммы. Во всех 10 дилеммах, составлявших стимульный материал, оказывалось давление (для одной группы в сторону консеквенциалистских выборов, для другой — в сторону деонтологических). Обнаруженный эффект объяснялся тем, что люди, отдающие предпочтение деонтологическим ответам, вызывают больше доверия как носители моральных ценностей (Everett et al., 2016; Bostyn, Roets, 2017). Деонтологические ответы воспринимаются как индикатор достоверности и надежности, в результате чего испытуемые склонны с ними соглашаться. Те же, кто проявляет консеквенциалистские тенденции, оцениваются как люди, лишенные эмпатии и морального характера. Мы, однако, полагаем, что даже если такая оценка консеквенциалистов соответствует действительности, это далеко не обязательно должно препятствовать действенности консеквенциалистского давления. Помимо того что жизнь дает множество примеров не только консеквенциалистского, но и просто аморального группового влияния, существуют исследования, показывающие, что коллективные суждения, полученные в ходе группового взаимодействия, становятся более утилитарными/консеквенциалистскими по сравнению с индивидуальными суждениями (Keshmirian et al., 2022). С другой стороны, представляется вполне возможным, что демонстрация 10 моральных дилемм, в *каждой* из которых доминирует

консеквенциалистское большинство, настораживает участников исследования, что препятствует проявлению ими моральной конформности в этом случае.

Таким образом, мы рассматривали обнаруженный Бостином и Роэтсом эффект асимметричной конформности как артефакт, связанный с особенностями выборки, сбора данных и процедуры предъявления дилемм. Сбалансировав выборку по полу и включив в процедуру дилеммы-филлеры, мы ожидали, что моральная конформность будет проявляться как для деонтологического, так и для консеквенциалистского давления, и не предвидели обнаруженной нами асимметрии в сторону консеквенциализма. И хотя можно предложить несколько объяснений того, почему моральная конформность проявилась в случае консеквенциалистского давления², они вряд ли могут пролить свет на то, почему она не возникла в ответ на давление деонтологического большинства.

Одним из объяснений выявленной асимметрии могут стать особенности моральных дилемм, которые использовались в качестве стимульного материала. Хотя они отбирались случайным образом, частотное распределение полученных ответов свидетельствует о том, что люди дают на них чаще деонтологические, чем консеквенциалистские ответы ($Mdn_{\text{Cons}} = 4$ при максимальном значении 12). Таким образом, поскольку люди *уже* существенно чаще выбирают деонтологический ответ, сдвиг в сторону деонтологии вызвать и зафиксировать сложнее. Для проверки этого предположения был проведен третий эксперимент, содержащий изменения в дизайне, направленные на устранение этой особенности.

Третье исследование

Выборка

Выборка третьего исследования составила 143 человека (88 женщин, 55 мужчин, $M_{\text{возраст}} = 22.4$, $SD_{\text{возраст}} = 4.87$). Участие в исследовании было добровольным, без получения денежной или иной компенсации. Выборка была случайным образом разделена на две группы: контрольную ($N = 70$) и экспериментальную ($N = 73$). Группы эквивалентны по возрасту ($U = 2387.00$, $p = 0.493$) и соотношению полов ($\chi^2(1) = 1.01$, $p = 0.315$). Данные для третьего исследования собирались в феврале – марте 2023 г.

² Например, люди могут воспринимать консеквенциалистские ответы как более рациональные, а следовательно, более надежные и заслуживающие доверия. Консеквенциалисты стремятся максимизировать общее благо и достичь лучших результатов для большего числа людей. Этот аспект может быть воспринят как проявление заботы о коллективе и обществе в целом, что создает положительное впечатление и вызывает доверие. Кроме того, возможно, консеквенциалистское большинство позволяет проявиться «глубинному консеквенциализму», который обычно подавляется в силу социальной желательности и иных факторов.

Процедура и материалы

Дизайн третьего исследования имел несколько существенных отличий от дизайна первых двух. Во-первых, в качестве контролируемой независимой переменной, помимо направления давления, было решено использовать также тип моральной дилеммы. В качестве базовой дихотомии использовалось популярное, хотя периодически и подвергающееся критике, разделение моральных дилемм на личные и безличные (Greene et al., 2001; Moore et al., 2011). Ключевым различием между ними является допустимость причинения непосредственного/собственноручного физического вреда (вплоть до убийства) другим людям в личных дилеммах, в то время как в безличных дилеммах это требование не соблюдается³. Дж. Грин с коллегами полагают, что существуют структурные и динамические различия на уровне мозговых систем, связанные с моральными суждениями в дилеммах разного типа, хотя и не все с этим согласны (см., например: McGuire et al., 2009). Следует обратить внимание, что, как правило, личные и безличные дилеммы традиционно формулируются от первого лица (см., например, набор из 60 дилемм в классической работе Дж. Грина с соавт.: Greene et al., 2004). При этом существуют данные, свидетельствующие о том, что при вынесении моральных суждений от первого или от третьего лица задействуются разные нейрональные механизмы (Avram et al., 2014). Соответственно, было принято решение использовать в качестве третьего типа стимульных ситуаций дилеммы, сформулированные от третьего лица. Все они были созданы на основе личных дилемм, т.е. включали в себя потенциальное нанесение физического вреда другому человеку, однако сами как таковые вряд ли могли быть названы личными, поскольку соответствовали не столько формуле Грина «я причиняю тебе вред» (*me hurt you*), сколько формуле «он (она/они) причиняет им вред».

Таким образом, всего в качестве стимульного материала в третьем исследовании использовались 27 моральных дилемм, по 9 дилемм каждого типа. При этом содержательно дилеммы включали в себя как жертвенные дилеммы, так и дилеммы, предполагающие нарушение норм честности, социальной ответственности и пр.

Второе отличие заключалось в том, что направление социального давления стало внутригрупповым фактором. Если в первых двух исследованиях в каждой экспериментальной группе давление было либо консеквенциалистским, либо деонтологическим (соответственно, экспериментальных групп было две), то в третьем исследовании для 9 дилемм направление было консеквенциалистским, для 9 — деонтологическим, а оставшиеся 9 дилемм использовались в качестве нейтральных, при этом для каждого варианта 3 дилеммы были

³ Если сформулировать строже, Грин указывает, что личные моральные дилеммы должны удовлетворять трем критериям. Они касаются допустимости (1) причинения серьезного физического вреда (2) одному человеку или группе лиц, (3) при этом вред не должен являться следствием перенаправления существующей угрозы. Безличные моральные дилеммы не соответствуют по крайней мере одному из трех перечисленных критериев (Greene et al., 2004).

личными, 3 — безличными, 3 — дилеммами, сформулированными от третьего лица.

Третье отличие состояло в том, что направление социального давления зависело от доминирующего в контрольном условии варианта решения, при этом давление осуществлялось в противоположную сторону. Иными словами, для моральных дилемм с преобладающими деонтологическими ответами давление было консеквенциалистским, для моральных дилемм с преобладающими консеквенциалистскими ответами — деонтологическим. Само давление было организовано аналогично первым двум исследованиям, т.е. посредством сообщения участнику, заполняющему онлайн-форму, информации о проценте людей, ответивших так или иначе на предложенные моральные дилеммы. Изменения, внесенные для увеличения степени дивергенции, заключались в том, что информация о проценте людей размещалась не перед текстом дилеммы, а после него, и немного были изменены процентные диапазоны: для дилемм с давлением диапазон составлял 74–87%; для дилемм-филлеров — 43–57%.

После того как 50 человек заполнили форму в контрольной группе, результаты были проанализированы с целью изучения распределения ответов. На основе полученных данных для экспериментальной группы была создана аналогичная форма с тем же списком дилемм, однако к 18 из 27 дилемм было применено давление, противоположное по отношению к преобладающему типу ответов в контрольной группе. Последовательность предъявления дилемм с давлением и дилемм-филлеров, являющаяся расширением схемы, используемой в эксперименте С. Аша, представлена в таблице 2⁴.

Таблица 2

Последовательность предъявления дилемм с давлением и дилемм-филлеров

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
–	–	+	+	–	+	+	+	+	–	–	+	+	–	+	+	+	+	–	–	+	+	–	+	+	+	+
		д	к		д	к	д	к			д	к		д	к	д	д			к	д		к	д	к	к

Примечание. «–» — нейтральная дилемма, «+» — дилемма с давлением, «д» — деонтологическое большинство, «к» — консеквенциалистское большинство.

⁴ После окончания исследования была проведена дополнительная проверка, направленная на оценку влияния последовательности предъявления моральных дилемм на распределение ответов. Дополнительно была собрана выборка из 50 человек, которые отвечали на все 27 дилемм в ситуации без социального давления, но в последовательности, которая использовалась для участников в экспериментальной группе. Сравнение их ответов с ответами участников контрольной группы не выявило различий ни в общем количестве консеквенциалистских ответов ($t(98) = 0.102, p = 0.919$), ни в соотношении ответов для отдельных дилемм (для каждой дилеммы $p(\chi^2) > 0.05$). Таким образом, можно утверждать, что последовательность предъявления моральных дилемм не оказывает влияния на ответы участников.

Результаты

Зависимые переменные, использованные в третьем исследовании, указаны в таблице 3. Количественной мерой для всех зависимых переменных выступала сумма консеквенциалистских ответов.

Учитывая дискретный характер зависимых переменных, а также то, что для большинства из них была нарушена нормальность распределения и/или однородность дисперсии остатков, в качестве статистического критерия для анализа данных использовался критерий Манна–Уитни–Уилкоксона (WMW). Мерой эффекта выступало не традиционное значение ранговой бисериальной корреляции, а более интуитивная и интерпретируемая мера — отношение шансов для WMW (WMW-odds). Оно является оценкой шансов того, что для случайной выбранной пары наблюдений из двух групп результат в одной группе будет выше, чем в другой (Agresti, 1980; Howard et al., 2022). WMW-odds представляет собой модификацию обобщенного отношения шансов Агрести, в которой связанные значения не игнорируются, а равномерно распределяются между двумя группами. WMW-odds рассчитывался с использованием пакета *genodds* для R. Результаты представлены в таблице 4.

Видно, что получены значимые различия для всех переменных, связанных с ситуацией пассивного социального давления, при этом для дилемм-филлеров различий нет как для общего показателя, так и для отдельных их типов. В случае консеквенциалистского давления для участников экспериментальной группы шансы продемонстрировать большее количество консеквенциалистских ответов приблизительно в два раза выше, чем для участников контрольной группы. Напротив, в случае деонтологического давления у них примерно в два раза выше шансы показать большее количество деонтологических ответов (или, что в нашем случае эквивалентно, в два раза меньше шансов показать большее количество консеквенциалистских ответов: $1/0.47 \approx 2.1$). И хотя шансы отличаются для дилемм разного типа, значимые различия получены для всех сочетаний типа дилеммы и направления давления. Средние значения общего количества консеквенциалистских ответов в двух группах для разных направлений давления приведены на рисунке 3.

Таблица 3

Таблица зависимых переменных с учетом сочетания типа моральных дилемм и направления давления или его отсутствия

Направление давления	Типы дилемм			
	Личные дилеммы	Безличные дилеммы	Дилеммы от третьего лица	Все типы дилемм
Консеквенциалистское давление	PersCons	ImpersCons	ThirdCons	Cons
Деонтологическое давление	PersDeont	ImpersDeont	ThirdDeont	Deont
Дилеммы-филлеры	PersFiller	ImpersFiller	ThirdFiller	Filler

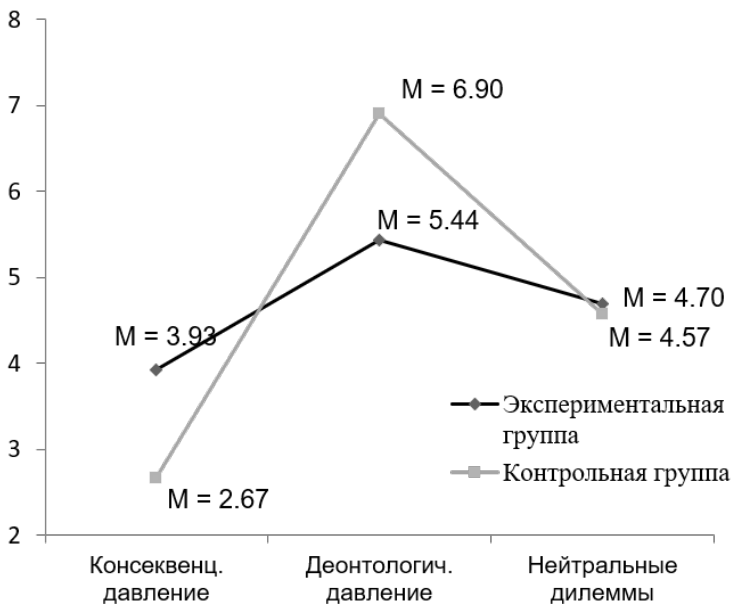
Таблица 4

Результаты сравнения контрольной и экспериментальной групп

Зависимая переменная	<i>U</i>	<i>p</i>	WMW-Odds [95% CI]
Cons	1765	0.001**	1.90 [1.27 – 2.82]
Deont	1627	<0.001***	0.47 [0.31 – 0.69]
Filler	2462	0.705	1.08 [0.74 – 1.57]
PersCons	2030	0.025*	1.52 [1.05 – 2.19]
PersDeont	1798	<0.001***	0.54 [0.39 – 0.75]
ImpersCons	1777	<0.001***	1.88 [1.29 – 2.73]
ImpersDeont	1901	0.004**	0.59 [0.41 – 0.85]
ThirdCons	2099	0.013*	1.44 [1.08 – 1.90]
ThirdDeont	1893	0.006**	0.59 [0.40 – 0.86]
PersFiller	2522	0.880	0.97 [0.67 – 1.36]
ImpersFiller	2381	0.466	1.14 [0.80 – 1.65]
ThirdFiller	2506	0.832	0.962 [0.68 – 1.37]

Рисунок 3

Среднее количество консеквенциалистских ответов в двух группах для разных направлений давления

Также был проведен анализ различий в распределении ответов для каждой дилеммы в отдельности. Значимые различия ($p(\chi^2) < 0.05$) были получены для 11 из 18 дилемм с давлением ($\approx 61\%$) и ни для одной из 9 дилемм-филлеров. При этом 5 из 11 дилемм ($\approx 45\%$) относились к ситуации консеквенциалистского давления, 6 ($\approx 55\%$) — к ситуации деонтологического давления; безличными дилеммами являлись 3 из 11, личными или дилеммами от третьего лица — по 4 из 11. Иными словами, различий в степени проявления конформности в зависимости от направления давления или типа моральной дилеммы не было обнаружено.

Помимо этого, было дополнительно проанализировано потенциальное влияние содержания моральных дилемм на проявление конформной реакции. Для этого из набора дилемм третьего исследования были исключены все дилеммы, которые использовались в первом и втором экспериментах. Из 18 дилемм первых двух исследований 15 использовались в третьем (что составило $\approx 55\%$ от 27 дилемм), при этом часть из них от третьего лица. Все они были исключены, а для оставшихся 12 дилемм были рассчитаны новые показатели переменных *Cons*, *Deont* и *Filler*. Для сравнения групп использовалась порядковая логистическая регрессия, мерой размера эффекта выступил показатель Odds ratio (см. таблицу 5).

Как видно из приведенных данных, обнаруженные ранее закономерности сохраняются: выявлены значимые различия для переменных, связанных с пассивным социальным давлением, как консеквенциалистским, так и деонтологическим, при этом для дилемм-филлеров различия не наблюдаются. Это указывает на то, что конформная реакция проявляется на дилеммах с разным содержанием. Однако данный факт не означает, что содержание дилеммы никак не связано со степенью проявления конформности. Как было показано при индивидуальном анализе дилемм, не для каждой из них получены значимые различия. Иными словами, даже если две дилеммы относятся к одному типу, для одной из них конформная реакция может быть существенно сильнее при одинаковом давлении. Необходимы дальнейшие исследования этого вопроса.

В целях оценки вычислительной воспроизводимости результатов третьего исследования был также проведен байесовский анализ. В отличие от традиционной

Таблица 5

Результаты сравнения контрольной и экспериментальной групп на 12 дилеммах

Зависимая переменная	χ^2	Z	p	OR [95% CI]
Cons	12.19	3.44	< 0.001***	2.91 [1.59 – 5.40]
Deont	6.30	2.48	0.013*	2.36 [1.21 – 4.71]
Filler	1.21	1.10	0.272	1.39 [0.77 – 2.52]

Примечание. Референтным уровнем для переменной *Deont* выступил показатель экспериментальной группы, для двух других переменных — контрольной.

частотной статистики, которая фокусируется на оценке вероятности наблюдаемых данных при условии справедливости нулевой гипотезы, байесовская статистика учитывает силу доказательств в пользу альтернативной гипотезы по сравнению с доказательствами в пользу нулевой гипотезы, позволяя построить более полную картину о силе доказательств в пользу альтернативной гипотезы. Обычно в этих целях рассчитывается байесовский фактор (BF), который представляет собой количественную меру того, насколько более вероятно одна гипотеза по сравнению с другой, учитывая имеющиеся данные.

Для сравнения групп был использован байесовский вариант одностороннего теста Манна–Уитни с использованием метода Монте-Карло с марковскими цепями для семплирования (5000 итераций). Контрольная и экспериментальная группы сравнивались по количеству консеквенциалистских ответов для дилемм с консеквенциалистским давлением (*Cons*), по количеству деонтологических ответов для дилемм с деонтологическим давлением (*DeontF*), а также по композитному показателю общей конформности (*Conformity*), который представляет собой количество ответов, совпадающих с направлением давления. Для всех трех показателей альтернативная гипотеза заключалась в том, что величина оцениваемой переменной меньше в контрольной группе. Результаты приведены в таблице 6.

Согласно общепринятой интерпретации значений байесовского фактора (Jeffreys, 1961; Lee, Wagenmakers, 2013), полученные в исследовании данные являются очень сильным свидетельством в пользу альтернативной гипотезы для консеквенциалистского давления и крайне сильным — для деонтологического давления и общего уровня конформности. Так, для общего уровня конформности в контексте полученных данных альтернативная гипотеза более чем в 32 с лишним тысячи раз вероятнее, чем нулевая гипотеза, предполагающая отсутствие различий.

Для оценки связи фактора пола с уровнем моральной конформности при разном направлении давления использовалась обобщенная бинарная регрессия (так как эта модель не предполагает нормальности и рассчитана на дискретные счетные данные). Зависимая переменная рассматривалась как количество «успешных» событий в серии испытаний с бинарным исходом. «Успешным событием» считался ответ, совпадающий с направлением давления, соответственно, для консеквенциалистского давления «успешным»

Таблица 6

Результаты сравнения контрольной и экспериментальной групп
(байесовский вариант теста Манна–Уитни)

Переменная	W	BF ₁₀
Cons	1765	34.8
DeontF	1627	140.2
Conformity	1171	32718.8

событием являлся консеквенциалистский ответ, для деонтологического — деонтологический.

Модель показала, что в случае деонтологического большинства взаимодействие факторов пола и давления отсутствует ($Wald \chi^2(1) = 1.86, Z = 1.364, p = 0.173$). При этом сам фактор давления значим: экспериментальная группа дает значимо больше деонтологических ответов ($Wald \chi^2(1) = 7.65, Z = 2.766, p = 0.006$), что согласуется с результатами, полученными выше.

Что касается консеквенциалистского большинства, то значим не только сам фактор давления ($Wald \chi^2(1) = 21.37, Z = 4.623, p < 0.001$), но и его взаимодействие с фактором пола ($Wald \chi^2(1) = 4.14, Z = -2.033, p = 0.042$). Если в контрольной группе ответы мужчин и женщин не различались ($Z = 1.081, p_{Holm} = 0.560$), то в экспериментальной мужчины дали существенно больше консеквенциалистских ответов ($Z = 4.293, p_{Holm} < 0.001$). При этом различия между контрольным и экспериментальным условиями были значимы как для группы мужчин ($Z = -4.623, p_{Holm} < 0.001$), так и для группы женщин ($Z = -2.476, p_{Holm} = 0.039$). Иными словами, хотя и женщины, и мужчины реагировали на консеквенциалистское социальное давление, реакция женщин была значительно слабее (ориентируясь на различия средних, примерно в два раза).

Можно отметить, что, как и в первых двух исследованиях, мужчины дали в целом больше консеквенциалистских ответов, чем женщины, $t(141) = 2.56, p = 0.009, d = 0.46$. Что касается типов дилемм, все они значимо различались между собой по количеству консеквенциалистских ответов ($Friedman \chi^2(2) = 201, p < 0.001$), при этом больше всего таких ответов было на личные моральные дилеммы ($Mdn = 7$), а меньше всего — на дилеммы от третьего лица ($Mdn = 2$), безличные моральные дилеммы по этому показателю находятся между ними ($Mdn = 5$). Все пары значимо различались между собой (тест Дурбина–Коновера, $p < 0.001$).

Общее обсуждение

Основной результат третьего исследования заключается в том, что удалось продемонстрировать феномен моральной конформности как для консеквенциалистского, так и для деонтологического пассивного виртуального социального давления, при этом было установлено, что конформная реакция возникает для всех трех типов моральных дилемм и проявляется как у мужчин, так и у женщин. Зафиксирован интересный эффект взаимодействия фактора пола с консеквенциалистским давлением, заключающийся в том, что женщины на него реагируют значительно меньше мужчин. Этот факт позволяет объяснить обнаруженный Бостином и Роэтсом эффект асимметричной конформности в пользу деонтологического большинства тем, что на выборке, состоящей преимущественно из женщин, реакция на консеквенциалистское давление может быть существенно слабее реакции на деонтологическое давление.

Важно отметить, что в первых двух исследованиях различия между мужчинами и женщинами в силе реакции на консеквенциалистское давление не

были обнаружены. Одна из причин этого может быть связана с различиями в стимульном материале: в третьем исследовании использовался другой набор дилемм, который включал в себя моральные дилеммы от третьего лица, отсутствовавшие в первых двух исследованиях. Для проверки было принято решение провести оценку влияния взаимодействия фактора пола с консеквенциалистским давлением на количество консеквенциалистских ответов в дилеммах разного типа. Учитывая, что в этом случае зависимая переменная могла принимать всего четыре значения (0, 1, 2, 3), использовалась порядковая регрессия, в которой предикторами выступали факторы пола, консеквенциалистского давления и их взаимодействие. Значимый эффект взаимодействия факторов не был зафиксирован ни для личных моральных дилемм ($\chi^2(1) = 0.93$, $p = 0.335$), ни для безличных моральных дилемм ($\chi^2(1) = 0.57$, $p = 0.449$), однако был обнаружен для дилемм от третьего лица ($\chi^2(1) = 4.69$, $p = 0.030$). Иными словами, на полученных данных различия между мужчинами и женщинами в силе реакции на консеквенциалистское давление проявились только в отношении реакций на дилеммы, сформулированные в третьем лице. Как уже указывалось выше, дилеммы от третьего лица отличаются от остальных тем, что на них дается существенно больше деонтологических ответов⁵. Соответственно, когда на эти дилеммы отвечают женщины, которые совершают деонтологический выбор чаще мужчин, возникает такое сочетание ситуационных и субъектных факторов (предрасполагающая к деонтологической реакции дилемма и исходная диспозиция к деонтологическому поведению), которое эффективно противодействует возникновению конформной реакции.

Подобная линия рассуждений позволяет выдвинуть предположение, что различия в реакции на тип давления связаны не столько с полом как таковым, сколько с исходной предрасположенностью к определенному типу реакции, преломляющейся через конкретные особенности ситуации. Фактически, это возвращает нас к «великому трюизму Левина» (Jones, 1985, p. 84), что поведение индивида как-то связано с ним самим и его окружением. Левин выразил это в своем знаменитом «уравнении» $B = f(P, E)$ (Левин, 2001, с. 373). Безусловно, без определения единиц измерения индивида и ситуации, а также характера функции, связывающей эти единицы, это «уравнение» остается достаточно наивной псевдоматематизацией. Однако даже в таком виде оно является полезным напоминанием, что для описания и прогнозирования моральной реакции в ситуации социального давления необходимо учитывать как конкретные особенности организации давления, так и характеристики индивида, которые являются продуктом сложного взаимодействия многих факторов его жизненной истории. Наше исследование показывает, что пассивное

⁵ Можно предположить, что это согласуется с идеей морального лицемерия, заключающегося в том, что люди применяют разные моральные стандарты в отношении себя и других людей (Valdesolo, DeSteno, 2007). В данном случае участники считают убийство или причинение вреда невинному человеку для спасения большего числа людей (консеквенциалистская реакция) более приемлемым, когда эти действия совершаются ими самими, чем другими людьми.

виртуальное социальное давление является действенным способом модификации окружения, изменяющим публичное моральное поведение в выбранном направлении. Полученные данные, однако, свидетельствуют, что конкретные проявления моральной конформности могут быть связаны с особенностями организации давления, с содержанием моральных дилемм, с характеристиками индивида, а также с тем, как все эти факторы взаимодействуют между собой. В данном контексте обнаруженный в зарубежных исследованиях эффект асимметричной моральной конформности в сторону деонтологического большинства следует трактовать не как универсальное явление, а как результат сочетания ряда ситуативных факторов. При других условиях можно обнаружить асимметрию в сторону консеквенциализма (как в наших первых двух исследованиях) либо не обнаружить ее вовсе (как в нашем третьем исследовании). При этом учет индивидуальных характеристик (даже таких общих, как пол) позволяет увидеть, что само давление не является единственным определяющим фактором моральной конформности. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы более полно и точно понять механизмы, определяющие влияние контекстуальных факторов и исходных диспозиций на моральную конформность в ситуации социального давления. Дополнительные исследования должны включать в себя использование различных типов моральных стимулов (не только моральных дилемм) и форм давления, а также изучение других важных факторов, таких как культурные различия. Не будет картина полной и без изучения временной динамики моральной конформности.

Отдельная проблема, которая остается за рамками описанных в данной статье исследований, заключается в том, почему сама по себе информация о поведении большинства является действенным способом влияния на моральные реакции индивидов. Одно из объяснений этого может быть предложено в рамках недавно сформулированной теории, в которой социальная конформность рассматривается как стратегия оптимизации метаболических затрат на обработку информации (Theriault et al., 2021). Один из исходных ее постулатов заключается в том, что мозг функционирует как предсказательная система и минимизирует метаболические затраты, стремясь создать предсказуемую и эффективную модель взаимодействия с окружающей средой. «Чувство долженствования» (sense of should) представляет собой физиологически обоснованную стратегию, оптимизирующую метаболические затраты посредством следования ожиданиям других людей, поскольку это увеличивает предсказуемость среды. Развивая эту линию, можно рассматривать моральную дилемму как ситуацию, которая в силу своей неопределенности и сложности требует значительных метаболических ресурсов и времени. Одной из стратегий оптимизации метаболических затрат в этом случае может быть конформное моральное поведение. Предоставление информации о мнении большинства относительно выбора ответа в ситуации моральной дилеммы является непосредственным стимулом, который указывает индивидууму, какое поведение является социально приемлемым или ожидаемым, а следование этому стимулу является энергетически адаптивным поведением. Стоит отметить, однако,

что это нейроредукционистское объяснение, как и большинство подобных объяснений, вряд ли может быть признано полностью удовлетворительным (в конечном итоге, сомнительно, что наш мозг вообще строит модели и функционирует подобно компьютеру). Наша индивидуальность представляет собой неделимое органическое целое, развивающееся и функционирующее под влиянием биологических (при этом не только нейрональных) и социальных факторов.

Рассмотренная выше интерпретация, однако, может подтолкнуть к поиску объяснения, избегающего соблазнительных ловушек нейроредукционизма. Так, можно проанализировать конформное поведение как один из инструментов обеспечения предсказуемости поведения внутри социальной системы и, таким образом, поддержания ее стабильности. Такое поведение, как и многие другие классы поведения, формируется с раннего детства при помощи разнообразных режимов вербального и невербального подкрепления и наказания. При этом информация о поведении большинства может функционировать не только как дискриминативный стимул, но и непосредственно как подкрепление, что согласуется как с гипотезой снижения неопределенности (Berlyne, 1960), так и с гипотезой условного подкрепления (Wysockoff, 1959; Ajuwon et al., 2023)⁶.

Заключение

В рамках данной статьи изучалась проблема возникновения моральной конформности в ответ на пассивное виртуальное социальное давление в условиях российского культурного пространства. Проведенные эксперименты были основаны на трех взаимосвязанных исследовательских вопросах: 1) возникает ли моральная конформность в данном контексте; 2) существует ли эффект асимметричной конформности в пользу деонтологического большинства; 3) зависит ли уровень моральной конформности от таких факторов, как пол испытуемого и тип моральной дилеммы.

Во всех трех проведенных исследованиях пассивное виртуальное социальное давление оказалось действенным способом изменения публичного морального поведения, как у мужчин, так и у женщин. При этом было обнаружено, что направление и степень конформной реакции могут быть связаны с конкретными особенностями дизайна исследования, с типом и содержанием моральной дилеммы, а также с индивидуальными характеристиками участника. Хотя в третьем исследовании конформность в ответ на пассивное давление была выявлена для всех используемых типов моральных дилемм, учет пола как дополнительного фактора позволил выявить различия между мужчинами и женщинами в силе реакции на консеквенциалистское давление для дилемм

⁶ Укажем, что в этом контексте мораль представляет собой разновидность поведения, управляемого правилами (*rule-governed behavior*), которое способно в некоторых случаях снижать чувствительность к непосредственным контингенциям и таким образом приводить к контрконформному относительно актуальной стимуляции поведению.

от третьего лица. Существование эффекта асимметричной моральной конформности в сторону деонтологического большинства нами не подтверждается. Если он и существует, то не является универсальным явлением, а результаты зарубежных исследований могут быть обусловлены сочетанием ряда ситуативных факторов. В различных условиях можно обнаружить асимметрию в сторону консеквенциалистского большинства или она может вообще отсутствовать. Таким образом, моральная конформность является сложным и динамичным явлением, а для ее более полного понимания необходимо учитывать как ситуативные, так и индивидуальные факторы.

Необходимо также отметить некоторые ограничения проведенных исследований. Во-первых, все три исследования, как и большая часть работ в этой области, были основаны на искусственных моральных дилеммах. Хотя подобный подход позволяет контролировать и стандартизировать условия эксперимента, его экологическая валидность и применимость к реальным ситуациям ограничены. Операционализация моральной конформности через изменение частоты определенных ответов на моральные дилеммы упрощает сложность морального поведения и не учитывает полный спектр моральных взаимодействий в повседневной жизни. И хотя такое упрощение может быть оправдано исследовательской необходимостью, безусловно, требуются дальнейшие исследования в реальном контексте или с использованием более реалистичных сценариев.

Во-вторых, мы фокусировались на общих паттернах моральной конформности, не углубляясь в индивидуальные различия между испытуемыми. Хотя мы учитывали пол и возраст, многие другие потенциально важные факторы были вынесены за скобки. Дальнейшие исследования должны включать более широкий спектр переменных, чтобы полнее понять, как они взаимодействуют с социальным давлением.

Несмотря на эти ограничения, результаты нашего исследования неоспоримо свидетельствуют, что даже пассивное виртуальное давление способно оказать значительное влияние на моральное поведение. Как таковое оно может быть рассмотрено как форма власти без явного идентифицируемого источника («власть без лица»), поскольку его воздействие изменяет вероятность определенного поведения⁷. Понимание этой формы «власти без лица» позволит нам лучше осознать сложную динамику социального и морального влияния в современном информационном обществе. Взаимодействие людей с виртуальным пространством, социальными сетями, искусственными интеллектуальными системами и другими новыми технологиями создает уникальные возможности для распространения и усиления такой «власти без лица». Это знание может быть важным для разработки эффективных механизмов регулирования и ответственного использования технологий, чтобы сбалансировать их влияние с правами и свободами человека.

⁷ Здесь мы опираемся на понимание власти, данное Р. Далем: «По-видимому, власть актора А может быть адекватно определена мерой М, которая представляет собой разницу вероятности события при определенном действии актора А и вероятности события при отсутствии такого действия со стороны актора А» (Dahl, 1957, p. 214).

Литература

- Де Токвиль, А. (1992). *Демократия в Америке*. М.: Прогресс.
- Левин, К. (2001). Поведение и развитие ребенка как функция от ситуации в целом. В кн. К. Левин, *Динамическая психология: Избранные труды* (с. 372–426). М.: Смысл.
- Федоров, А. А. (2023). Повторение как стадия исследовательского процесса. В кн. А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич (отв. ред.), *Психологическое знание: Стадии исследовательского процесса* (с. 106–138). М.: Изд-во «Институт психологии РАН». https://doi.org/10.38098/thry_23_0457_06

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Agresti, A. (1980). Generalized odds ratios for ordinal data. *Biometrics*, 36(1), 59–67. <https://doi.org/10.2307/2530495>
- Ajuwon, V., Ojeda, A., Murphy, R. A., Monteiro, T., & Kacelnik, A. (2023). Paradoxical choice and the reinforcing value of information. *Animal Cognition*, 26(2), 623–637. <https://doi.org/10.1007/s10071-022-01698-2>
- Armstrong, J., Friesdorf, R., & Conway, P. (2019). Clarifying gender differences in moral dilemma judgments: the complementary roles of harm aversion and action aversion. *Social Psychological and Personality Science*, 10(3), 353–363. <https://doi.org/10.1177/1948550618755873>
- Asch, S. E. (1956). Studies of independence and conformity: I. A minority of one against a unanimous majority. *Psychological Monographs: General and Applied*, 70(9), 1–70. <https://doi.org/10.1037/h0093718>
- Avram, M., Hennig-Fast, K., Bao, Y., Pöppel, E., Reiser, M., Blautzik, J., Giordano, J., & Gutyrchik, E. (2014). Neural correlates of moral judgments in first- and third-person perspectives: Implications for neuroethics and beyond. *BMC Neuroscience*, 15(1), Article 39. <https://doi.org/10.1186/1471-2202-15-39>
- Berlyne, D. E. (1960). *Conflict, arousal, and curiosity*. New York, NY: McGraw-Hill Book Company. <https://doi.org/10.1037/11164-000>
- Bond, R., & Smith, P. B. (1996). Culture and conformity: A meta-analysis of studies using Asch's (1952b, 1956) line judgment task. *Psychological Bulletin*, 119(1), 111–137. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.119.1.111>
- Bordia, P. (1997). Face-to-Face versus computer-mediated communication: a synthesis of the experimental literature. *The Journal of Business Communication*, 34(1), 99–118. <https://doi.org/10.1177/002194369703400106>
- Bostyn, D. H., & Roets, A. (2017). An asymmetric moral conformity effect: subjects conform to deontological but not consequentialist majorities. *Social Psychological and Personality Science*, 8(3), 323–330. <https://doi.org/10.1177/1948550616671999>
- Bronfenbrenner, U. (1967). Response to pressure from peers versus adults among Soviet and American school children. *International Journal of Psychology*, 2, 199–207. <https://doi.org/10.1080/00207596708247216>
- Bronfenbrenner, U. (1970a). Reaction to social pressure from adults versus peers among Soviet day school and boarding school pupils in the perspective of an American sample. *Journal of Personality and Social Psychology*, 15, 179–189. <https://doi.org/10.1037/h0029426>

- Bronfenbrenner, U. (1970b). *Two worlds of childhood: U.S. and U.S.S.R.* New York, NY: Russell Sage Foundation.
- Chituc, V., & Sinnott-Armstrong, W. (2020). Moral conformity and its philosophical lessons. *Philosophical Psychology*, *33*(2), 262–282. <https://doi.org/10.1080/09515089.2020.1719395>
- Cinnirella, M., & Green, B. (2007). Does ‘cyber-conformity’ vary cross-culturally? Exploring the effect of culture and communication medium on social conformity. *Computers in Human Behavior*, *23*(4), 2011–2025. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2006.02.009>
- Dahl, R. A. (1957). The concept of power. *Behavioral Science*, *2*(3), 201–215. <https://doi.org/10.1002/bs.3830020303>
- De Tocqueville, A., de (1992). *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow: Progress. (Original work published 1835)
- Douglas, B. D., Ewell, P. J., & Brauer, M. (2023). Data quality in online human-subjects research: Comparisons between MTurk, Prolific, CloudResearch, Qualtrics, and SONA. *PLoS ONE*, *18*(3), Article e0279720. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0279720>
- Everett, J. A. C., Pizarro, D. A., & Crockett, M. J. (2016). Inference of trustworthiness from intuitive moral judgments. *Journal of Experimental Psychology: General*, *145*, 772–787. <https://doi.org/10.1037/xge0000165>
- Fedorov, A. A. (2023). Povtorenie kak stadiya issledovatel'skogo protsessa [Repetition as a stage of the research process]. In A. L. Zhuravlev, D. V. Ushakov, & A. V. Yurevich (Eds.), *Psikhologicheskoe znanie: Stadii issledovatel'skogo protsessa* [Psychological knowledge: Stages of research process] (pp. 106–138). Moscow: Institute of Psychology of the RAS. https://doi.org/10.38098/thry_23_0457_06
- Friesdorf, R., Conway, P., & Gawronski, B. (2015). Gender differences in responses to moral dilemmas: a process dissociation analysis. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *41*(5), 696–713. <https://doi.org/10.1177/0146167215575731>
- Glass, D. J. (2010). A critique of the hypothesis, and a defense of the question, as a framework for experimentation. *Clinical Chemistry*, *56*(7), 1080–1085. <https://doi.org/10.1373/clinchem.2010.144477>
- Greene, J. D., Morelli, S. A., Lowenberg, K., Nystrom, L. E., & Cohen, J. D. (2008). Cognitive load selectively interferes with utilitarian moral judgment. *Cognition*, *107*(3), 1144–1154. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2007.11.004>
- Greene, J. D., Nystrom, L. E., Engell, A. D., Darley, J. M., & Cohen, J. D. (2004). The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment. *Neuron*, *44*(2), 389–400. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2004.09.027>
- Greene, J. D., Sommerville, R. B., Nystrom, L. E., Darley, J. M., & Cohen, J. D. (2001). An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment. *Science*, *293*(5537), 2105–2108. <https://doi.org/10.1126/science.1062872>
- Howard, C. W., Zou, G., Morrow, S. A., Fridman, S., & Racosta, J. M. (2022). Wilcoxon-Mann-Whitney odds ratio: A statistical measure for ordinal outcomes such as EDSS. *Multiple Sclerosis and Related Disorders*, *59*, Article 103516. <https://doi.org/10.1016/j.msard.2022.103516>
- Jeffreys, H. (1961). *The theory of probability* (3rd ed.). Oxford, UK: Oxford University Press.
- Jones, E. E. (1985). Major developments in five decades of social psychology. In G. Lindzey & E. Aronson (Eds.), *Handbook of social psychology: Vol. 1. Theory and method* (pp. 47–108). New York, NY: Random House.

- Kelly, M., Ngo, L., Chituc, V., Huettel, S., & Sinnott-Armstrong, W. (2017). Moral conformity in online interactions: Rational justifications increase influence of peer opinions on moral judgments. *Social Influence*, 12(2–3), 57–68. <https://doi.org/10.1080/15534510.2017.1323007>
- Keshmirian, A., Deroy, O., & Bahrami, B. (2022). Many heads are more utilitarian than one. *Cognition*, 220, Article 104965. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2021.104965>
- Kim, E. B., Chen, C., Smetana, J. G., & Greenberger, E. (2016). Does children's moral compass waver under social pressure? Using the conformity paradigm to test preschoolers' moral and social-conventional judgments. *Journal of Experimental Child Psychology*, 150, 241–251. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2016.06.006>
- Koop, G. J. (2013). An assessment of the temporal dynamics of moral decisions. *Judgment and Decision Making*, 8, 527–539. <https://doi.org/10.1017/S1930297500003636>
- Kundu, P., & Cummins, D. D. (2013). Morality and conformity: The Asch paradigm applied to moral decisions. *Social Influence*, 8(4), 268–279. <https://doi.org/10.1080/15534510.2012.727767>
- Kyrlitsias, C., & Michael Grigoriou, D. (2018). Asch conformity experiment using immersive virtual reality. *Computer Animation and Virtual Worlds*, 29(5), Article e1804. <https://doi.org/10.1002/cav.1804>
- Laporte, L., van Nimwegen, C., & Uyttendaele, A. J. (2010). Do people say what they think: Social conformity behavior in varying degrees of online social presence. In *Proceedings of the 6th Nordic Conference on Human-Computer Interaction: Extending Boundaries* (pp. 305–314). New York, NY: Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/1868914.1868951>
- Lee, M. D., & Wagenmakers, E.-J. (2013). *Bayesian cognitive modeling: A practical course*. Cambridge University Press.
- Lewin, K. (2001). Povedenie i razvitie rebenka kak funktsiya ot situatsii v tselom [Behavior and development of a child as a function of the total situation]. In K. Lewin, *Dinamicheskaya psikhologiya: Izbrannye trudy* [The dynamic psychology: Selected works] (pp. 372–426). Moscow: Smysl.
- Lisciandra, C., Postma-Nilsenová, M., & Colombo, M. (2013). Conformorality. A study on group conditioning of normative judgment. *Review of Philosophy and Psychology*, 4(4), 751–764. <https://doi.org/10.1007/s13164-013-0161-4>
- McGuire, J., Langdon, R., Coltheart, M., & Mackenzie, C. (2009). A reanalysis of the personal/impersonal distinction in moral psychology research. *Journal of Experimental Social Psychology*, 45, 577–580. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2009.01.002>
- McNair, S., Okan, Y., Hadjichristidis, C., & de Bruin, W. B. (2019). Age differences in moral judgment: Older adults are more deontological than younger adults. *Journal of Behavioral Decision Making*, 32(1), 47–60. <https://doi.org/10.1002/bdm.2086>
- Moore, A. B., Lee, N. Y. L., Clark, B. A. M., & Conway, A. R. A. (2011). In defense of the personal/impersonal distinction in moral psychology research: Cross-cultural validation of the dual process model of moral judgment. *Judgment and Decision Making*, 6(3), 186–195. <https://doi.org/10.1017/S193029750000139X>
- Necka, E. A., Cacioppo, S., Norman, G. J., & Cacioppo, J. T. (2016). Measuring the prevalence of problematic respondent behaviors among mturk, campus, and community participants. *PLoS ONE*, 11(6), Article e0157732. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0157732>
- Nosek, B. A., Hardwicke, T. E., Moshontz, H., Allard, A., Corker, K. S., Dreber, A., Fidler, F., Hilgard, J., Kline Struhl, M., Nuijten, M. B., Rohrer, J. M., Romero, F., Scheel, A. M., Scherer, L. D., Schönbrodt, F. D., & Vazire, S. (2022). Replicability, robustness, and reproducibility in psychological science. *Annual Review of Psychology*, 73(1), 719–748. <https://doi.org/10.1146/annurev->

psych-020821-114157

- Shepherd, G. (1976). *Moral conformity in open and closed groups* [PhD dissertation]. Michigan State University. <https://doi.org/10.25335/M5W669H2W>
- Shouval, R., Venaki, S. K., Bronfenbrenner, U., Devereux, E. C., & Kiely, E. (1975). Anomalous reactions to social pressure of Israeli and Soviet children raised in family versus collective settings. *Journal of Personality and Social Psychology*, *32*, 477–489. <https://doi.org/10.1037/h0077073>
- Smilowitz, M., Chad Compton, D., & Flint, L. (1988). The effects of computer mediated communication on an individual's judgment: A study based on the methods of Asch's social influence experiment. *Computers in Human Behavior*, *4*(4), 311–321. [https://doi.org/10.1016/0747-5632\(88\)90003-9](https://doi.org/10.1016/0747-5632(88)90003-9)
- Therault, J. E., Young, L., & Barrett, L. F. (2021). The sense of should: A biologically-based framework for modeling social pressure. *Physics of Life Reviews*, *36*, 100–136. <https://doi.org/10.1016/j.plrev.2020.01.004>
- Valdesolo, P., & DeSteno, D. (2007). Moral hypocrisy: social groups and the flexibility of virtue. *Psychological Science*, *18*(8), 689–690. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2007.01961.x>
- Webb, M. A., & Tangney, J. P. (2022). Too good to be true: bots and bad data from Mechanical Turk. *Perspectives on Psychological Science*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/17456916221120027>
- Wyckoff, L. B. (1959). Toward a quantitative theory of secondary reinforcement. *Psychological Review*, *66*(1), 68–78. <https://doi.org/10.1037/h0046882>

ДИСПОЗИЦИОННЫЕ ПРЕДИКТОРЫ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ ОМСКА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ю.В. ПОТАПОВА^а, А.Ю. МАЛЕНОВА^а, А.А. МАЛЕНОВ^а

^а Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, 644077, Россия, Омск, проспект Мира, д. 55а

Dispositional Predictors of Migration Attitudes in Omsk Students: A Socio-Demographic Aspect

Yu. V. Potapova^a, A. Yu. Malenova^a, A. A. Malenov^a

^а Dostoevsky Omsk State University, 55a Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation

Резюме

На фоне угрожающих темпов миграционной убыли населения в Омской области и ограниченности ресурсов, способных объективно удержать молодежь в регионе, усиливается необходимость анализа потенциальных факторов, связанных с предпосылками миграционного поведения молодежи с учетом ее социально-демографических характеристик. Изучались социально-демографические особенности связи миграционных установок с компонентами субъективного благополучия и жизнестойкости, с отношением к городу проживания, с оценкой миграционных установок

Abstract

Against the backdrop of alarming rates of migration population loss in the Omsk region and limited resources that can objectively retain youth in the region, there is an increasing need to analyze potential factors associated with the preconditions for the migration behavior of youth, taking into account their socio-demographic characteristics. The socio-demographic specifics of the relationships between migration attitudes and the components of subjective well-being, resilience, attitude towards the city of residence,

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-20375, <https://rscf.ru/project/22-28-20375/>, за счет гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области, Соглашение № 23-с.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF) No. 22-28-20375, <https://rscf.ru/en/project/22-28-20375/>, by a grant in the form of a subsidy provided from the budget of the Omsk Region, Agreement No. 23-s.

близких у учащейся молодежи г. Омска. Выборку составили 313 школьников (56.2% девушек, 43.8% юношей) от 14 до 17 лет и 390 студентов (69.7% девушек и 30.3% юношей) от 18 до 22 лет. Использовались методы тестирования, анкетирования, однофакторного дисперсионного и регрессионного анализа. Выяснилось, что универсальными для миграционных установок предикторами в группах студентов и школьников являются низкая привязанность к городу и выраженные миграционные установки близких. В большинстве исследованных социально-демографических групп эти установки связаны с карьерной ориентацией на стабильность места жительства, с социально-нормативным и экзистенциально-деятельностным благополучием. Специфическими индивидуально-психологическими предикторами усиления миграционных установок учащейся молодежи Омска в подростковом возрасте являются высокие показатели вовлеченности у девушек, высокий уровень экзистенциально-деятельностного благополучия и карьерной ориентации на служение у юношей, в студенчестве — низкие показатели вовлеченности и ориентаций на предпринимательство, стабильность работы у девушек, выраженная карьерная ориентация на вызов у юношей. С учетом результатов, для каждой социально-демографической группы предложены направления профилактики миграционных рисков.

Ключевые слова: миграционные установки, школьники, студенты, девушки, юноши, благополучие, жизнестойкость, отношение к городу, карьерные ориентации.

Потапова Юлия Викторовна — доцент, кафедра общей и социальной психологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: социальная психология, субъективное благополучие, городская идентичность, миграционные намерения. Контакты: kardova.jv@gmail.com

Маленова Арина Юрьевна — доцент, кафедра общей и социальной психологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук, доцент.

and assessment of the migration attitudes of loved ones among Omsk students were studied. Sample: 313 schoolchildren (56.2% girls, 43.8% boys) from 14 to 17 years old and 390 students (69.7% girls and 30.3% boys) from 18 to 22 years old. Methods: testing, questionnaires, one-way analysis of variance and regression analysis. It was found that universal predictors for migration attitudes in groups of students and schoolchildren are low attachment to the city and expressed attitudes of loved ones about migration. In most of the studied socio-demographic groups, migration attitudes were associated with career orientation towards stability of place of residence, social-normative and existential-activity well-being. Specific individual psychological predictors of strengthening the migration attitudes in Omsk schoolchildren were high rates of involvement among girls, high levels of existential-activity well-being and career orientation toward service among boys, and in Omsk university students the significant factors were low rates of involvement, orientation toward entrepreneurship, and job stability among young women, expressed career orientation to challenge among young men. Taking into account the results, directions for preventing migration risks were proposed for each socio-demographic group.

Keywords: migration attitudes, schoolchildren, students, girls, boys, well-being, resilience, attitude to the city, career orientations.

Yulia V. Potapova — Associate Professor at the Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Psychology. Research Area: social psychology, subjective well-being, urban identity, migration intentions. E-mail: kardova.jv@gmail.com

Arina Yu. Malenova — Associate professor at the Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Psychology, Associate Professor.

Сфера научных интересов: психологическое благополучие, стресс и совладающее поведение, психология материнства, брачно-семейные установки, миграционное поведение.

Контакты: malyonova@mail.ru

Маленов Александр Александрович — доцент, кафедра общей и социальной психологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психологическое образование, ресурсы личности, субъективное благополучие, миграционные установки.

Research Area: psychological well-being, stress and coping behavior, psychology of motherhood, marriage and family attitudes, migratory behavior.

E-mail: malyonova@mail.ru

Alexander A. Malenov — Associate Professor at the Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, PhD in Psychology.

Research Area: psychological education, personality resources, subjective well-being, migration attitudes.

E-mail: malyonov@mail.ru

Проблема миграции давно разрабатывается представителями социальных наук с позиции анализа массового поведения, каждый раз пополняясь актуальными данными в связи с расширением причин и факторов мобильности населения в XXI в. (Scherschel, Immerfall, 2021). Довольно часто миграционное поведение изучается в контексте внешней миграции (из одной страны в другую) в рамках кросс-культурных исследований социального контекста (Муращенкова, 2021; Ефременкова и др., 2023), одновременно поднимаются проблемы отношения местного населения к иммигрантам (Chen et al., 2022; Hatton, 2020; Haynes, Fotheringham, 2020; Drazanova, Dennison, 2018). Вместе с тем исследование обусловленности перемещений представителей больших социальных групп внутри одной страны имеет не меньшее значение, позволяя расширять список возможных предикторов миграционного поведения, преодолевая их локализацию в экономической сфере, представленную в многочисленных срезах (Нуруллина и др., 2020; Шагалкина и др., 2019; Половинко, Арбуз, 2018). Полагаем, что именно психологические, индивидуально варьирующие факторы, встречающиеся в анализах значительно реже (Зайков и др., 2018; Чернышева, Чжан, 2022), имеют особую значимость для регионов с высокими показателями оттока населения. Их учет и изучение позволит оказывать более эффективное влияние на управление миграционными рисками.

Молодежь выступает одной из масштабных социально-демографических групп, имеющих особую стратегическую ценность для государства. В силу возрастных особенностей эта группа отличается не только личностной и психической пластичностью, но и мобильностью (социальной, образовательной, географической и пр.), позволяя ее относить к потенциальным группам миграционного риска для тех регионов, в которых недостаточно ресурсов для удовлетворения потребности в самореализации, тогда как богатые ими области, напротив, выступают миграционно привлекательными, обеспечивая прирост населения (Савенцев и др., 2022). Одним из основных факторов смены места жительства молодыми людьми в период юности выступает стремление к получению или повышению уровня образования (Габдрахманов и др., 2019), создавая благоприятные и обоснованные условия для территориального перемещения.

По специфике и темпам образовательной миграции исследователи делят регионы на четыре типа:

1) высоко востребованные абитуриентами «регионы-магниты» (Москва и Санкт-Петербург), послевузовская миграция из которых невелика;

2) полярные им «регионы-экспортеры» (Тюменская и Курганская области, Республика Хакасия) с небольшим числом менее востребованных вузов и высокой послевузовской миграцией;

3) «замкнутые» регионы (Амурская область, Республика Дагестан, Забайкалье), в которых не слишком востребованы вузы, но их выпускники предпочитают после учебы трудиться в своем регионе;

4) «регионы-транзиты» с высокой долей востребованных вузов при высокой миграции после их окончания, «вымывающей» профессионально подготовленные кадры (Там же).

Именно к последнему типу относится Омская область, выступая в роли «образовательного транзита»: молодежь, окончив школу в Омске, предпочитает получать образование следующего уровня в других городах, а завершившие обучение в вузе — поступать в магистратуру и/или искать работу по специальности в других регионах страны. С 2015 г. Омск находится в ситуации угрожающего роста миграционной убыли. В 2018–2019 гг. эти показатели достигли своего пика: ежегодно из региона выбывало на 12 тыс. человек больше, чем прибывало. Отчет Омкстата показывает, что в 2022 г. миграционная убыль составила 9674 человека, 76% из этого потока — доля межрегиональной миграции¹. Приоритетными направлениями миграции омской молодежи являются Екатеринбург, Новосибирск, Тюмень, Москва, Санкт-Петербург (Половинко, Арбуз, 2018). Исследователи выделяют два пика миграции в молодости — в школьном и студенческом возрастах (Габдрахманов и др., 2019). Предполагаем, что эти этапы развития личности обладают специфическими особенностями уровня сформированности и направленности не только миграционных установок, но и их предикторов, в том числе индивидуально-психологических.

Анализ исследований миграционного поведения и теорий, претендующих на его объяснение, проведенный за рубежом, позволяет выделить несколько этапов в развитии данной темы (Czaika, Reinprecht, 2022; Chi et al., 2022). На первом из них преобладали идеи экономистов и географов, объясняющих формирование миграционных потоков с позиции так называемых теорий гравитации (например, идеи Е.Г. Равенштейна, Д. Каремера, Дж. Вандеркампа). Согласно этому подходу, на миграцию влияют в основном объективные экономико-географические факторы: концентрация предприятий (и, соответственно, рабочих мест) в крупных промышленных центрах привлекает туда новых жителей. Однако объяснить миграционное поведение исключительно экономическими факторами довольно сложно, нужен переход к более широкому контексту. А.-П. Плопяну и его коллеги утверждают, что, несмотря на кажущуюся очевидность экономической обусловленности миграционных

¹ URL: <https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/migration-2022.xlsx>.

потоков, неэкономические факторы играют в принятии решения о миграции гораздо более серьезную роль (Ploeanu et al., 2018).

Для отдельного человека смена места жительства, особенно эмиграция, действительно выступает значимым событием биографического масштаба (Муращенкова, 2021), и это решение должно быть согласовано с его внутренними установками и личностными особенностями, т.е. обусловлено психологическими факторами. Именно они начали учитываться на втором этапе исследований миграционного поведения (например, в работах Е.С. Ли), связывая его с особенностями принятия решения о миграции, с оценкой помех, которые могут возникнуть на пути его осуществления, с отношением к настоящей и будущей территориям проживания. В настоящее время это направление развивает Л. Кэрон, рассматривая миграционные намерения как показатель качества отношений потенциальных мигрантов с актуальным и желаемым местом проживания (Caron, 2019). В России этот ракурс раскрывается в исследованиях миграционных установок, имеющих полиобъектный характер: одновременную направленность на оценку и потенциального, и реального мест проживания (Кузнецова и др., 2014; Кузнецова, 2018) — и отражающих готовность человека покинуть территорию прежнего проживания ради другой, где он хотел бы проживать (Зайков и др., 2018). Соотношение между позитивными и негативными оценками пунктов нахождения и назначения, как правило, влияет на принятие решения о миграции или оседлом образе жизни. Однако далеко не каждый неудовлетворенный своим местом жительства покидает его в поисках лучшей жизни: лишь 1/8 доля населения мира реально готовы воплотить свои миграционные планы в реальность (Czaika, Reinprecht, 2022).

Включение в изучение проблемы миграции психологических факторов ставит еще одну задачу: оценки их вклада в формирование реальной миграционной активности населения. В рамках теории запланированного поведения А. Айзена, активно поддерживаемой в зарубежной (Czaika, Reinprecht, 2022; Chi et al., 2022) и отечественной психологии (Ефременкова и др., 2023; Муращенкова, 2021), отмечается, что на принятие решения о миграции и вероятность его реализации влияют три вида убеждений: о поведении (вероятность того, что совершаемое действие приведет к желаемому результату), контроле (возможность субъекта влиять на исход событий) и нормативности (соответствие определенной культуре и мнению социального окружения — семьи, группы сверстников). Эти убеждения могут быть представлены в свернутой, имплицитной, а значит, не всегда осознаваемой форме, реализуясь в определенных временных границах на фоне контекста, созданного социально-демографическими (пол, возраст, образование), личностными (характер, опыт) и социально-культурными (религия, раса, этнос, культура) характеристиками (Ajzen, 2020).

Поскольку замысел настоящего исследования заключается в поиске и установлении связи миграционных установок (зависимая переменная) учащейся молодежи с индивидуально-психологическими характеристиками, за неимением возможности изучения всех потенциальных факторов требуется более четкое определение и обоснование последних. Основная гипотеза

допускает, что в качестве таковых могут выступать другие диспозиционные компоненты личности школьников и студентов. С опорой на имеющиеся исследования в контексте миграционной активности, в качестве потенциальных независимых переменных нами были определены субъективное благополучие, жизнестойкость, отношение к городу проживания, карьерные ориентации и оценка миграционных ожиданий близких.

Начнем с последних. Проецируя теорию запланированного действия (Ibid.) на анализ миграционных установок российской молодежи, следует отметить, что роль нормативных убеждений близких является достаточно обсуждаемой в отечественных исследованиях, что, возможно, обусловлено эмоциональной спецификой и структурой межпоколенческих связей семей в нашей стране (Крюкова и др., 2012; Сапоровская, 2014; Микляева, Постникова, 2019). С.А. Кузнецова с коллегами в качестве свойства миграционной установки выделяют ее полисубъектность, т.е. неотрывное влияние на нее мнения ближайшего окружения (Кузнецова и др., 2014; Кузнецова, 2018), что нашло отражение в разработанном ими психометрическом инструменте. Помимо измерения собственных миграционных установок респондента, шкала также оценивает его представление о миграционных намерениях близких и об их отношении к миграции самого респондента (Кузнецова и др., 2014), т.е., по сути, замеряет субъективное восприятие опрашиваемым ожиданий его социального окружения. Выделены и возрастные особенности этой связи: позиция близких в решении вопроса о переезде более значима для старших школьников, ориентированных на поступление в вуз, чем для студентов в поиске подходящего места работы (Там же).

Помимо зависимости миграционных установок и намерений от возраста, учебного статуса и социального окружения потенциальных молодых мигрантов, имеющиеся данные отсылают и к их гендерным характеристикам. Так, в ряде современных отечественных исследований доказано, что юноши, несмотря на проявление готовности к переезду, более склонны к оседлому образу жизни, тогда как девушки чаще эти намерения действительно реализуют (Маленова и др., 2022; Потапова и др., 2023). При этом и те и другие могут иметь свой индивидуальный набор критериев для оценки своего благополучия на определенной территории проживания, которое, в свою очередь, рассматривается не только как устойчивое психологическое образование (Ryff, 1989), но и как динамическое состояние оценки и усвоения нормативных и ценностно-смысловых представлений об окружающей среде и удовлетворенности жизнью в ней (Шамянов, 2014), т.е., по сути, является интериоризированной системой установок. Это, в свою очередь, позволяет выйти на вопрос о степени функциональной (оценка среды как источника удовлетворения базовых потребностей, ее соответствия условиям, необходимым для реализации интересов и осуществления деятельности) и эмоционально-смысловой (удовлетворение социальных, коммуникативных и экзистенциальных потребностей, осознание личностью собственной ценности в сообществе) привязанности человека к его среде обитания как установленной им субъективной связи с местом проживания (Резниченко и др., 2016).

Анализируя результаты исследований факторов субъективного благополучия молодежи, Р.М. Шамионов также утверждает, что среди них можно выделить уверенность в своем профессиональном выборе, четко обозначенную профессиональную идентичность, социальную активность и включенность в виды деятельности, способствующие полноценной самореализации и достижению поставленных целей (Shamionov, 2023). Ориентируясь на этот результат, можно заключить, что в круг факторов миграции могут попадать и карьерные ориентации молодежи как частный случай целей, к которым человек может стремиться, совершая профессиональный выбор (Чикер, 2004). И если на студенческой выборке есть исследования данного феномена (Кожевина, 2017; Ефремкина, 2018; и др.), в том числе в контексте миграционных намерений (Ефременкова, 2022), то у будущих абитуриентов их измеряют крайне редко (Пучкова и др., 2019; Петрова, 2022), несмотря на значимость карьерной адаптивности в структуре регулятивных предикторов определенности и устойчивости профессиональных планов у подрастающего поколения (Кондратюк и др., 2023).

В свою очередь, убеждения о контроле и риске в ситуации миграции, выделяемые А. Айзенем (Ajzen, 2020), могут быть связаны с жизнестойкостью личности, поскольку такое биографически значимое событие невозможно без приложения дополнительных усилий. Жизнестойкость понимается С. Мадди как система убеждений о себе, мире, отношениях с ним, которая позволяет человеку выдерживать и эффективно преодолевать стрессовые ситуации и включает такие параметры, как вовлеченность, контроль и принятие риска (Наливайко, 2006). Жизнестойкость также связана и с благополучием личности, стимулируя заботу о нем через конструктивную оценку трудной ситуации, убежденность человека в своих совладающих способностях, в том числе в новых жизненных обстоятельствах (Леонтьев, Рассказова, 2006). Так, в исследовании Чи Цзинь выявлено, что миграционные намерения студентов, решивших мигрировать в города «первого уровня», в которых есть множество успешно развивающихся организаций и современных предприятий, не ослабляются под воздействием информации о высоком темпе жизни и чрезмерной нагрузке на работе, если эти намерения достаточно сильны и связаны с ведущими ценностями человека (Chi et al., 2022). Смысл миграции перекрывает собой возникающие трудности, и гипотетически жизнестойкость может быть связана с тем, что миграционные установки людей будут повышаться. Впрочем, вероятно и обратное: готовность оставаться в месте, где ресурсов для развития недостаточно, также требует личностных оснований для преодоления ограничений среды и своих собственных. Эти предположения требуют проверки, как и выделение особенностей связи миграционных установок с уровнем благополучия, карьерных ориентаций и отношением молодого человека к месту своего проживания в качестве потенциальных предикторов, чему и посвящено наше исследование. Его целью выступает изучение взаимосвязи заявленных диспозиционных характеристик и миграционных установок учащейся молодежи в зависимости от ее социально-демографических особенностей. Ключевые исследовательские вопросы следующие: каков уровень миграционных

установок у омской молодежи (девушек и юношей школьного и студенческого возраста) и существует ли специфика его предикции со стороны субъективного благополучия, жизнестойкости, карьерных ориентаций, привязанности к городу и миграционных ожиданий их близких?

Метод

В исследовании приняли участие 703 обучающихся разных учебных заведений г. Омска, из них 313 школьников (56.2% девушек, 43.8% юношей) от 14 до 17 лет ($M = 15.4$, $SD = 1.4$) (имеется согласование с администрацией СОШ, получены информированные согласия от самих респондентов и их родителей на участие в социально-психологическом исследовании) и 390 студентов (69.7% девушек и 30.3% юношей) от 18 до 22 лет ($M = 19.9$, $SD = 3.02$).

Методы сбора данных — анкетирование (для анализа социально-демографических характеристик опрашиваемых) и тестирование.

Методический инструментарий составили следующие шкалы, опросники и тесты:

1. «Шкала миграционных установок личности» С.А. Кузнецовой, И.Ю. Кузнецова и А.В. Фещенко (Кузнецова и др., 2014). Оцениваемые факторы: 1) миграционные установки самого респондента; 2) миграционные установки близких, с точки зрения респондента; 3) оценка респондентом отношения близких к его миграции.

2. «Диагностика субъективного благополучия личности» Р.М. Шамионова и Т.В. Бесковой (Шамионов, Бескова, 2018). Оцениваемые факторы (компоненты): 1) эмоциональное благополучие (присутствие в жизни позитивных переживаний); 2) экзистенциально-деятельностное благополучие (прилагаемые усилия для достижения событийно-смысловой насыщенности жизни); 3) эго-благополучие (самосогласованность личности, удовлетворенность собой, уверенность в себе); 4) гедонистическое благополучие (степень удовлетворения базовых потребностей в безопасности, условиях, необходимых для жизни); 5) социально-нормативное благополучие (соответствие жизни социальным нормам и нравственным ценностям, их интериоризация).

3. «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой (Леонтьев, Рассказова, 2006). Оцениваемые факторы (компоненты): 1) вовлеченность (удовольствие от совершаемой деятельности, обнаружение значимости жизни благодаря ей); 2) контроль (убежденность в своих силах влиять на результат деятельности); 3) принятие риска (готовность действовать при отсутствии гарантий успеха, ориентация на развитие благодаря приобретению и использованию разных знаний и опыта).

4. «Опросник привязанности к дому» С.И. Резниченко, С.К. Нартовой-Бочавер и В.Б. Кузнецовой (Резниченко и др., 2016) в модификации А.Ю. Маленовой и Ю.В. Потаповой («Опросник отношения к городу»). Оцениваются влияющие на поведение человека его эмоциональное отношение к месту жительства и степень его близости.

5. «Методика изучения мотивации профессиональной карьеры» («Якоря карьеры») Э. Шейна (в адаптации В.Э. Винокуровой и В.А. Чикер) (Чикер, 2004). Оцениваемые карьерные ориентации: 1) профессиональная компетентность (стремление к развитию и реализации имеющихся способностей и талантов в определенной области, достижению высокого уровня мастерства); 2) менеджмент (направленность на управление, интеграцию усилий других людей, стремление к власти, руководящим должностям); 3) автономия (потребность в независимости и свободе действий, преодолении организационных правил, предписаний и ограничений); 4) стабильность (потребность в безопасности, предсказуемости жизненных событий, постоянстве) места работы (ориентация на карьеру в организации, заботящейся о своих сотрудниках, гарантирующей им трудовой стаж, надежный доход, репутацию, поддержку) и места жительства (ориентация на «укорененность», стремление к построению карьеры в конкретном регионе, ценность определенной географической местности, связь с ней); 5) служение (ориентация на общество и других людей, помощь им, стремление приносить пользу, улучшать окружающую среду и жизнь в ней); 6) вызов (значимость в деятельности конкуренции, борьбы, преодоления препятствий, решения трудных задач, ценность успеха, выигрыша, победы над другими и обстоятельствами); 7) интеграция стилей жизни (стремление к согласованности, балансу различных сторон жизни и осуществляемых видов деятельности, гармоничному соотношению карьеры и личной жизни); 8) предпринимательство (стремление к созданию нового, своего, максимальная самореализация в деле, отождествление себя с выполняемой деятельностью).

В число методов математической обработки вошли первичные описательные статистики, однофакторный дисперсионный анализ с тестом Таймхена и регрессионный анализ (линейная регрессия методом исключения).

Результаты

В первую очередь мы сравнили миграционные установки в рассмотренных социально-демографических группах и получили значимые различия ($F = 5.14$, $p \leq 0.01$): средние значения были выше у школьниц ($M = 57.4$, $SD = 16.9$) и школьников ($M = 54.3$, $SD = 14.7$) и ниже у студенток ($M = 52.8$, $SD = 14.7$) и студентов ($M = 50.9$, $SD = 12.9$). Апостериорный тест Таймхена выявил значимые отличия миграционных установок школьниц от студенток ($p \leq 0.05$) и студентов ($p \leq 0.01$), остальные группы значимо не отличались друг от друга. Нормирование по выборке показало, что во всех социально-демографических группах средние значения миграционных установок находятся в границах среднего уровня.

По результатам диагностики и их статистической обработки построены четыре регрессионные модели для каждой группы молодежи в зависимости от ее социально-демографических особенностей. Самый высокий коэффициент детерминации собственных миграционных установок со стороны определенных нами независимых переменных наблюдается в группе девушек-школьниц,

средний и примерно равный — в группах девушек-студенток и юношей-школьников, а самый низкий — у юношей-студентов (см. таблицу 1).

Раскроем значимые для формирования миграционных установок школьниц и школьников предикторы, включенные в уравнение регрессии (см. таблицы 2 и 3).

Таблица 1

Характеристики регрессионных моделей собственных миграционных установок омской молодежи разных социально-демографических групп

Социальная группа	Демографическая группа	R^2	F	p
Школьники	Девушки	0.70	46.49	0.001
	Юноши	0.64	38.30	0.001
Студенты	Девушки	0.67	53.08	0.001
	Юноши	0.49	21.97	0.001

Таблица 2

Предикторы формирования миграционных установок школьниц

Независимые переменные	B	β	p
(Константа)	57.622		0.000
Вовлеченность	0.233	0.157	0.019
Экзистенциально-деятельностное благополучие	-4.342	-0.165	0.017
Карьерная ориентация на менеджмент	0.761	0.098	0.039
Карьерная ориентация на стабильность места жительства	-2.357	-0.287	0.000
Привязанность к городу	-4.933	-0.253	0.000
Установки близких о миграции респондента	0.610	0.544	0.000

Таблица 3

Предикторы формирования миграционных установок школьников

Независимые переменные	B	β	p
(Константа)	34.594		0.000
Экзистенциально-деятельностное благополучие	3.013	0.149	0.049
Социально-нормативное благополучие	-3.201	-0.144	0.047
Карьерная ориентация на стабильность места жительства	-1.322	-0.193	0.001
Карьерная ориентация на служение	0.915	0.128	0.038
Привязанность к городу	-4.733	-0.305	0.000
Установки близких о миграции респондента	0.687	0.575	0.000

Если у подростков разного пола в качестве предикторов выступили по шесть переменных, то в студенческом возрасте количество значимых связей у девушек оказалось больше, чем у юношей (см. таблицы 4 и 5).

Таким образом, миграционные установки представителей изучаемых групп обусловлены разным сочетанием их индивидуально-психологических характеристик. Исключением выступает лишь уровень привязанности к городу, снижающий во всех случаях миграционные установки. Еще одним универсальным предиктором служат фиксируемые опрашиваемыми миграционные установки близких, усиливающие стремление респондентов покинуть родной город: студенты ориентируются на оценку того, хотят ли мигрировать их близкие, а все остальные группы учитывают мнение близких о необходимости миграции самих респондентов. Часто встречаемыми, хотя и неоднозначно связанными с зависимой переменной предикторами (характерными для трех из четырех групп) являются экзистенциально-деятельностное и социально-нормативное благополучие, карьерная ориентация на стабильность места

Таблица 4

Предикторы формирования миграционных установок студентов

Независимые переменные	B	β	p
(Константа)	9.636		0.049
Вовлеченность	-0.130	-0.084	0.046
Социально-нормативное благополучие	2.592	0.095	0.027
Карьерная ориентация на менеджмент	1.379	0.191	0.000
Карьерная ориентация на стабильность места работы	-0.980	-0.124	0.004
Карьерная ориентация на стабильность места жительства	-0.544	-0.081	0.036
Карьерная ориентация на предпринимательство	-0.961	-0.136	0.007
Привязанность к городу	-2.013	-0.132	0.001
Установки близких о миграции респондента	0.729	0.651	0.000

Таблица 5

Предикторы формирования миграционных установок студентов

Независимые переменные	B	β	p
(Константа)	25.575		0.003
Экзистенциально-деятельностное благополучие	-5.053	-0.244	0.011
Социально-нормативное благополучие	4.035	0.168	0.046
Карьерная ориентация на вызов	1.292	0.178	0.018
Привязанность к городу	-3.266	-0.244	0.001
Миграционные установки близких	0.599	0.538	0.000

жительств (нехарактерная лишь для выборки студентов). Наиболее специфические результаты (как по качеству, количеству, так и по направленности связи) были обнаружены в отношении прогноза миграционных установок со стороны карьерных ориентаций обучающихся разного пола и возраста: ориентация на вызов проявилась у студентов, на предпринимательство — у студентов, на служение — у школьников, при этом установка на менеджмент в контексте миграционных намерений свойственна девушкам, а не юношам. Противоречивым оказалось действие вовлеченности на миграционные установки девушек разного возраста. Различия в результатах подтверждают оправданность поиска предикторов в отдельных социально-демографических группах, а не по всей выборке в целом. Вместе с тем необходимо констатировать, что есть миграционные признаки, объединяющие молодежь, находящуюся на разных ступенях образования.

Обсуждение результатов

Полученные нами результаты подтвердили, что диспозиционные характеристики личности, с одной стороны, уже отличаются относительной устойчивостью в подростковом и юношеском возрасте, позволяя их замерять (Маенкова, 2021; Лепехин и др., 2023), с другой — обладают подвижностью, создавая условия для оказания направленных воздействий с целью профилактики миграционных рисков. При этом на формирование последних у школьников и студентов особое влияние оказывает оценка молодыми людьми миграционных установок, свойственных ближайшему социальному окружению (Кузнецова и др., 2014), об этом же косвенно свидетельствует и их прямая связь с социально-нормативным благополучием и неоднородная — с экзистенциально-деятельностным (Бохан и др., 2021; Самохвалова и др., 2022). В свою очередь, ориентация молодежи при построении карьеры на более благоприятные условия жизни согласуется с ее достаточно высокой территориальной мобильностью (Кожевина, 2017; Ефремкина, 2018), а также соответствует присущей молодым людям низкой привязанности к месту проживания, особенно в регионах с негативной городской идентичностью (Рыбаковский, 2022; Савенцев и др., 2022).

Вместе с тем использование относительно нового инструментария, а также сочетание выбранных для оценки диспозиционных конструктов позволили выявить с их стороны специфическую предикцию миграционных установок у представителей разных групп учащейся молодежи Омска, определяя не только их психологический портрет, но и возможности целевой превенции миграционных намерений.

Для обобщения и облегчения понимания данных мы представим их в виде схемы, где конкретные предикторы миграционных установок соотнесены с социально-демографическими группами (расположение в пространстве рисунка), а также указано направление их влияния (повышение или понижение) на зависимую переменную (стрелка, направленная вверх/вниз) (см. рисунок 1).

Предикторы миграционных установок в разных социально-демографических группах омской молодежи

Для всех групп выделились два универсальных противоположно направленных предиктора: привязанность к городу снижает миграционные установки, а представление о выраженных установках близких о миграции — повышает. Можно считать, что данные предикторы являются ключевыми для принятия решения о миграции, хотя сила влияния привязанности к городу все же выше. Таким образом, принимая решение о переезде, омская молодежь учитывает мнение ближайшего социального окружения, но все же ориентируется на собственные представления о малой родине.

Во всех группах, кроме студентов-юношей, карьерная ориентация на стабильность места жительства снижает стремление переехать. Группы студентов разного пола объединяет влияние социально-нормативного благополучия, которое усиливает их стремление мигрировать. Вероятно, позитивная оценка со стороны окружающих способствует формированию уверенности и готовности приложить свои силы для построения карьеры в другом городе. У школьников-юношей социально-нормативное благополучие, напротив, снижает стремление к миграции. Вероятно, позитивная оценка близких пока не способна сформировать настрой на миграцию и выступает лишь фактором удовлетворенности отношениями с ними, а значит, способствует тому, что окружение воспринимается как более безопасное и комфортное, что не помогает формированию миграционных планов. Воздействие экзистенциально-деятельностного благополучия на миграционные установки школьников разнонаправленно: для девушек понимание того, что они делают достаточно в плане достижения своих целей, снижает желание мигрировать, а у юношей, напротив, повышает его. Возможно, цели, которые ставят себе юноши, более масштабны и связаны с экспансией в другие регионы (при этом на такой шаг

настроены самые уверенные в том, что они способны достигать поставленных целей), а девушки с высоким экзистенциально-деятельностным благополучием понимают, что могут реализоваться и в собственном городе. Вероятно, в школьном возрасте для девочек миграция выступает способом компенсации неуверенности в своих способностях по достижению поставленных целей, а для мальчиков — следствием, напротив, высокой оценки своих сил. Однако у студентов-юношей экзистенциально-деятельностное благополучие связано с миграционными установками отрицательно, т.е. более готовы к переезду те, кто низко оценивает свои достижения и, возможно, считает, что в новых условиях не будет барьеров для их самореализации. Подобная метаморфоза отношений экзистенциально-деятельностного благополучия и миграционных установок при переходе от школьного возраста к студенческому, скорее всего, связана с более выраженным в этот период конкурентным столкновением молодых мужчин.

Влияние вовлеченности на миграционные установки девушек разного возраста противоположно: у школьниц включение в активную и интересную им деятельность повышает миграционные установки, а у студенток — снижает их. Возможно, активность школьниц связана с внеучебной, общественной деятельностью, с участием в олимпиадах, с поездками в другие города. Подобный опыт позволяет сравнивать разные регионы, опосредованно формируя стремление к дальнейшей мобильности. У студенток вовлеченность может быть обусловлена иными аспектами. Возможно, фокус внимания смещается в ней с учебно-профессиональной деятельности на межличностные отношения, карьеру, и если есть возможность реализовать себя в родном регионе, то студентки не стремятся к тому, чтобы из него уезжать. Более однозначное для обеих женских групп влияние демонстрирует карьерная ориентация на менеджмент, усиливающая стремление мигрировать туда, где, по мнению девушек, больше возможностей занять руководящую должность. При этом направленность на предпринимательство у студенток, напротив, снижает их миграционные намерения, как и ориентация на стабильность работы: возможно, девушки, стремящиеся создать собственное дело, понимают, что больше поддержки получают в родном городе, а те, кто хочет стабильной работы, может считать, что в иных городах они столкнутся с более жесткой конкуренцией. Подобного рода ситуаций не боятся юноши с высокими миграционными установками: у них карьерная ориентация на вызов весьма высока. Такое экспансивное поведение весьма характерно для мужского взгляда на мир. Можно предположить, что эта карьерная ориентация — лишь преобразованная направленность на служение, более идеализированная во взглядах мальчиков-школьников и тоже являющаяся специфичным для этой группы предиктором усиления миграционных установок.

Выводы

Обобщая полученные результаты, можно сформулировать ряд выводов:

1. Вместе с возрастными и гендерными особенностями связи индивидуальных психо-психологических характеристик и миграционных установок учащейся

молодежи существуют диспозиционные предикторы, не зависящие от пола, возраста и статуса обучающихся, имеющие инвариантный характер для школьников и студентов Омска. К числу таких предикторов относятся высокий уровень оценок респондентами степени поддержки их миграционных установок со стороны их близких при низкой привязанности к городу проживания.

2. Школьники обоего пола в большей степени настроены на реализацию миграционных намерений. Значимо сильнее прочих групп это демонстрируют девушки-школьницы. Студенты чаще готовы к миграции, если они обладают высоким социально-нормативным благополучием. Девушки обеих возрастных групп готовы к миграции при стремлении к осуществлению менеджерских функций, что подчеркивает тренды современного общества на самореализацию женщин в разных сферах жизни, прежде всего социальной и профессиональной.

3. Специфическими индивидуально-психологическими предикторами миграционных установок учащейся молодежи разных демографических групп являются высокие показатели вовлеченности при низком экзистенциальном благополучии у девушек-школьниц; высокий уровень карьерной ориентации на служение и высокий уровень экзистенциально-деятельностного (и, напротив, низкий — социально-нормативного) благополучия у юношей-школьников; недостаточные вовлеченность, ориентации на предпринимательство и стабильность работы у девушек-студенток; выраженная карьерная ориентация на вызов и низкое экзистенциально-деятельностное благополучие у юношей-студентов.

В связи с имеющимися ограничениями исследования его вероятными перспективами нам видится расширение возможных индивидуально-психологических предикторов миграционных установок молодежи за счет включения других личностных и диспозиционных составляющих. В определенной степени это обусловлено тем, что не все предполагаемые факторы будущей миграционной активности молодежи «сработали» в качестве таковых (в частности, жизнестойкость), тогда как проявились потенции в этой области (самооценки, уровня притязаний, мотивации достижения и аффилиации). Интраперсональный характер исследования также настоятельно требует усиления интерперсональным — установления связи между миграционными установками респондентов с реальными ожиданиями их близкого окружения. Следует расширить возрастные границы выборки, дополнив ее работающей молодежью, а также границы территориальные, сопоставив получаемые данные с данными по регионам с похожей и отличающейся миграционной ситуацией. Отдельным направлением исследований должно стать изучение (возможно, с разработкой соответствующего инструментария) отношения молодежи к своему городу, а также поиск обуславливающих его причин. Вместе с тем полученные результаты имеют прикладной характер и могут быть полезны для адресной профилактики роста миграционных установок омской молодежи (с учетом социально-демографических характеристик), связанной с ее активным вовлечением в разнообразные проекты и мероприятия регионального

значения, с раскрытием потенциала области и города, с формированием позитивного отношения к территории проживания и одновременной работой со старшим поколением, которое, возможно, расценивает переезд в другие города как единственную возможность для самореализации своих детей, закрепляя у них тем самым миграционные намерения.

Литература

- Бохан, Т. Г., Ульянич, А. Л., Терехина, О. В., Видякина, Т. А., Галажинский, Э. В. (2021). Особенности субъективного благополучия студентов в условиях образовательной миграции. *Социальная психология и общество*, 12(1), 59–76. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120105>
- Габдрахманов, Н. К., Никифорова, Н. Ю., Лешуков, О. В. (2019). «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. М.: НИУ ВШЭ.
- Ефременкова, М. Н. (2022). Карьерные ориентации как предикторы миграционных намерений личности. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития»*, 11(1), 46–56. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-1-46-56>
- Ефременкова, М. Н., Муращенкова, Н. В., Гриценко, В. В., Стельмах, С. А., Бурдина, Е. И. (2023). Представления о настоящем и будущем страны как фактор эмиграционной активности студенческой молодежи: кросс-культурный анализ. *Социальная психология и общество*, 14(1), 111–131. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140107>
- Ефремкина, И. Н. (2018). Исследование динамики карьерных ориентаций, учебной мотивации, их взаимосвязи у студентов-бакалавров как условия формирования готовности к профессиональной мобильности. *Перспективы науки и образования*, 2(32), 175–180.
- Зайков, К. С., Каторин, И. В., Тамицкий, А. М. (2018). Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 11(3), 230–247. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15>
- Кожевина, А. П. (2017). Динамика карьерных ориентаций студентов в процессе профессионального обучения. *Психология в экономике и управлении*, 9(2), 63–73. [https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9\(2\).63-73](https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9(2).63-73)
- Кондратюк, Н. Г., Бурмистрова-Савенкова, А. В., Моросанова, В. И. (2023). От чего зависят профессиональные планы старших школьников. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 20(3), 500–522. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-3-500-522>
- Крюкова, Т. Л., Гущина, Т. В., Сапоровская, М. В., Петрова, Е. А. (2012). *Психология межпоколенных отношений: конфликты и ресурсы*. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова.
- Кузнецова, С. А. (2018). Временные перспективы и миграционные установки магаданских студентов на разных этапах обучения. *Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика»*, 1, 67–78. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78>
- Кузнецова, С. А., Кузнецов, И. Ю., Фещенко, А. В. (2014). Разработка шкалы миграционных установок личности. *Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика»*, 1, 83–90.
- Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости. Методическое руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения*. М.: Смысл.

- Лепехин, Н. Н., Круглов, В. Г., Круглова, М. А., Тихомирова, Н. В., Яшина, М. А. (2023). Диспозиционные предикторы конфликтоустойчивости студентов. *Социальная психология и общество*, 14(1), 92–110. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140106>
- Маенкова, А. Д. (2021). Диспозиционные предикторы коррупционного поведения в старшем школьном возрасте. В кн. *Современная реальность в социально-психологическом контексте – 2021: Сборник научных трудов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*, Новосибирск, 17–18 марта 2021 года (с. 229–235). Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет.
- Маленова, А. Ю., Потапова, Ю. В., Маленов, А. А., Потапов, А. К. (2022). Социально-демографический портрет омских школьников с разным типом миграционных установок. *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*, 20(3), 127–139. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20\(3\).127-139](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20(3).127-139)
- Микляева, А. В., Постникова, М. И. (2019). Социально-психологическая структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи. *Социальная психология и общество*, 10(2), 114–126. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100209>
- Муращенкова, Н. В. (2021). Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска. *Социальная психология и общество*, 12(1), 77–93. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120106>
- Наливайко, Т. В. (2006). К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди. *Вестник интегративной психологии: журнал для психологов*, 4, 211–216.
- Нуруллина, А. Р., Никифоров, С. А., Попова, Н. М., Шевченко, И. Г. (2020). Миграционные установки студентов медицинских вузов. *Modern Science*, 12(3), 185–190.
- Петрова, Ю. В. (2022). Карьерные ориентации и определенность профессионального выбора у подростков с разным уровнем интернет-аддикции. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 11(2А), 72–81. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.18.69.048>
- Половинко, В. С., Арбуз, А. В. (2018). Миграционные установки населения в контексте регионального рынка труда. *Journal of New Economy*, 19(1), 38–50.
- Потапова, Ю. В., Маленова, А. Ю., Маленов, А. А., Потапов, А. К. (2023). Гендерные особенности миграционных установок одаренных омских школьников с разным уровнем жизнестойкости и субъективного благополучия. *Психологическая наука и образование*, 28(1), 112–121. <https://doi.org/10.17759/pse.2023280106>
- Пучкова, Е. Б., Темнова, Л. В., Сорокоумова, Е. А., Курносова, М. Г. (2019). Взаимосвязь ценностей и карьерных ориентаций современных подростков. *Психологическая наука и образование*, 24(5), 27–36. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240503>
- Резниченко, С. И., Нартова-Бочавер, С. К., Кузнецова, В. Б. (2016). Метод оценки привязанности к дому. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(3), 498–518.
- Рыбаковский, О. Л. (2022). *Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет*. М.: ФНИСЦ РАН.
- Савенцев, Г. В., Флаот, Н. С., Егоров, Д. В., Казанцев, Д. А. (2022). Факторы миграционного прироста в регионах России на современном этапе. *Социальные и гуманитарные знания*, 8(2), 162–177. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-162-177>
- Самохвалова, А. Г., Шипова, Н. С., Тихомирова, Е. В., Вишневская, О. Н. (2022). Психологическое благополучие современных студентов: типология и мишени психологической помощи. *Консультативная психология и психотерапия*, 30(1), 29–48. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300103>

- Сапоровская, М. В. (2014). *Психология межпоколенных отношений в семье*. М.: Национальный книжный центр.
- Чернышева, Н. С., Чжан, Ю. (2022). Молодежная миграция в России: обзор дискуссий. *Социологические исследования*, 11, 135–143. <https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3>
- Чикер, В. А. (2004). *Психологическая диагностика организации и персонала*. СПб.: Речь.
- Шагалкина, М. В., Латуха, М. О., Мицкевич, Е. А., Строгеецкая, Е. В. (2019). Факторы миграционных намерений талантливых выпускников ведущих вузов России. *Российский журнал менеджмента*, 17(4), 445–466.
- Шамионов, Р. М. (2014). Этнокультурные факторы субъективного благополучия личности. *Психологический журнал*, 35(4), 68–81.
- Шамионов, Р. М., Бескова, Т. В. (2018). Методика диагностики субъективного благополучия личности. *Психологические исследования*, 11(60), 8. <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.277>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Ajzen, I. (2020). The theory of planned behavior: Frequently asked questions. *Human Behavior and Emerging Technologies*, 2(4), 314–324. <https://doi.org/10.1002/hbe2.195>
- Bokhan, T. G., Ul'yanich, A. L., Terekhina, O. V., Vidyakina, T. A., & Galazhinskiy, E. V. (2021). The features of subjective well-being among students in the conditions of educational migration. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 12(1), 59–76. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120105> (in Russian)
- Caron, L. (2019). An intergenerational perspective on (re)migration: Return and onward mobility intentions across immigrant generations. *International Migration Review*, 3(54), 820–852. <https://doi.org/10.1177/0197918319885646>
- Chen, Y., Sack, H., & Alam, M. (2022). Analyzing social media for measuring public attitudes toward controversies and their driving factors: a case study of migration. *Social Network Analysis and Mining*, 12, Article 135. <https://doi.org/10.1007/s13278-022-00915-7>
- Chernyshyova, N. S., & Zhang, Yu. (2022). Approaches to the studying youth migration in Russia: Reviewing discussions. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 11, 135–143. <https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3> (in Russian)
- Chi, J., Bo, L., Jansen, S. J. T., Boumeester, H. J. F. M., & Boelhouwer, P. J. (2022). What attracts young talents? Understanding the migration intention of university students to first-tier cities in China. *Cities*, 128, Article 103802. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103802>
- Chiker, V. A. (2004). *Psikhologicheskaya diagnostika organizatsii i personala* [Psychological diagnostics of the organization and personnel]. Saint Petersburg: Rech'.
- Czaika, M., & Reinprecht, C. (2022). Migration drivers: Why do people migrate? In P. Scholten (Ed.), *Introduction to migration studies. IMISCOE Research Series* (pp. 49–82). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92377-8_3
- Drazanova, L., & Dennison, J. (2018). *Public attitudes on migration: rethinking how people perceive migration. An analysis of existing opinion polls in the Euro-Mediterranean region* [Technical report]. European Union.

- https://www.researchgate.net/publication/346975152_Public_attitudes_on_migration_rethinking_how_people_perceive_migration
- Efremenkova, M. N. (2022). Career orientations as predictors of migration intentions of the individual. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya "Akmeologiya Obrazovaniya. Psikhologiya Razvitiya" [Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology]*, 11(1), 46–56. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-1-46-56> (in Russian)
- Efremenkova, M. N., Murashcenkova, N. V., Gricenko, V. V., Stelmakh, S. A., & Burdina, E. I. (2023). Perceptions of the present and future of the country as a factor of the emigration activity of student youth: cross-cultural analysis. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 14(1), 111–131. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140107> (in Russian)
- Efremkina, I. N. (2018). The study of the dynamics of career orientations, educational motivation, their interrelations among bachelor students as the conditions for forming readiness for professional mobility. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya [Perspectives of Science & Education]*, 2(32), 175–180. (in Russian)
- Gabdrakhmanov, N. K., Nikiforova, N. Yu., & Leshukov, O. V. (2019). "Ot Volgi do Eniseya...": obrazovatel'naya migratsiya molodezhi v Rossii ["From Volga to Yenisei...": educational migration of youth in Russia]. Moscow: HSE Publishing House.
- Hatton, T. (2020). Public opinion on immigration in Europe: Preference and salience. *European Journal of Political Economy*, 66(15), Article 101969. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101969>
- Haynes, K. E., & Fotheringham, A. S. (2020). *Gravity and spatial interaction models* [Reprint]. WVU Research Repository. <https://researchrepository.wvu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1010&context=rri-web-book>
- Kondratyuk, N. G., Burmistrova-Savenkova, A. V., & Morosanova, V. I. (2023). What determines professional plans in high school students. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 20(3), 500–522. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-3-500-522> (in Russian)
- Kozhevina, A. P. (2017). Projective method in research of semantic component of personality innovation potential. *Psikhologiya v Ekonomike i Upravlenii [Psychology in Economics and Management]*, 9(2), 63–73. [https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9\(2\).63-73](https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9(2).63-73) (in Russian)
- Kryukova, T. L., Gushchina, T. V., Saporovskaya, M. V., & Petrova, E. A. (2012). *Psikhologiya mezh-pokolennykh otnoshenii: konflikty i resursy* [Psychology of intergenerational relations: conflicts and resources]. Kostroma: Nekrasov Kostroma State University.
- Kuznetsova, S. A. (2018). Time prospects and migratory attitudes of Magadan students at different stages of education. *Vestnik RUDN. Seriya "Psikhologiya i pedagogika" [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]*, 1, 67–78. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78> (in Russian)
- Kuznetsova, S. A., Kuznetsov, I. U., & Feschenko, A. V. (2014). Working out Migratory Attitudes Scale of Personality. *Vestnik RUDN. Seriya "Psikhologiya i pedagogika" [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]*, 1, 83–90. (in Russian)
- Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2006). *Test zhiznesteikosti. Metodicheskoe rukovodstvo po novoi metodike psikhologicheskoi diagnostiki lichnosti s shirokoi oblast'yu primeneniya* [Hardiness Survey. Methodological guide to a new method of psychological diagnostics of personality with a wide range of applications. Designed for professional research psychologists and practitioners]. Moscow: Smysl.
- Lepekhin, N. N., Kruglov, V. G., Kruglova, M. A., Tikhomirova, N. V., & Iashina, M. A. (2023). Dispositional predictors of students' conflict resilience. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo*

- [*Social Psychology and Society*], 14(1), 92–110. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140106> (in Russian)
- Maenkova, A. D. (2021). Dispozitsionnye prediktory korruptsionnogo povedeniya v starshem shkol'nom vozraste [Dispositional predictors of corrupt behavior in high school age]. In *Sovremennaya real'nost' v sotsial'no-psikhologicheskom kontekste – 2021: Sbornik nauchnykh trudov V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Modern reality in the socio-psychological context – 2021: Collection of scientific papers of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation], Novosibirsk, March 17–18, 2021 (pp. 229–235). Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
- Malenova, A. Yu., Potapova, Yu. V., Malenov, A. A., & Potapov, A. K. (2022). Socio-demographic portrait of Omsk schoolchildren with different types of migration attitudes. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya "Ekonomika" [Herald of Omsk University. Series "Economics"]*, 20(3), 127–139. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20\(3\).127-139](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20(3).127-139) (in Russian)
- Miklyaeva, A. V., & Postnikova, M. I. (2019). A socio-psychological structure of intergenerational relationships of students. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 10(2), 114–126. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100209> (in Russian)
- Murashchenkova, N. V. (2021). Interrelation of values and emigration intentions of student's youth of Smolensk. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 12(1), 77–93. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120106> (in Russian)
- Nalivaiko, T. V. (2006). K voprosu osmysleniya kontseptsii zhiznestoikosti S. Maddi [On the issue of understanding the concept of hardiness by S. Maddi]. *Vestnik Integrativnoi Psikhologii: Zhurnal dlya Psikhologov*, 4, 211–216.
- Nurullina, A. R., Nikiforov, S. A., Popova, N. M., & Shevchenko, I. G. (2020). Migratsionnye ustanovki studentov meditsinskikh vuzov [Migration attitudes of medical university students]. *Modern Science*, 12(3), 185–190.
- Petrova, Yu. V. (2022). Career orientations and certainty of professional choice among adolescents with different levels of Internet addiction. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie Obzory i Sovremennye Issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches]*, 11(2A), 72–81. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.18.69.048> (in Russian)
- Plopeanu, A.-P., Homocianu, D., Mihăilă, A.A., Crisan, E. L., Bodea, G., Bratu, R.-D., & Airinei, D. (2018). Exploring the influence of personal motivations, beliefs and attitudes on students' post-graduation migration intentions: Evidence from three major Romanian universities. *Applied Sciences*, 8(11), Article 2121. <https://doi.org/10.3390/app8112121>
- Polovinko, V. S., & Arbuz, A. V. (2018). Migration intentions in the context of regional labour market. *Journal of New Economy*, 19(1), 38–50. (in Russian)
- Potapova, Y. V., Malenova, A. Y., Malenov, A. A., & Potapov, A. K. (2023). Gender features of migration attitudes of Omsk gifted schoolchildren with different levels of resilience and subjective Well-being. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 28(1), 112–121. <https://doi.org/10.17759/pse.2023280106> (in Russian)
- Puchkova, E. B., Temnova, L. V., Sorokoumova, E. A., & Kurnosova, M. G. (2019). Relationship between values and career orientations in modern adolescents. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 24(5), 27–36. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240503> (in Russian)
- Reznichenko, S. I., Nartova-Bochaver, S. K., & Kuznetsova, V. B. (2016). The instrument for assessment of home attachment. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 13(3), 498–518. (in Russian)

- Rybakovsky, O. L. (2022). *Zakonomernosti i osobennosti mezhregional'nykh migratsionnykh svyazei naseleniya Rossii za 50 let* [Patterns and features of interregional migration connections of the Russian population over 50 years]. Moscow: FNISTS RAN.
- Ryff, C. D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57, 1069–1081.
- Samokhvalova, A. G., Shipova, N. S., Tikhomirova, E. V., & Vishnevskaya, O. N. (2022). Psychological well-being of modern students: typology and targets of psychological help. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 30(1), 29–48. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300103> (in Russian)
- Saporovskaya, M. V. (2014). *Psikhologiya mezhpokolennykh otnoshenii v sem'e* [The psychology of intergenerational relationships in the family]. Moscow: Natsional'nyi knizhnyi tsentr.
- Saventsev, G. V., Flaot, N. S., Egorov, D. V., & Kazantsev, D. A. (2022). Factors of migration growth in modern Russia's regions. *Social'nye i Gumanitarnye Znaniya*, 8(2), 162–177. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-162-177> (in Russian)
- Scherschel, K., & Immerfall, S. (2021). Migration, ethnic conflicts, and racism. In *The Blackwell encyclopedia of sociology*. Wiley. <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosm100.pub2>
- Shagalkina, M. V., Latukha, M. O., Mitskevich, E. A., & Strogetskey, E. V. (2020). Factors of migration intentions of talented graduates from leading Russian universities. *Rossiiskii Zhurnal Menedzhmenta [Russian Management Journal]*, 17(4), 445–466. (in Russian)
- Shamionov, R. M. (2014). Ethno-cultural factors of person's subjective well-being. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 35(4), 68–81. (in Russian)
- Shamionov, R. M. (2023). Subjective well-being in its relation to various forms of activity of the student youth. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 12(1), 34–39. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-1-34-39>
- Shamionov, R. M., & Beskova, T. V. (2018). Methodology for diagnostics of the subjective well-being of a person. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 11(60), 8. <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.277> (in Russian)
- Zaikov, K. S., Katorin, I. V., & Tamitskii, A. M. (2018). Migration attitudes of the students enrolled in Arctic-focused higher education programs. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 11(3), 230–247. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15> (in Russian)

Статьи

ВКЛАД А.В. ПЕТРОВСКОГО В СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В.А. МАЗИЛОВ^а, Н.А. ВЛАСОВ^б

^а Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

^б Российский государственный социальный университет, 129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

Contribution of A.V. Petrovsky to the Formation of the History of Concepts of in Psychological Science (To the 100th Anniversary of His Birth)

V.A. Mazilov^a, N.A. Vlasov^b

^a Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

^b Russian University of State for Social, 4 b.1 Wilhelm Peak str., Moscow, 129226, Russian Federation

Резюме

В статье рассмотрен вклад известного советского и российского психолога Артура Владимировича Петровского (1924–2006) в становление истории понятий психологической науки. Утверждается, что, хотя изучение понятий (категорий) в последние годы приобретает все большее значение в российской психологии в качестве своеобразной стратегии саморефлексии, проблема понятийного поля этой науки впервые была поставлена еще полвека назад и до сих пор остается нерешенной. Целью данного исследования стало определение роли А.В. Петровского в становлении истории понятий психологической науки, главной задачей —

Abstract

The article examines the contribution of the famous Soviet and Russian psychologist Arthur Vladimirovich Petrovsky (1924–2006) to the formation of the history of concepts of psychological science. It is argued that although the study of concepts (categories) in recent years has become increasingly important in Russian psychology as a kind of self-reflection strategy, the problem of the conceptual field of this science was first posed half a century ago and still remains unresolved. The purpose of this study was to determine the role of A.V. Petrovsky in the formation of the history of the concepts of psychological science;

проведение анализа основных публикаций автора по данной теме для выявления исследования им трансформаций значений основных концептов психологии в ходе ее исторического развития. В качестве основного использовался библиографический метод, источниковую базу составили учебники и монографии, написанные ученым преимущественно в 1990-е гг. В результате проведенного исследования было установлено, что благодаря усилиям А.В. Петровского был поддержан интерес профессионального сообщества к проблеме категориально-понятийного аппарата психологии в кризисный для отечественной науки период, произошла актуализация исследований в данной области, была проведена разработка категориальной «сетки» психологии в русле созданной и развиваемой им и его соавторами (В.А. Петровский, М.Г. Ярошевский) теоретической психологии, изучена история понятий «отношение» и «личность». Исходя из этого, можно констатировать весомый вклад А.В. Петровского в концептуальную историю психологической науки в нашей стране, а самого его считать одним из пионеров исследований такого рода в России.

Ключевые слова: история понятий, история психологии, концептуальная история, А.В. Петровский.

Мазиллов Владимир Александрович — заведующий кафедрой, кафедра общей и социальной психологии, ФГБОУ ВО Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, доктор психологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: история, теория и методология психологической науки.

Контакты: v.mazilov@yspu.org

Власов Никита Анатольевич — доцент, кафедра психологии, конфликтологии и бихевиористики, ФГБОУ ВО Российский государственный социальный университет, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: история, теория и методология психологической науки.

Контакты: VlasovNA@rgsu.net

the main task is to analyze the author's main publications on this topic in order to identify his research on the transformations of the meanings of the basic concepts of psychology in the course of its historical development. The main method of research was the bibliographic method, the source base consisted of textbooks and monographs written by the scientist mainly in the 1990s. As a result of the conducted research, it was found that thanks to the efforts of A.V. Petrovsky, the interest of the professional community in the problem of the categorical and conceptual apparatus of psychology was supported during the crisis period for Russian science, research in this field was updated, the development of a categorical "grid" of psychology was carried out in line with the created and developed by him and his co-authors (V.A. Petrovsky, M.G. Yaroshevskiy) theoretical psychology, the history of the concepts of "attitude" and "personality" was studied. Based on this, it is possible to state that the significant contribution of A.V. Petrovsky is included in the conceptual history of psychological science in our country, and he himself is considered one of the pioneers of this kind of research in Russia.

Keywords: history of concepts, history of psychology, conceptual history, A.V. Petrovsky.

Vladimir A. Mazilov — Head of the Department, Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, DSc in Psychology, Professor.

Research Area: history, theory and methodology of psychological science.

E-mail: v.mazilov@yspu.org

Nikita A. Vlasov — Associate Professor, Department of Psychology, Conflictology and Behavioral Sciences, Russian State Social University, PhD in Psychology.

Research Area: history, theory and methodology of psychological science.

E-mail: VlasovNA@rgsu.net

В последние годы отмечается устойчивый рост интереса научного сообщества к проблеме понятий психологической науки, о чем может свидетельствовать публикация трехтомника «Разработка понятий современной психологии» сотрудниками Института психологии РАН (Журавлев, Сергиенко, 2018; Журавлев и др., 2019, 2021), а также ряд иных публикаций по данной проблематике (Гусельцева, 2023; Мазиллов, 2020). На современном этапе развития психологической науки становится очевидной потребность в саморефлексии, один из путей которой пролегает как раз через концептуальное поле данной науки. В понятиях любой дисциплины в свернутом виде отражается получаемое ею знание, поэтому анализ собственного категориального аппарата представляется плодотворной стратегией самопознания науки.

Хотя первым поставил проблему понятийного поля в психологии и наметил пути ее решения М.С. Роговин (Роговин, 1969), а начали разработку М.Г. Ярошевский (Ярошевский, 1971) и К.К. Платонов (Платонов, 1972, 1982, 1984), наиболее масштабная и подробная «сетка» понятий психологии была предложена А.В. Петровским и его коллегами, В.А. Петровским и М.Г. Ярошевским, в русле разработанной ими теоретической психологии (Петровский, Ярошевский, 1999, 2003; Петровский, Петровский, 2014; Petrovsky, Petrovsky, 2018).

Принцип историзма, будучи одним из центральных принципов любой социально-гуманитарной науки, требует рассмотрения изучаемых явлений в исторической перспективе. Понятия науки также могут быть полноценно осмыслены только с учетом трансформации их значений в условиях изменений социально-политического, общенаучного и конкретно-научного контекстов; в особенности этот тезис верен применительно к отечественной психологии XX в., чья полная драматизма история отражала все перипетии этой беспокойной эпохи. Значимость изучения истории понятий для истории психологической науки была обоснована нами в недавней публикации (Власов, Мазиллов, 2023), в серии статей были также рассмотрены некоторые методологические вопросы концептуальной истории психологии (Власов, 2023а, 2023б).

Артур Владимирович Петровский (1924–2006) известен в первую очередь как историк психологии и специалист в областях социальной психологии и психологии личности, в последние годы жизни осуществлявший руководство масштабным проектом по подготовке энциклопедического словаря по психологии в шести томах. Его труды в первой из названных сфер (Петровский, 1967, 1984) уже давно стали классическими. Однако что можно сказать о его вкладе не только в разработку категориально-понятийного аппарата психологии, но и в изучение истории его составляющих?

Целью данного исследования является определение роли А.В. Петровского в становлении истории понятий психологической науки, главной задачей — проведение анализа основных публикаций автора по данной теме для выявления его представлений о трансформации значений основных концептов психологии в ходе ее исторического развития, основным методом — библиографический.

Источниковую базу исследования составили труды А.В. Петровского, в которых нашли отражение результаты его историко-концептуальных изысканий в русле разработки понятийного поля психологической науки: «История

психологии» (Петровский, Ярошевский, 1994), «История и теория психологии» (Петровский, Ярошевский, 1996), «Психология: Учебник для студентов высших педагогических учебных заведений» (Петровский, Ярошевский, 1998), «Основы теоретической психологии» (Петровский, Ярошевский, 1999), «Теоретическая психология» (Петровский, Ярошевский, 2003).

История базисных понятий психологии

А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский в категориальной системе психологии выделяют 35 основных понятий (см. рисунок 1).

К базисным психологическим категориям (феноменам, в той или иной мере доступным интроспекции) авторы относят категории «Я», «мотив», «действие», «образ», «переживание», «интеракция» и «ситуация». Однако подробно ученые рассматривают только пять — «образ», «действие», «мотив», «отношение» (с точки зрения А.В. Петровского, синонимичным ему является понятие интеракции) и «переживание» (Петровский, Ярошевский, 1999, 2003).

Понятие «образ». Авторы трактуют категорию «образ» довольно широко, указывая на то, что она может быть конкретизирована в таких понятиях, как «восприятие», «представление», «воображение» и др. В целом образ понимался (и понимается до сих пор) как отраженный субъектом (в душе, сознании, психике, органами чувств и т.п.) предмет внешнего по отношению к нему мира или какая-то отдельная сторона или свойство этого предмета.

По сложившейся традиции, история данного понятия восходит своими корнями к философам Древней Греции, в которой и было выдвинуто классическое понимание образа как «отпечатка», «факсимиле» предмета

Рисунок 1

Категориальная система психологии (источник: Петровский, Ярошевский, 2003, с. 20)

(Аристотель). Основные дискуссии велись не о содержании этого понятия, а о его «механизме», т.е. о том, каким образом происходит «переход» предмета из внешнего вещного мира во внутренний мир человека. Соответствие предмета и образа понималось как соответствие ощущаемой материи и вещественного состава органа чувств (Эмпедокл). Ощущение, порождающее образ, осуществлялось посредством проникновения в органы чувств материальных частиц, «истекавших» из воспринимаемого объекта (Демокрит) (Петровский, Ярошевский, 1994, с. 290). Разрабатывалась концепция о первичных (возникающих в результате непосредственно воздействующих на органы чувств предметов) и вторичных (представляемых, «фантазиях») образах (Аристотель). В Средние века возникают идеи о том, что зрительный образ строится в глазу по законам оптики (Ибн аль Хайсам). В Новое время продолжают развиваться представления о чувственных и умственных образах (Г. Галилей, Р. Декарт), а в XIX в. благодаря успехам физиологии становится ясно, что образ возникает благодаря воздействию объектов окружающего мира на нервную систему человека и соответствующей «обработке» результатов этого воздействия (И. Мюллер, Г. Гельмгольц, И.М. Сеченов). В период становления психологии как науки и последовавшего затем кризиса образ выступал как составной элемент сознания (структурализм), как функция или акт сознания (функционализм), как чувственно-интеллектуальный гештальт (гештальтпсихология) (Там же, с. 302–306).

Понятие «действие». История этого понятия также начинает свой отсчет от Аристотеля. Действие понималось им как сенсомоторная форма жизнедеятельности, в которой органично совмещались ощущения и мышечный ответ организма на них (Петровский, Ярошевский, 1996, с. 158); он же подчеркивал предметность действия. Так же, как и в случае с понятием «образ», А.В. Петровский и его соавторы делают акцент не на изменении значения самого понятия (которое особо и не менялось), а на трансформации представлений о том, что именно «запускает» действие — сила воли или эмоциональное потрясение (философия Средних веков), внешнее воздействие (Р. Декарт), сознание (В. Вундт, Ф. Brentano) или потребность в решении биологически значимых для организма задач (Г. Гельмгольц, Ч. Дарвин, И.М. Сеченов).

Понятие «мотив». Мотив определяется А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским как «то, что движет живым существом, ради чего оно тратит свою жизненную энергию» (Петровский, Ярошевский, 1999, с. 185). Ими показана связь между этим понятием и такими концептами, как «чувства», «побуждение», «влечение» и др. В разделе, посвященном мотиву, авторы рассматривают такие связанные с ним проблемы, как «локализация» мотива (Пифагор, Демокрит, Платон, Аристотель), соотношение аффекта и разума (стоики, Августин), проблема воли (Августин, Спиноза), мотив в структуре личности (З. Фрейд) и в поведении (К. Левин, И.М. Сеченов, И.П. Павлов, А.А. Ухтомский), проблема равновесия организма и среды (Г. Селье, Н.Н. Ладыгина-Котс, Г. Харлоу, З. Фрейд).

Понятие «отношение». Отношение определяется авторами как «бесчисленное множество самых различных признаков и свойств объектов в их взаимозависимости друг от друга, в их взаиморасположенности и взаимосвязи»

(Там же, с. 204). А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский указывают, что в отечественную психологию это понятие было введено А.Ф. Лазурским, определившим экзопсихику как систему отношений субъекта к действительности. Продолжая эту линию, В.Н. Мясищев определяет личность как «ансамбль отношений», а само отношение — как одну из форм отражения человеком окружающей его действительности. Во времена «павловизации» отечественной психологии в ходу были две идеи: (1) психические отношения как условные временные связи черпают свою силу из безусловных и (2) у человека все отношения перешли во вторую сигнальную систему (Там же, с. 208), т.е. отношение понималось как условный рефлекс.

Понятие «переживание». А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский указывают, что первым в советской психологии к проблеме переживания обратился Л.С. Выготский, он же «выделил в системе величин психологического познания в качестве их “общего знаменателя” категорию переживания» (Петровский, Ярошевский, 2003, с. 205). Согласно «Моцарту психологии», именно оно составляет единицу сознания. Другой классик отечественной психологии, С.Л. Рубинштейн, считал переживание первоэлементом предметной области этой науки, так как именно оно суть «психический факт как кусок собственной жизни индивида в плоти и крови его, специфическое проявление его индивидуальной жизни» (Рубинштейн, 1946, с. 6). Наконец, третья позиция принадлежит Б.М. Теплову, который рассматривает переживание в свете интимного общения личности с миром духовной культуры.

Подведем промежуточный итог. Выделенные А.В. Петровским и его соавторами базисные категории (понятия) психологии — образ, действие, мотив, отношение и переживание — рассматриваются ими в основном с точки зрения порождающих их механизмов, детерминант, связей и взаимовлияний с другими феноменами психического. Лишь в случае с концептом «отношение» дается краткий исторический экскурс в историю трансформации его значения от отражения в теории В.Н. Мясищева к условной временной связи согласно павловскому учению.

История метапсихологических понятий психологии

К метапсихологическим понятиям (категориям) психологической науки А.В. Петровский относит категории ценности, сознания, чувства, персониферы, личности, деятельности и общения (Петровский, Ярошевский, 1999, 2003), подробно рассматривая три последних.

Понятие «личность». А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский описывают историю становления этого понятия, начиная с персонологии В. Штерна. Персона определяется им как «живая, индивидуальная, уникальная целостность, стремящаяся к цели, открытая по отношению к миру» (Петровский, Ярошевский, 1996, с. 299); она охватывает не только психическое, но и физиологическое. Личностно-психологическое может быть раскрыто только в контексте целостного учения о человеке. Однако, как отмечают авторы, учение о персоне было достаточно аморфным, «рыхлым», поэтому не смогло приобрести серьезного объяснительного значения. Еще одно зарубежное учение о личности, рассмот-

ренное в данной работе, принадлежит У. Джемсу, который определял личность как «все, что человек считает своим», выделяя «четыре формы Я (Self): материальное Я (мое тело, одежда, имущество), социальное Я (все, что относится к притязаниям на престиж, дружбу, положительную оценку со стороны других), духовное Я (процессы сознания, психические способности) и, наконец, чистое Я, или чувство личной идентичности, основой которого служат органические ощущения» (Там же, с. 302). Наконец, уже ближе к середине XX в. в зарубежной психологии (преимущественно американской, хотя ее экзистенциальные корни были заложены в Европе М. Хайдеггером, К. Ясперсом, Ж.-П. Сартром и др.) возникает гуманистическая психология личности (К. Роджерс, Р. Мэй, А. Маслоу и др.), сторонники которой критикуют как психоанализ (за рабскую зависимость Я от Оно), так и бихевиоризм (за его уподобление человека крысе или голубю). Согласно этому учению, личность — суть Я, «самость», нерасчлененная целостность, обладающая стремлением к самоактуализации и самозиданию своего «феноменального мира» (Там же). Такое видение личности оказалось особенно продуктивным в практике психотерапии.

История понятия «личность» в отечественной психологии рассматривается через призму противостояния двух линий в психологической науке — естественно-научной (Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, И.М. Сеченов и др.) и идеалистической (К.Д. Кавелин, С.Л. Франк, Н.О. Лосский и др.). Противоборство этих двух лагерей привело к тому, что возникло два типа рассмотрения личности — субъектный и объектный, следствием чего стала потеря изначально свойственной этому понятию целостности.

Авторы выделяют четыре исторически сложившихся подхода к определению личности. Первый возник на рубеже XIX–XX в. в русле философской психологии, в нем личность трактовалась как своего рода интегральный феномен, связывающий воедино различные стороны души (Л.П. Карсавин, В.С. Соловьев и др.). Второй подход, возникший в 1920–1960-е гг., отражал борьбу за сохранение самой идеи личности в условиях тоталитарного государства, стремящегося подавить «личностное» в человеке; в этот период личность понималась как субъектная основа деятельности, особенно труда, возникающая в результате воздействия общества на индивида (М.Я. Басов, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев и др.). Третий подход существовал в период с середины 1960-х по конец 1980-х гг. Он характеризуется «превращением понятия “личность” в фоновое условие обсуждения любых психологических проблем (укореняется традиция “приговаривания” слова “личность” в любых контекстах); пониманием личности как особой ценности и условия осмысления целостности психического (“стягивание” к проблеме личности всех проблем, реализация структурного, комплексного, а затем и системного подходов); проблематизацией понятия “личность”, поиском “мира человека и человека в мире”, феноменологических коррелятов существа “личностного” (в виде вопросов о пространстве существования личности, о начале личностной истории, о развитии как имманентном условии бытия личности, о соотношениях понятий “индивид”, “индивидуальность”, “личность”)» (Петровский, Ярошевский, 1996, с. 317–318). Наиболее значимыми трудами

по психологии личности в это время стали работы А.В. Петровского, А.Н. Леонтьева, Б.С. Братуся и др. «Возрождение» идеи личности привело к тому, что к концу 1980-х гг. это понятие стало трактоваться по-разному, причем зачастую взаимоисключающим образом. Четвертый подход к пониманию личности выделился в 1990-е гг. и характеризовался логикой «самоосуществления» идеи личности. В его рамках ведущими стали феноменологические аспекты личности, были открыты ее новые грани, такие как персонализация, субъектность и др. Акцентировалась «экзистенциальная» составляющая личности, манифестируясь в таких понятиях, как «духовность», «свобода», «ответственность». Теоретические разработки этого периода связаны с именами В.С. Мухиной, В.А. Петровского, В.И. Слободчикова. В завершение исторического обзора генезиса понятия «личность» А.В. Петровским и его коллегами делается вывод о все более заметной тенденции к целостному рассмотрению этого феномена, что является следствием усиливающихся интегративных процессов в психологической науке (Там же, с. 320).

Понятие «деятельность». Метакатегория деятельности в работах А.В. Петровского «Основы теоретической психологии» и «Теоретическая психология» фактически сводится к понятию «активность». Возможно, это отчасти связано с тем, что в зарубежной психологии понятие «деятельность» переводится как «activity», например, в работе американского психолога Дж. Верча «The concept of activity in Soviet psychology» (Wertsch, 1981), хотя сами авторы указанных трудов пишут, что «всеобщей характеристикой жизни является активность — деятельное состояние живых существ как условие их существования в мире» (Петровский, Ярошевский, 2003, с. 213). Активность определяется ими как «субстанция» деятельности, и глава о заявленной метакатегории фактически посвящена именно ей.

Авторы стремятся показать, что живое существо, способное к самодвижению, реализует эту способность в виде активности; быть активным означает быть субъектом своей жизни. А.В. Петровский признает, что «активность не получила своего достаточного освещения, находясь в тени других категорий» (Там же, с. 214). В исторической части раздела, посвященного метакатегории деятельности, по сути описывается «латентная» связь между понятием активности и исследованиями различных отечественных ученых: Л.С. Выготского (активность обуславливалась использованием «психологических орудий»), Д.Н. Узнадзе (зависимость активности от имеющейся у человека установки), С.Л. Рубинштейна (активность как результат преломления внешнего воздействия через внутренние условия), А.Н. Леонтьева (субъект, проявляя активность через внешнее, изменяет сам себя). Резюмируя свое понимание активности, авторы указывают: «Активность как деятельное состояние субъекта детерминирована внутренне, со стороны его отношений к миру, и реализуется вовне, в процессах поведения» (Там же, с. 218).

Понятие «общение». Общение определяется А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским как «многоплановый процесс развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности» (Петровский, Ярошевский, 1998, с. 233). Как и в случае с рядом упомянутых выше концеп-

тов, данный авторами исторический обзор исследований общения включает в себя не столько историю изучения самого понятия, сколько изучение общения как явления, его сторон, механизмов, функций. Так, например, авторы описывают попытки решения проблемы «значимого другого» Г.С. Салливаном, Г. Хайманом и А.В. Петровским, приводят различные теории ролевого взаимодействия («теория ролей» Дж. Мида и Дж. Дьюи, транзактный анализ Э. Берна), рассматривают историю развития экспериментальной социальной психологии (начиная с работ Г. Тарда, Г. Лебона, У. Макдугалла и заканчивая трудами Л. Фестингера, Дж. Морено и К. Левина), приводят классические исследования феноменов конформизма (М. Шерифа, С. Аша, Р. Крачфилда) и лидерства (К. Левина, Р. Липпета, Ф. Фидлера).

Сформулируем краткое резюме. Из трех предложенных А.В. Петровским и его соавторами метапсихологических понятий (категорий) психологической науки — «личность», «деятельность», «общение» — только первое было рассмотрено в том числе и с точки зрения трансформаций его значений, причем как в зарубежной, так и в отечественной психологии. Остальные концепты были проанализированы по традиционной для психологических учебников схеме: сначала дается определение понятия, затем приводятся основные посвященные ему исследования, описываются свойства, функции, механизмы и т.п.

Заключение

В настоящее время можно констатировать, что в отечественных социальных-гуманитарных науках усиливается интерес к истории понятий как относительно новому и перспективному направлению исследований; этот тезис подтверждается изданием соответствующих работ по истории (Зарецкий и др., 2016), социологии (Гидденс, Саттон, 2019), политологии (Атнашев, Велижев, 2018; Покок, 2020; Скиннер, 2018) и психологии (Журавлев, Сергиенко, 2018; Журавлев и др., 2019, 2021).

История понятий (концептуальная история) как направление исторических исследований возникла практически одновременно в Германии (Р. Козеллек) и Великобритании (Дж. Покок, К. Скиннер) на рубеже 1960–1970-х гг. как попытка преодолеть очередной методологический кризис, который поразил европейскую историческую науку (знаменитая «история ментальностей», возникшая во Франции примерно в это же время, также была ответом на эти кризисные явления). К 1990-м гг. история понятий на Западе завоевала свое «место под солнцем», превратившись из «претендента» на роль исторической школы (подхода) в признанное направление исторических исследований. В нашу страну разработки зарубежных коллег зачастую приходят с некоторым опозданием (это связано и с языковым барьером, и с недоверием к зарубежной немарксистской мысли, которое годами пестовали в СССР), поэтому история понятий фактически была «открыта» российскими историками и политологами только в начале 2000-х гг. (Топычканов, 2016).

Проблема изучения истории понятийного аппарата психологии, поднятая в отечественной науке на рубеже 1960–1970-х гг. (М.С. Роговин, К.К. Платонов),

особенно активно разрабатывалась А.В. Петровским, В.А. Петровским и М.Г. Ярошевским в 1990-е и 2000-е гг. Однако историческая составляющая в этих исследованиях не занимала центрального места (ибо такая цель и не ставилась указанными учеными). И в трудах этих авторов, и в более современных работах сотрудников ИП РАН речь идет о понятиях современной психологии, а трансформация их значений в историческом измерении как бы отступает на второй план.

Несомненными заслугами А.В. Петровского и его соавторов в области истории понятий можно считать следующие: (1) актуализация исследований проблемы категориально-понятийного аппарата психологической науки и поддержание интереса к ней в научной среде, (2) разработка категориальной «сетки» психологии в русле созданной и развиваемой ими теоретической психологии и (3) изучение истории понятий «отношение» и «личность».

Как показал анализ, из восьми рассмотренных нами понятий, базисных (образ, действие, мотив, отношение и переживание) и метапсихологических (личность, деятельность и общение), история трансформации значений охватывает только два из них — «отношение» и «личность». Почему только эти? На наш взгляд, на это есть две причины. Во-первых, история понятий в то время еще «не пришла» в психологию (откровенно говоря, она и сейчас только начинает свой путь); действительно, если даже в российскую историческую науку этот подход фактически «вошел» только в начале 2000-х гг., можно ли ожидать встретить его в работах, написанных в 1990-е гг.? Во-вторых, важным методологическим условием для истории понятий является многозначность концепта, т.е., скажем так, некоторая «зыбкость» (или нечеткость) его содержания и границ объема; иными словами, особый интерес для концептуальной истории представляют те понятия, по поводу которых у ученых наблюдаются расхождения в трактовке. В этом смысле значения понятия «образ», «действие» или «мотив» не представляют большого интереса с точки зрения истории понятий — и сейчас, и сто лет назад они понимались примерно одинаково. А вот по-разному трактовать понятия «личность» (например, и как интегрированное психическое, и как Я, и как совокупность общественных отношений и т.д.) и «деятельность» (в широком смысле — как процесс, функцию, в узком — как взаимодействие субъекта с окружающим миром и т.д.) вполне можно. Таким образом, лишь несколько из рассмотренных авторами восьми категорий в принципе могли бы быть полноценно изучены в русле истории понятий, что и было сделано.

Работы любого ученого несут на себе отпечаток своего времени, даже если они в чем-то его и опережают. А.В. Петровский, как и другие классики истории психологии (Б.Г. Ананьев, Е.А. Будилова, М.Г. Ярошевский), создал «канон» историко-психологических исследований, в основе которого лежит так называемая история идей, т.е., если говорить в самом общем виде, история развития представлений о психическом в различные эпохи и в различных культурах. Можно сказать, что предметное поле истории понятий пересекается с предметным полем истории идей, так как идеи в свернутом виде и представлены в виде понятий, однако методология исследования у них отличается.

Ключевая заслуга А.В. Петровского в области концептуальной истории психологической науки состоит в том, что он одним из первых сделал шаг от истории идей в «чистом виде» в межпредметное поле истории идей и истории

Литература

- Атнашев, Т., Велижев, М. (сост.). (2018). *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории*. М.: Новое литературное обозрение.
- Власов, Н. А. (2023а). Проблема источника в истории понятий психологической науки. В кн. В. В. Козлов, А. В. Карпов, В. А. Мазиллов, В. Ф. Петренко (ред.), *Методология современной психологии* (вып. 20, с. 28–35). Ярославль: ЯрГУ; ЛКИИСИ РАН; МАПН.
- Власов, Н. А. (2023б). Проблема метода в истории понятий психологической науки. В кн. В. В. Козлов, А. В. Карпов, В. А. Мазиллов, В. Ф. Петренко (ред.), *Методология современной психологии* (вып. 19, с. 37–41). Ярославль: ЯрГУ; ЛКИИСИ РАН; МАПН.
- Власов, Н. А., Мазиллов, В. А. (2023). История понятий как перспективное направление историко-психологических исследований. *Ярославский педагогический вестник*, 4(133), 93–103. https://doi.org/10.20323/1813-145X_2023_4_133_93
- Гидденс, Э., Саттон, Ф. У. (2019). *Основные понятия в социологии*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Гусельцева, М. С. (2023). О разработке понятий в современной российской психологии. *Психологический журнал*, 44(4), 124–132. <https://doi.org/10.31857/S020595920027091-6>
- Журавлев, А. Л., Сергиенко, Е. А. (отв. ред.). (2018). *Разработка понятий современной психологии*. М.: Институт психологии РАН.
- Журавлев, А. Л., Сергиенко, Е. А., Виленская, Г. А. (отв. ред.). (2019). *Разработка понятий современной психологии* (т. 2). М.: Институт психологии РАН.
- Журавлев, А. Л., Сергиенко, Е. А., Виленская, Г. А. (отв. ред.). (2021). *Разработка понятий современной психологии* (т. 3). М.: Институт психологии РАН.
- Зарецкий Ю., Левинсон К., Ширле И. (сост.). (2016). *Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи* (в 2 т.). М.: Новое литературное обозрение.
- Мазиллов, В. А. (2020). О психологических понятиях и методологии психологии. *Вопросы психологии*, 1, 71–83.
- Петровский, А. В. (1967). *История советской психологии: Формирование основ психологической науки*. М.: Просвещение.
- Петровский, А. В. (1984). *Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды*. М.: Педагогика.
- Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (1994). *История психологии: Учебное пособие для высшей школы*. М.: Российский государственный гуманитарный университет.
- Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (1996). *История и теория психологии* (т. 2). Ростов-на-Дону: Феникс.
- Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (1998). *Психология: Учебник для студентов высших педагогических учебных заведений*. М.: Академия.
- Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (1999). *Основы теоретической психологии*. М.: Инфра-М.
- Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (2003). *Теоретическая психология*. М.: Академия.
- Петровский, В. А., Петровский, А. В. (2014). Категориальный строй психологии сегодня. *Развитие личности*, 2, 92–124.

- Платонов, К. К. (1972). *О системе психологии*. М.: Мысль.
- Платонов, К. К. (1982). *Система психологии и теория отражения*. М.: Наука.
- Платонов, К. К. (1984). *Краткий словарь системы психологических понятий*. М.: Высшая школа.
- Покок, Дж. Г. А. (2020). *Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция*. М.: Новое литературное обозрение.
- Роговин, М. С. (1969). *Введение в психологию*. М.: Высшая школа.
- Рубинштейн, С. Л. (1946). *Основы общей психологии*. М.: Учпедгиз.
- Скиннер, К. (2018). *Истоки современной политической мысли: Т. 1. Эпоха Ренессанса*. М.: Дело.
- Топычканов, А. В. (2016). История понятий как политологическая дисциплина (к выходу перевода словаря основных исторических понятий). *Полис. Политические исследования*, 3, 181–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.15>
- Ярошевский, М. Г. (1971). *Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки*. М.: Политиздат.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Atnashev, T., & Velizhev, M. (Eds.). (2018). *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii* [The Cambridge school: Theory and practice of intellectual history]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Giddens, A., & Sutton, Ph. W. (2019). *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii* [Essential concepts in sociology]. Moscow: HSE Publishing House. (Original work published 2014)
- Guseltseva, M. S. (2023). On the development of concepts in modern Russian psychology. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 44(4), 124–132. <https://doi.org/10.31857/S020595920027091-6> (in Russian)
- Mazilov, V. A. (2020). On psychological concepts and methodology of psychology. *Voprosy Psikhologii*, 1, 71–83. (in Russian)
- Petrovsky, A. V. (1967). *Istoriya sovetskoï psikhologii: Formirovanie osnov psikhologicheskoi nauki* [The history of Soviet psychology: Forming the foundations of psychological science]. Moscow: Prosveshchenie.
- Petrovsky, A. V. (1984). *Voprosy istorii i teorii psikhologii: Izbrannye trudy* [Issues of the history and theory of psychology: Selected works]. Moscow: Pedagogika.
- Petrovsky, A. V., & Petrovsky, V. A. (2018). The categorical system of psychology. An experience of constructing a theory of theories in psychology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 15(4), 626–644. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-4-626-644>
- Petrovsky, A. V., & Yaroshevskiy, M. G. (1994). *Istoriya psikhologii* [The history of psychology]. Moscow: Rossiiskii Gosudarstvennyi Gumanitarnyi Universitet.
- Petrovsky, A. V., & Yaroshevskiy, M. G. (1996). *Istoriya i teoriya psikhologii* [The history and theory of psychology] (Vol. 2). Rostov-on-Don: Feniks.
- Petrovsky, A. V., & Yaroshevskiy, M. G. (1998). *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Akademiya.
- Petrovsky, A. V., & Yaroshevskiy, M. G. (2003). *Teoreticheskaya psikhologiya* [Theoretical psychology]. Moscow: Akademiya.
- Petrovsky, A. V., & Yaroshevskiy, M. G. (1999). *Osnovy teoreticheskoi psikhologii* [Fundamentals of the theoretical psychology]. Moscow: Infra-M.

- Petrovsky, V. A., & Petrovsky, A. V. (2014). Kategorial'nyi stroi psikhologii segodnya [The categorical structure of psychology today]. *Razvitie Lichnosti*, 2, 92–124.
- Platonov, K. K. (1972). *O sisteme psikhologii* [On the system of psychology]. Moscow: Mysl'.
- Platonov, K. K. (1982). *Sistema psikhologii i teoriya otrazheniya* [The system of psychology and the theory of reflection]. Moscow: Nauka.
- Platonov, K. K. (1984). *Kratkii slovar' sistemy psikhologicheskikh ponyatii* [A short dictionary of the system of psychological concepts]. Moscow: Vysshaya Shkola.
- Pocock, J. G. A. (2020). *Moment Makiavelli. Politicheskaya mysl' Florentsii i atlanticheskaya respublikanskaya traditsiya* [The Machiavellian moment: Florentine political thought and the Atlantic republican tradition]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (Original work published 1975)
- Rogovin, M. S. (1969). *Vvedenie v psihologiyu* [Introduction to psychology]. Moscow: Vysshaya Shkola.
- Rubinstein, S. L. (1946). *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Moscow: Uchpedgiz.
- Skinner, Q. (2018). *Istoki sovremennoj politicheskoy mysli: T. 1. Epokha Renessansa* [The Foundations of modern political thought: Vol. 1. The Renaissance]. Moscow: Delo.
- Topychkanov, A. V. (2016). The history of concepts as a political discipline (on the publication of the translation of the dictionary of main historical concepts). *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, 3, 181–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.15> (in Russian)
- Vlasov, N. A. (2023a). Problema istochnika v istorii ponyatii psikhologicheskoi nauki [The problem of the source in the history of concepts of psychological science]. In V. V. Kozlov, A. V. Karpov, V. A. Mazilov, & V. F. Petrenko (Eds.), *Metodologiya sovremennoi psikhologii* [Methodology of modern psychology] (Iss. 20, pp. 28–35). Yaroslavl: YSU; LKIISI RAS; IAPS.
- Vlasov, N. A. (2023b). Problema metoda v istorii ponyatii psikhologicheskoi nauki [The problem of method in the history of concepts of psychological science]. In V. V. Kozlov, A. V. Karpov, V. A. Mazilov, & V. F. Petrenko (Eds.), *Metodologiya sovremennoi psikhologii* [Methodology of modern psychology] (Iss. 19, pp. 37–41). Yaroslavl: YSU; LKIISI RAN; IAPS.
- Vlasov, N. A., & Mazilov, V. A. (2023). The history of concepts as a promising direction of historical and psychological research. *Yaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*, 4(133), 93–103. https://doi.org/10.20323/1813-145X_2023_4_133_93 (in Russian)
- Wertsch, J. (1981). *The concept of activity in Soviet psychology*. Oxford: Routledge.
- Yaroshevskiy, M. G. (1971). *Psikhologiya v XX stoletii: Teoreticheskie problemy razvitiya psikhologicheskoi nauki* [Psychology in the XX century: Theoretical problems of the development of psychological science]. Moscow: Politizdat.
- Zaretskiy, Yu., Levinson, K., & Shirle, I. (Eds.). (2016). *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii* [Dictionary of basic historical concepts] (in 2 vols). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Zhuravlev, A. L., & Sergienko, E. A. (Eds.). (2018). *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii* [Development of concepts of modern psychology]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Zhuravlev, A. L., Sergienko, E. A., & Vilenskaya, G. A. (Eds.). (2019). *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii* [Development of concepts of modern psychology] (Vol. 2). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Zhuravlev, A. L., Sergienko, E. A., & Vilenskaya, G. A. (Eds.). (2021). *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii* [Development of concepts of modern psychology] (Vol. 3). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛОВ РЕФЛЕКСИИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРАКТИК

Е.Б. СТАРОВОЙТЕНКО^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Realizing the Potentials of Reflection in the Construction Reflective Practices

E.B. Starovoytenko^a

^a *HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Резюме

В начале 1990-х гг. автор статьи опубликовала книгу, где теоретически, феноменологически и эмпирически обосновала роль рефлексии в становлении профессионального, творческого и этического отношений ученого. В книге получила развитие методология перевода концептуальной модели данных отношений, в их рефлексивной опосредованности, в различные практики рефлексии, ориентированные на взрослую развивающуюся личность. Содержание данной статьи освещает результаты новых исследований автора, посвященных проблеме разработки теоретически обоснованных рефлексивных практик в области общей персонологии. Посредством применения методов герменевтики и концептуального моделирования выявлены потенциалы рефлексии в индивидуальной жизни: культурный, психологический, экзистенциальный, практический. Акцентирован практический потенциал рефлексии, определяющий в единстве с другими потенциалами построение конкретных рефлексивных практик в их интенциональном, сигнификативном, операциональном и семантическом аспектах. Выделены формы рефлексии, задающие

Abstract

In the early 1990s, the author published a book where she theoretically, phenomenologically and empirically substantiated the role of reflection in the formation of professional, creative, and ethical attitudes of a scientist. The book developed a methodology for converting the conceptual model of attitudes and their reflexive mediation into various practices of reflection oriented to the adult developing personality. This article highlights the results of the author's new research focused on the problem of developing theoretically grounded reflective practices in the field of general personology. The methods of hermeneutics and conceptual modelling were used to identify the potentials of reflection in individual life: cultural, psychological, existential, and practical. We emphasized the practical potential of reflection, which, in unity with other potentials, determines the development of specific reflective practices, including their intentional, significant, operational, semantic aspects. The forms of reflection that set the content and structure of various reflexive practices have been identified. These forms

содержание и структуру различных рефлексивных практик. К этим формам относятся самоисследование, самооценивание и признание самооценности, самоосмысление, самовыражение, диалог Я — Другой, рефлексия жизненного пути. Основываясь на референциях к культуре, психологии и опытах индивидуального самопознания, а также на намеченной классификации форм рефлексии и модели поэтапной разработки приемов рефлексии, автор, следуя основной цели исследования, предлагает ряд рефлексивных практик. К ним относятся практика рефлексивного раскрытия проблем своей жизни; практика рефлексивного диалога Я с Другим как «Ты»; практика диалогического достижения самотождества Я; практика рефлексии ключевых впечатлений жизни; практика рефлексивного обнаружения Я-неизвестного. Разработанные практики ориентированы на применение в исследованиях личности, в контексте консультативно-психотерапевтической работы и в индивидуальном самопознании.

Ключевые слова: Я, Я-субъектность, Другой, самопознание, рефлексия, потенциалы рефлексии, формы рефлексии, рефлексивные практики, построение практик, общая персонология.

Старовойтенко Елена Борисовна — профессор, руководитель центра, Центр фундаментальной и консультативной персонологии, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук, профессор. Сфера научных интересов: методология психологии, теоретическая психология личности, общая персонология, психология жизненных отношений личности, культурная психология личности, психология рефлексии. Контакты: helestaOS@yandex.ru

include self-exploration, self-evaluation and recognition of self-value, self-reflection, self-expression, inner dialogue with a significant Other, reflection on a life path. Based on references to culture, psychology, and the experience of individual self-knowledge, as well as on the outlined classification of forms of reflection and the model of step-by-step construction of reflective practices, the author, following the main goal of the research, proposes a number of reflective practices. These include the practice of reflective disclosure of one's life problems; the practice of reflective dialogue of the Self with another as "You"; the practice of dialogical achievement of self-identity of the Self; the practice of reflection of key life experiences; the practice of reflective discovery of the unknown Self. The developed practices are oriented to application in personality research, in the context of counselling and psychotherapeutic work and in individual self-knowledge.

Keywords: Self, subjectivity, Other, self-knowledge, reflection, reflective potentials, forms of reflection, reflective practices, construction of practices, general personology.

Elena B. Starovoytenko — Professor, Head of the Centre, Centre for Fundamental and Consulting Personology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, DSc in Psychology, Professor. Research Area: methodology of psychology, theoretical psychology of personality, general personology, psychology of life relationships of personality, cultural personality psychology, psychology of reflection. E-mail: helestaOS@yandex.ru

Рефлексия как мысль Я-субъекта, направленная на познание себя в качестве Я-объекта, реализует в индивидуальной жизни множество **функций**. В частности, она служит поддержанию и означению внутренней связи Я с собой, становлению отношения личности к себе и реализации диалога с собой, мыслительному опосредованию психической и практической активности, направленной Я на себя, самовопрошанию и поиску ответов Я на вопросы о

своей жизни в мире, проблематизации Я самого «себя» и самоисследованию, выявлению и разрешению Я своих противоречий, генезу и достижению самоидентификации Я. Рефлексия выступает необходимой образующей Я-субъектности личности. Рефлексивная активность, состоящая в поиске истины в самом себе, размышлении о собственной мысли, самоиспытании исповедью о жизни, в открытии своего пути к счастью и обнаружении Я-неизвестного, конституирует «субъекта» в европейском культурогенезе и «историю принципа “познания самого себя”» (Фуко, 2007, с. 502). В движении мышления Я к познанию себя результатами становятся мысль о Я, мысль Я о собственном знании себя, мысль Я о собственном незнании себя, мысль Я о себе в горизонте открытий Я-неизвестного и т.д. Эти эффекты рефлексии способствуют усилению Я-субъекта за счет раскрытия и реализации потенциала «себя» как объекта самопознания.

Рефлексивная деятельность, способность к рефлексии, а также рефлексивность как свойство личности и качество ее отношений являются различными аспектами субъектности Я, воплощают и определяют многообразные **рефлексивные возможности личности**: освоение обширного предметного поля рефлексии, включающего конкретные Я-объекты; овладение разнообразными рефлексивными операциями; творческую направленность рефлексивной активности в отношении личности к себе, в диалоге с собой, познании себя и «достижении себя» (Starovoytenko, 2013, 2020); трансличностная эффективность рефлексии в плане открытия «себя», представленного в мире Другого, а также передачи Другому знания о своем Я в тексте и разговоре о себе (Hermans, 2001; Carlson et al., 2011; Raggatt, 2014; Shotter, 2017; Bart, 2018; Grimell, 2018; Candy, 2019; Ginev, 2019; Oles et al., 2020; González, Young, 2020; Deamer, 2021). Рефлексивность, усиливающая субъектность Я, направляет личность к осознанию и развитию своей жизни, деятельности, отношений.

В изучении рефлексии мы следуем формату общей персонологии (Петровский, 2003; Петровский, Старовойтенко, 2012; Старовойтенко, 2012, 2023) как перспективного направления в психологии личности, что определяет **новизну** и **научную актуальность** исследования. Персонологический формат предполагает герменевтику текстов о личности (культурная персонология), создание теоретических и эмпирических моделей личности на герменевтической основе (фундаментальная персонология), разработку моделей и техник консультативно-психотерапевтической помощи личности, преломляющих результаты герменевтики и теоретического моделирования (практическая персонология). В персонологии построение, применение и оценка качества герменевтических, теоретических и практических моделей предполагают активную рефлексию их разработчиков, пользователей и адресатов. Особое значение придается переводу концептуальных моделей личности в **рефлексивные практики** с целью их применения в консультативной, коррекционной и развивающей деятельности психолога. Теория и практика рефлексии образуют «ядерное» содержание персонологии самополагания.

Рефлексивные практики должны способствовать реализации множественных **потенциалов рефлексии** (Старовойтенко, 2004). Это культурный, психо-

логический, экзистенциальный и практический потенциалы, приобретенные в процессе культурно-исторического становления самопознания личности, открытые в науках о личности, обнаруженные в индивидуальном бытии и событии с другими, а также в активном отношении личности к себе, т.е. речь идет о потенциалах, раскрываемых в областях культурной, фундаментальной, практической персонологии и персонологии самополагания. Приводимая далее модель потенциалов рефлексии является решением **проблемы** углубления, практической направленности ее теоретических исследований и отвечает **цели** концептуального обоснования и построения рефлексивных практик, ориентированных на развитие и укрепление Я-субъектности.

Модель потенциалов рефлексии

Культурный потенциал рефлексии

В общей персонологии значение исследований рефлексии и построения рефлексивных практик определяется становлением гуманитарной культуры «познания себя» и «заботы о себе» (Фуко, 1998, 2007; Баткин, 2000). В культурно-исторической транспективе рефлексия демонстрирует свои возможности в персональных опытах самопознания и самоизменения, в феноменологии раскрытия и разрешения жизненных проблем, в текстах проживания и обновления жизни. Рефлексия служит обогащению культуры научного познания личности при обращении ученых к самоисследованию. Для индивидуального самопознания велико культурное значение **рефлексивных текстов** (Я-текстов) выдающихся личностей: исповедей, жизнеописаний, философских и литературных автобиографий, дневников (Старовойтенко, 2007, 2015, 2022, 2023). Персонологическая значимость этих текстов обусловлена глубокой, искусно высказанной мыслью автора о себе, рассказанной им своей жизненной историей, способностью автора жить-в-рефлексии, авторской реализацией культурных канонов самопознания, осознанием своих жизненных противоречий, рефлексией жизненных отношений, особенно к себе и к Другому, авторским обнаружением Я-неизвестного и своих «незримых» собеседников.

1. Рефлексивный текст может быть повествованием автора о своей жизни, раскрывающим ее в определенных личностных «срезах» либо в их множестве. Такими «срезами» могут быть ситуативный, событийный, смысловой, поступковый, а также конституируемый встречами, впечатлениями, деятельностью, достижениями, ведущими идеями, желаниями, смыслами и изменениями Я личности. История жизни автора выступает синтезом рефлексивных открытий того, что было с Я, что стало впечатлением для Я, что свело и соединило Я с другими, что желалось и совершалось Я, что имело смысл для Я, что стало личными достижениями Я и что определило его жизненную перспективу.

2. Создание рефлексивного текста является не только способом рассказать о своей жизни, но и процессом протекания внутренней и внешней жизни автора. «Саморефлексивный образ индивида сцеплен с его эмпирическим существованием и входит в органический состав последнего» (Бахтин, 2001, с. 894).

Индивидуальная жизнь, отраженная в тексте и производимая текстом, при авторском обращении к другим людям приобретает диалогический характер. Аврелий Августин соединил создание своей «Исповеди» с непосредственным проживанием жизни в диалоге с верующими, «чтобы они участвовали в радости моей и делили смертную долю мою; они мои сограждане и спутники в земном странствии, все равно, предшествовали они мне, последуют ли за мною или сопровождают меня в моей жизни» (Аврелий Августин, 1991, X, IV, 6).

3. Рефлексивный текст, являясь сложной картиной самосознания автора, включает в себе послания его бессознательного, свидетельства его потаенной жизни, соединяет выраженное и скрытое, высказанное и замалчиваемое. Репрезентируя понимание и непонимание себя, автор адресует другим людям свою «истину» и свои «загадки», акцентируя существование незнаемого Я и не опасаясь раскрытия своих тайн другими.

4. Рефлексивные тексты-произведения (Марка Аврелия, Августина, П. Абеляра, Б. Челлини, Ф. Петрарки, И.-В. Гете, Л.Н. Толстого, Н.А. Бердяева, И.А. Бунина, В.В. Набокова, М. Пруста, С. Дали, К.Г. Юнга и др.) включают модели самопознания, которые со временем становятся канонами поиска и открытия человеком себя в культуре. Содержания и практики индивидуального самопознания множества людей воссоздают рефлексивные опыты выдающихся личностей, обладающих зрелым Я и развитым отношением к себе. Так, материалы Я-текстов творцов культуры позволяют говорить о ведущих Я-объектах рефлексии личности в различные периоды европейского культурогенеза. Согласно нашим исследованиям, исторический континуум таких Я-объектов образуют идеалы, противоречия жизни, талант, творчество и авторские произведения, Я-телесное в течение жизни, отношения других и к другим, динамика жизненных смыслов и жизненные изменения Я (Вдовенко, Старовойтенко, 2020).

5. Рефлексивный текст-произведение способствует развитию отношения и диалога Я – Другой в культуре и индивидуальной жизни. Авторский диалог в форме внутреннего и внешнего взаимодействия Я с конкретными личностями, группами, социумом, а также с собой, вставшим в отношения с другими, включает модели единства или разобщенности с Другим, вовлеченности или отстраненности от Другого, помощи или противодействия Другому, внутренней близости или дистанцирования от Другого, вынужденного одиночества или выбранного уединения.

6. Рефлексивный текст, кроме осознанных образов, мыслей, смыслов, символов и историй, создающих и выражающих Я автора, репрезентирует архитектуру процесса самопознания. Ее составляют акты обращения к себе, осознания своего присутствия по отношению к себе, самоощущения, узнавания себя и вчувствования в себя, акты запоминания себя, представления и мечтания о себе, а также самоосмысления и самообозначения, самопонимания и самооценки, постижения единства Я, разотождествления с собой и осознания нового самотождества Я.

7. Рефлексивными можно считать и те философские и психологические тексты, где проявляется влияние самопознания автора на его научные

построения, посвященные личности и Я. Содержания этих текстов могут становиться материалом для разработки теоретических и практико-ориентированных моделей рефлексии. Примерами подобных текстов являются, на наш взгляд, труды М.М. Бахтина, С.Л. Рубинштейна, К.Г. Юнга, Ж.-П. Сартра, М. Фуко, М.К. Мамардашвили.

Культурный потенциал рефлексии может быть реализован личностью при выборе способов обращения к себе, при размышлениях о себе, при достижении идентичности и самоощущенности. Трудно переоценить его важность при создании рассказов о себе «для других» и внутреннего текста «для себя», при изобретении практик самовыражения, самопомощи и самотворчества.

Психологический потенциал рефлексии

В персонологических исследованиях рефлексии важно учитывать ее свойства и возможности, открытые в различных психологических науках. Так, в *когнитивной психологии* рефлексия определяется как одна из форм мышления, позволяющая раскрыть закономерности и усилить потенциалы познания и самопознания человека. В *психологии сознания* рефлексия рассматривается как осознание присутствия Я в актах познания и проживания, как Я-интеграция жизненных состояний, действий и феноменов, как внутренний диалог Я с собой, развивающий «диалогичное Я», как оперирование знанием о Я и как обнаружение Я-неизвестного, скрытого в бессознательном или в мирах других людей. В *психологии личности* рефлексия понимается как внутренняя активность личности, направленная на создание и сохранение целостности Я-образа, Я-концепции, Я-идеала и Я-проекта; как способ изменения Я при познании и оценке личностью себя и своих жизненных отношений; как «рефлексивное отношение личности» (Старовойтенко, 2004); как процесс осознанного самовыражения личности при создании вещей, текстов, изображений, символов. В *психологии рефлексии* акцентируется рационально-логический уровень самопознания личности. Рефлексия выступает дискурсивным осмыслением себя и осознаваемым знанием и незнанием о себе, предстает мыслительным раскрытием Я-в-себе, Я-в-других, других-в-Я. Выявляются содержания и эффекты рефлексии, включенной в конкретные виды деятельности. Различаются и структурируются рефлексивные действия: самоанализ, самообобщение, проблематизация себя, различение и соотношение Я-оппозиций, синтез Я, высказывания о себе и создание Я-нарративов.

Экзистенциальный потенциал рефлексии

Данный потенциал представлен множеством возможностей рефлексии в проживании жизни и самополагании личности. В процессе жизни рефлексия позволяет личности соотносить с собой и осуществить синтез своих внешних и внутренних актов, обеспечивая субъективную непрерывность, поступательность и преемственность индивидуального бытия. Такой синтез порождает «единство самоидентификаций», является способом достижения и укрепления

самотождества Я. Активизируется «феноменологическая рефлексия», искусно обобщающая «все полагаемое мной как таковое, включая мое человеческое бытие в мире и мою мирскую жизнь» (Гуссерль, 2005, с. 96).

Рефлексия может быть особой способностью и признаком одаренности личности. В этом случае она может тонко дифференцировать и воссоздавать продуктивные проявления личности в сильном творческом Я. Рефлексия часто является отличительной чертой профессиональной жизни философа и поэта, художника и писателя, ученого и общественного деятеля. Обладая рефлексивным опытом, они могут сполна реализовать и выразить себя в жизнеописании, художественном или философском произведении, этическом мировоззрении, выдающемся деянии или научном открытии.

Рефлексия как форма познавательной деятельности может стать способом самоизменения творческого человека, который переживает избыточность умственных усилий во внешней жизни. Я может выбрать уединение, обратиться к себе и помыслить о себе, найти новые пути Я-согласования таинства творческой мысли и ее реализации в мире. Возврат творца от рефлексии «наедине с собой» к объективным задачам профессиональной и социальной жизни совершается на основе более сильной и взвешенной позиции Я.

К развитию рефлексии личность особенно расположена в юношеском возрасте, нуждаясь в упорядочении, соединении и отождествлении с «собой» своих желаний и чувств, мыслей и воспоминаний, фантазий и интенций к действию. Для взрослой развивающейся личности рефлексия может стать действенным ответом негативным чувствам, переживаемым в условиях жизненных противоречий, и эффективным средством разрешения своих коллизий. Продуктивный рефлексивный процесс соединяет моменты понимания Я своего жизненного противоречия, осознания своего телесно-психического состояния, связанного с противоречием, артикулирования проблемы своей жизни, появления идеи ее решения с учетом взаимодействия Я с другими людьми, а также переживания готовности к внутренней и внешней активности, разрешающей противоречие. Зрелая личность может сознательно выдерживать, или «подвешивать», некоторые жизненные противоречия, требующие все новых усилий и самообновления (Старовойтенко и др., 2019). Таким путем укрепляются ее свойства рефлексивности и субъектности.

В контексте индивидуальной жизни рефлексия обеспечивает ее поступательный характер, способствует запоминанию и вспоминанию себя, осознанному проживанию Я здесь-и-сейчас, проектированию Я-возможного и установлению связей Я-в-прошлом, Я-в-настоящем и Я-в-будущем в единой транспективе жизни.

Рефлексия является мощным смыслополагающим началом индивидуальной жизни, выступая осознанным отношением Я к своим значимостям в плане субъективного приближения к пониманию их сущности и утверждения для себя их ценностного притяжения и влияния, побудительной силы и роли в самопреобразовании.

Рефлексия конституирует субъективные границы личности, которые разделяют ее знание и незнание о мире и бытии, Я-известное и Я-неизвестное,

Я-возможное и Я-невозможное. Преодолевая эти границы, рефлексия «демаскирует» скрытое и «проявляет» незнание, что требует интуитивно-творческого проникновения в Я, осуществимого при условии интенсивной сознательной жизни.

При отсутствии позитивной, развивающей ориентации рефлексии у личности может возникать когнитивное и эмоциональное застревание на травмирующих Я-объектах и жизненных ситуациях, могут нарушаться адаптивные паттерны поведения и фиксироваться негативное самотождество, проявляться компульсивные установки и склонность к самообманам. Рефлексия приобретает качества «круговой» и «токсичной».

Слабость рефлексии может быть предпосылкой затрудненного доступа Я к себе, регресса его субъектности, отсутствия способности встать в отношения к миру и к себе, неясности, неустойчивости и бедности Я-концепции, отчуждения от самопознания, а также склонности к проективным идентификациям в ущерб самоидентичности и диалогу с другими Я.

Практический потенциал рефлексии

Изучение возможностей рефлексии имеет большое значение для становления практической персонологии, а также для построения теоретических моделей и практик самополагания. Эффективные рефлексивные методики и практики можно обнаружить в Я-текстах философской и художественной литературы, в откровениях авторов религиозных исповедей и жизнеописаний, в практике психоаналитического, гештальтпсихологического, экзистенциального, транзакционного и феноменологического направлений психологии личности, а также в общепсихологических исследованиях Я и самопознания (Карпов, 2003; Шадриков, Кургинян, 2015; Костенко, Леонтьев, 2016; Василев, 2016).

На наш взгляд, персонологические практики рефлексии, выступающие моделями индивидуального самопознания, диалога с собой, разговора с собой (самовопрошания, самовысказывания и умолчания о себе), должны репрезентировать Я-субъекта и Я-объект познания, оценку значимости Я-объекта для Я-субъекта, взаимную активность Я-субъекта и Я-объекта, знание и незнание Я-субъекта о Я-объекте, проект изменений Я-объекта субъектом и самоизменения Я.

Рефлексивные практики, реализуемые вербально, должны моделировать рефлексивную в ряде **аспектов** (Старовойтенко, 2004). К ним относятся:

- *Интенциональность рефлексии* как направленность рефлексии на значимые Я-объекты, представляющие собой отнесенные личностью к «себе» феномены внутренней жизни, явления жизненного мира и собственные свойства. К Я-объектам относятся «овнутренние» реальные предметы, другие люди, тело и действия личности, а также ее конкретные желания и ощущения, образы и мысли, фантазии и сновидения, переживания и оценки, отношения и качества, способности и Я личности в целом.

- *Семантика рефлексии* как означение (словесное, изобразительное, символическое) или именование личностью своего Я и Я других, своих состояний,

процессов своей активности, динамики отношения Я — Другой, изменений Я под влиянием самопознания и самореализации. Богатство, дифференцированность означивания Я-феноменов и их связей определяют глубину погружения рефлексии в мир сознательной и бессознательной жизни личности, развитие ее отношения к себе.

• *Операциональность рефлексии*, которая определяет сложное строение активности, направленной на Я-объекты при доминировании мыслительной деятельности. Кроме мышления, в рефлексивные акты включены стремления к себе, самопереживания, ощущение и восприятие себя, образы Я и воспоминания о себе. Мыслительный процесс, ориентированный на Я-объекты, формируется операциями различения, сравнения и обобщения, анализа и синтеза, абстрагирования и конкретизации Я-феноменов, выделения противоположностей в Я и установления связей между ними.

• *Семантика рефлексии*, указывающая на то, что именно Я знает и не знает о себе как значимом объекте и субъекте рефлексии, что принимает или отрицает из своего знания о себе, как переживает и оценивает себя, как и насколько интегрирует знание о себе в Я-образ, Я-концепцию, Я-идеал и Я-проект, что считает Я-неизвестным, как выражает свое знание и незнание себя в высказываниях и текстах о себе. Рефлексивно найденные смыслы развиваются Я в ценностном горизонте жизнеутверждающих отношений личности — познавательного, эстетического, нравственного, деятельного — к миру и к себе (Рубинштейн, 1973).

Рефлексивные практики ориентированы на реализацию различных **форм рефлексивной активности**. Мы относим к ним самоисследование, самооценивание, самоосмысление, самовыражение, диалог Я — Другой, рефлексиию жизненного пути. Формы различаются по основанию **целевой** направленности рефлексии. Это: 1) активное познание личностью себя; 2) интеграция потребности в себе, переживания значимости себя и осознания удовлетворенности собой; 3) придание смысла собственному бытию и себе как его субъекту в перспективе реализации ценностей; осознание и расшифровка жизненных впечатлений; 4) активность деятельности и отношений к другим людям; персональные вклады в мире; 5) реализация возможности внутреннего диалога с конкретным Другим; 6) создание целостного авторского текста о своей жизни, отражающего результаты самопознания и поиска своего самотождества.

Самоисследование, проблематизация себя

В рефлексии может быть реализована исследовательская установка мышления. Я-объектами мысли становятся состояния, свойства, качества, черты, способности, отношения и деятельность личности. Рефлексия в форме «исследования себя» предполагает обнаружение личностью проблемного аспекта Я; понимание и артикуляцию своей проблемы; актуализацию известного и неизвестного в проблемном аспекте Я; поиск Я-неизвестного как творческое движение к открытию нового в себе; определение вариантов решения проблемы Я; выбор решения, наиболее аутентичного для Я и адекватного для

позиционирования личности в мире, социуме, близком окружении. В контексте самоисследования личность находит оппозиции в себе и своей жизни, определяет существующие и устанавливает новые соотношения между ними, фиксирует изменения в Я, вызванные рефлексией-в-оппозициях. Например, личность как субъект самоисследования открывает в Я и разнообразно соотносит свою активность и пассивность, созидательное и деструктивное в себе, свою ответственность перед другими и безучастность к другим, собственную открытость и закрытость, эмоциональность и сдержанность, автономию и зависимость и т.д.

Полагаем, что в самоисследовании должны быть учтены и интегрированы различные типы знания Я о себе: во-первых, знание о себе, добытое Я собственными усилиями; во-вторых, знание того, что знают о Я другие; в-третьих, знание, что в Я есть то, что известно только самому Я; в-четвертых, знание, что есть нечто неизвестное в Я, что может быть раскрыто только другими; в-пятых, знание, что есть неизвестное в Я, что в принципе невозможно узнать; в-шестых, знание, что есть неизвестное Я, которое может быть доступно только самому Я. Здесь рефлексия находит и оперирует сложными связями «знания о знании себя» и «знания о незнании себя» с их различными источниками, стремится к созданию ясной и целостной Я-концепции.

Самооценивание, признание самоценности

В самоисследовании Я мысленно выходит за границы «ставшего» себя, абстрагируется от своей единичности и непосредственности своего проживания жизни, идет к самообновлению в дискурсивных внутренних диалогах с собой и другими. Одновременно самоисследование отмечено эмоциональными оценками себя, посредством которых Я переживает и интуитивно обобщает значимые соотношения своего достигнутого и недостигнутого, успешного и неуспешного, собственного и чужого, позитивного и негативного, развивающегося и регрессивного.

Эмоционально насыщенная самооценка включена в рефлексию ожиданий Я по отношению к себе в связи с ожиданиями других, в рефлексию данности «себя» в ближних и дальних «других», представленности «других» во внутреннем мире Я, данности «Я-сам» и «Я-для-себя», а также в рефлексию «исполненности себя» и «предстояния себе». Самооценка соотносится с идеальными требованиями Я к себе и оценками Я со стороны других людей, которые воспринимаются Я как позитивные, поощряющие, принимающие, стимулирующие или критичные, противоречивые, демотивирующие. Самооценочный аспект рефлексии придает ей тона радости, вдохновения и счастья или же страдания, сожаления и печали.

Самооценивание в контексте рефлексии может усиливать проживание Я своей *самоценности*, состоящей (вспомним «Декларацию самоценности» Вирджинии Сатир¹) в присвоении, принятии, признании всех своих телесных,

¹ URL: <https://psy-in.ru/wp-content/uploads/t2.pdf>.

психических и действенно-практических возможностей, всех своих впечатлений о себе, своего знания и незнания себя, своей прошлой жизни, бытия здесь-и-сейчас, своих целей, ожиданий и проектов будущего, своего мира и всего того, что он дарит и может подарить Я.

Самоосмысление

Рефлексия, наполненная переживанием самооценности, определяет уровни Я, где формируются высоко значимые для личности Я-известное, Я-неизвестное, Я-возможное. Личность посредством рефлексии может найти связи своих значимостей, выявить их конфликты и достичь их гармонии, поставить проблемы Я и наметить варианты их конструктивного решения. Здесь рефлексия вовлечена в процессы смыслополагания личности как творческое обнаружение направляющих идей дальнейшего самоопределения Я в мире.

Открытие и реализация смыслов могут служить поддержанию и обновлению самотождества Я, разотождествлению и новому отождествлению Я с собой, а также развитию свойств и состояний Я, представляющих ценность для личности и других людей. В процессе самоосмысления важны гибкость и многовариантность рефлексивных выборов, в том числе требующих риска, усилий, напряжения, перерешений Я. Для зрелой личности характерно полагание смыслов не «сплошь страдательное» (Бахтин, 2001), а утверждающее жизнь и высокие жизненные ценности.

Самоосмысление может быть обращено к опыту тех моментов жизни личности, которые стали метками особо интенсивного Я-бытия, сопровождающегося вспышками сознания и таинственной глубинной активности. Речь, например, идет о «впечатлениях», рефлексивно-феноменологическая работа с которыми находит ранее скрытые смыслы возможной жизни, которые можно «прорастить» в будущее.

Самовыражение

На наш взгляд, смысл Я — это Я-желаемое, Я-достигаемое, наилучшее Я-для-себя. Он не дается непосредственно миром, другими людьми, не проступает из глубины самости, а порождается личностью в ее осознанной психической и деятельной жизни, разделяемой с другими людьми. Самоосмысление Я возможно благодаря еще одной форме рефлексивной активности — самовыражению. Оно осуществляется в тех жизненных ситуациях, где Я может деятельно воплотить себя, выступая в ипостасях заботливого родителя, творца, профессионала, внимательного собеседника, отличного партнера, близкого друга, надежного помощника, уникального автора и мудрого учителя. Творческая, продуктивная запечатленность Я в мире и в других, релевантная созданной ситуации, является основным результатом самовыражения личности, определяющим фактичность и осмысленность ее бытия.

Диалог с собой и «внутренним Другим»

В числе объектов жизненной активности Я особо выделяется значимый другой человек, или Другой. Именно с ним у Я возможен подлинный внутренний диалог, образуемый переживанием и рефлексией своего соприсутствия с Другим в мире, присутствия «внутреннего Другого» в себе, своего присутствия во внутреннем мире Другого, своего относительно автономного от Другого бытия в самом себе. Диалог может инициироваться Я в форме внутреннего вопрошания, адресованного Другому, ответов Другого, высказываний Я в свой адрес, молчания Я или Другого. Вопросы, ответы, самовысказывания, умолчание могут касаться отрефлексированного существования Я-неизвестного и «незнаемого Другого» (Старовойтенко, 2022).

Согласно нашим исследованиям, Я раскрывает «себя» и познает Другого в нескольких «измерениях» диалога, к которым мы относим между-Я-и-Другим, Я-в-Другом, Другой-в-Я, Я-в-мире-с-Другим, Я-в-себе. Рефлексивный диалог формируется континуумом и единством следующих внутренних взаимодействий: Я — между-Я-и-Другим; Я — Я-в-Другом; Я — Другой-в-Я; Я — Я-в-мире-с-Другим; Я — Я-в-себе (Старовойтенко, 2019). Другой, или «Ты», выступает зеркальным отражением Я, автором и носителем знаний о Я, местом проекции представлений Я о себе, активным субъектом преобразований внутреннего мира Я. В «Ты» личность встречается с Я-незнаемым. В совместном бытии с «Ты» Я становится для себя частью «Мы», известного и непостижимого одновременно.

Рефлексия жизненного пути. Исповедь

В своем практическом назначении рефлексия может смещаться от самоисследования, самооценки, самовыражения к охвату самопознанием себя и своей жизни в целом. Рефлексия в качестве самоотчета о жизни (авторского жизнеописания) может строиться как непрерывное самовопрошание и ответы себе: что получится из того, что я желаю, мыслю и делаю сейчас? что будет следствием того, что я сделаю и достигну потом? кто я и что я представляю собой, проживая жизнь? каковы мои возможности в будущей жизни? что может выйти из всей моей жизни для меня и для других? Рефлексивные акты непосредственно встроены в движение жизни, становятся ее частью, одухотворяют ее, являются ее ретроспективой, познанием, прогнозом и предвидением.

Личность может придать своему «тексту жизни» творческий характер: может создавать уникальную авторскую биографию, искать истину своего бытия, придавать жизнеописанию оттенки искренности, откровенности, исповедальности, окрашивать историю жизни чувственными тонами радости, удовольствия, оптимизма или сожаления, раскаяния, ожидания сочувствия и прощения. Напряженная рефлексия, представленная во внутреннем и внешнем тексте-исповеди, вскрывает и соотносит жизненные оппозиции, попадает в «точки бифуркации» множества конфликтов, обнаруживает и ищет их разрешения. Исповедь превращает в чувственное и зримое то, что в самоисследовании

является концептуальным знанием. Исповедью может быть устный или письменный рассказ автора о своей жизни, открыто либо скрыто адресованный другим; созданный автором континуум образов своего жизненного пути, соответствующий традиции живописного изображения историй выдающихся людей; литературное произведение с эго-героем; философский текст, раскрывающий авторскую идею прохождения человеком жизненного пути.

Персонологическое построение рефлексивных практик

Подчеркнув богатство культурного, психологического, экзистенциального и практического потенциалов рефлексии, поставим вопрос: «В чем состоит персонологическая реализация этих потенциалов?» — и предлагаем следующий **порядок применения рефлексивного подхода**, который интегрирует знания и методы различных областей общей персонологии:

1. Поиск и персонологический синтез концептуальных, герменевтических, практико-ориентированных моделей Я как субъекта рефлексии.

2. Персонологическая реконструкция культурогенеза «идей Я», теорий и практик самопознания личности.

3. Нахождение кейсов или «эпизодов» активной рефлексии посредством герменевтики художественных текстов, а также текстов самопознания выдающихся личностей.

4. Разработка, синтез концептуальных моделей рефлексии на основе изучения теорий и результатов эмпирических исследований самопознания.

5. Построение рефлексивных практик с использованием приемов самовысказывания, самовопрошания, постановки проблем Я, самовыражения, создания автобиографических нарративов.

6. Применение герменевтических, концептуальных, имплицитных моделей рефлексии и рефлексивных практик в консультировании и психотерапии личности.

7. Использование рефлексивных практик для самопознания исследователей личности, психологов-консультантов, психотерапевтов и супервизоров.

Акцентируем момент рефлексивного подхода, который связан с **построением практик (приемов) рефлексии**, нацеленных на развитие рефлексивной активности личности.

Модель построения и применения персонологических приемов рефлексии предполагает ряд последовательных шагов. К ним относятся:

1) фокусировка самопознания личности на конкретных, значимых Я-объектах (желаниях и чувствах, воспоминаниях и образах, мыслях и отношениях, фантазиях и сновидениях, действиях и поступках, вкладах в предметный мир и в жизнь других людей, личностных способностях, чертах и качествах), осознаваемых как «мои» и «Я-сам»;

2) побуждение личности к активному вчувствованию в себя, познанию и вспоминанию себя, пониманию своих жизненных впечатлений и отношений к значимым Я-объектам;

3) активизация мышления личности, направленного на Я-объекты, посредством самовопрошания и ответов себе, решения «загадок Я», поиска и конструктивного соотнесения Я-оппозиций, обновления концепции познаваемого Я-объекта;

4) организация применения личностью разнообразных рефлексивных действий с Я-объектами, определяющих операциональный строй, архитектуру процесса самопознания;

5) создание конкретных ситуаций рефлексии и помощь личности в самообозначении, самоаттестации, самовысказываниях при разговоре с собой; поддержка личности в построении устных и письменных Я-нарративов;

6) вовлечение в самопознание личности разных форм рефлексивной активности: самоисследования, поиска Я-неизвестного, самооценивания, самовыражения, диалога с собой, диалогического достижения самотождества и т.д.;

7) обогащение ценностных характеристик Я-объектов путем рефлексивно-творческой реализации личностью познавательного, эстетического, этического отношений к себе и своей жизни;

8) персонологическая разработка различных видов рефлексивных практик, нацеленных на укрепление и развитие Я-субъектности;

9) организация перехода личности к самостоятельному применению рефлексивных практик.

В данной работе мы представляем ряд рефлексивных практик, к которым относятся:

- практика рефлексивного раскрытия проблем своей жизни (проблематизации себя);
- практика рефлексивного диалога Я с Другим как «Ты»;
- практика диалогического достижения самотождества Я;
- практика рефлексии ключевых впечатлений жизни;
- практика рефлексивного обнаружения Я-неизвестного.

Источником построения данных практик выступила герменевтика философских и психологических текстов о личности, Я, мышлении и рефлексии.

Каковы **области применения** рефлексивных практик? Во-первых, рефлексивная практика может определять формат проведения консультативной сессии с встроенным в нее поступательным процессом самопознания клиента; во-вторых, она может задать форму и содержание диалога личности со значимым Другим и с собой в контексте коррекционной и развивающей работы психолога; в-третьих, создать экспериментальную ситуацию проблематизации «себя» и самоисследования личности при поиске нового знания о себе и обнаружении Я-неизвестного; в-четвертых, воссоздать в психотерапевтическом процессе условия для обновления самотождества Я посредством полноты реализации внутреннего диалога личности с собой; в-пятых, рефлексивная практика может наполнить время и задать смысловое содержание уединения, выбранного личностью для самопознания. Наконец, рефлексивная практика необходима профессиональным психологам-консультантам и психотерапевтам для регулярного «досмотра себя» в аспекте результативности своей деятельности,

благополучия своей частной жизни, состоятельности своих отношений (Bassot, 2015; Bennett-Levy et al., 2015; Bolton, Delderfield, 2018; Farrel et al., 2018; Brown, 2019; Tirsch et al., 2019).

Рефлексивные практики в контексте общей персонологии

Практика рефлексивного раскрытия проблем своей жизни

Данная практика разработана на основе авторской концепции проблемности жизни личности (Старовойтенко, 2004). Взрослая личность, ориентированная на саморазвитие, ведет самоисследование, рефлексивно проблематизирует свою жизнь и собственное Я в форме внутреннего диалога с собой, отвечая на следующие вопросы:

Воспринимаю ли я свою жизнь и самого себя как имеющие противоречия, конфликты?

Рассматриваю ли я эти противоречия как собственные проблемы, которые я могу разрешить?

Какая проблема является для меня сейчас наиболее значимой, существенно влияющей на мою текущую жизнь?

В чем состоит моя проблема?

Вижу ли я противоречие, которое лежит в основе моей проблемы?

Что именно образует мое противоречие? В чем оно состоит?

Хотел бы я сформулировать свою проблему точнее?

Какие эмоции, чувства я испытываю в связи с существованием этой проблемы?

Какие я вижу пути решения своей проблемы?

Что я делаю для ее решения?

Включаюсь ли я активно в решение проблемы, стремясь к действиям и поступкам, к изменениям себя и своей жизни?

Уклоняюсь ли я от решения проблемы?

Отношусь ли я к проблеме как к возможности творчески проявить себя?

Стараюсь ли я устранить проблему для возвращения к внутреннему равновесию?

Чувствую ли, что не смогу решить свою проблему самостоятельно?

Обдумываю ли я свою проблему и конкретные шаги по ее решению или отношусь к проблеме интуитивно?

Предвидел ли я возникновение проблемы, зная о своей прошлой и нынешней жизни?

Готов ли я к решению проблемы, продвигу ли ее результаты?

Надеюсь ли я на помощь других в решении своей проблемы? Кто эти другие?

Полагаюсь ли в решении проблемы только на себя?

Случается ли мне отступать от разрешения проблемы, не выдерживая усилий и эмоционального напряжения?

Хочу ли я после ответов на предыдущие вопросы еще раз сформулировать свою проблему? В чем она состоит?

Каким путем я буду далее следовать?

Вижу ли я промежуточные результаты решения своей проблемы?

Испытываю ли удовлетворенность тем, как решается моя проблема?

Знаю ли, как другие оценивают мое отношение к проблеме? Какова их оценка?

Изменяются ли я и моя жизнь после конструктивного разрешения проблемы? В чем могут состоять эти изменения?

Практика рефлексивного диалога Я с Другим как «Ты»

Практика построена на основе герменевтики текста М.М. Бахтина «Автор и герой» (Бахтин, 2001) и наших исследований диалога Я — Другой (Старовойтенко, 2011), охватывает основные рефлексивные измерения данного диалога. Личность обращается к себе, размышляя о Другом как близком Ты в измерениях между-Я-и-Ты, Я-в-Ты, Ты-в-Я, Я-в-себе-с-Ты. Ориентирована на самопознание взрослой личности, испытывающей трудности в значимых отношениях Я — Другой либо желающей усовершенствоваться в установлении, сохранении и развитии данных отношений.

Есть ли в моей жизни человек, который является для меня высоко значимым и к которому я внутренне обращаюсь как к «Ты»?

Готов ли я говорить с собой о Тебе посредством ответов на следующие ниже вопросы?

Интересна ли мне Твоя жизнь? Участвую ли я в ней? Забочусь ли о Твоем благополучии?

Думаю ли я о Тебе? Часто ли веду с Тобой внутренние разговоры?

В чем состоит наше реальное взаимодействие с Тобой? В общении, в речевых диалогах, в совместной деятельности, в творчестве, в интимных отношениях и т.д.?

Узнаю ли я самого себя благодаря Тебе, Твоим взглядам на меня, Твоим словам и действиям?

Задумываюсь ли я о том, как Ты представляешь меня, что думаешь обо мне, что чувствуешь ко мне?

Случается ли мне ощущать одиночество в Твоем присутствии?

Встаю ли я на место моего «внутреннего Ты», чтобы взглянуть в себя с этой позиции? Что открывается мне при этом?

Чувствую ли я себя активным «обитателем» Твоего внутреннего и внешнего мира?

Значимо ли для Тебя то, что я присутствую в Твоей жизни?

Создаю ли я для Тебя тот мой образ, который позволяет длиться и развиваться нашим отношениям?

Всегда ли я узнаю себя в том, как Ты представляешь меня?

Являешься ли Ты для меня активным, побуждающим, вдохновляющим началом моей жизни?

Вижу ли я Тебя не только в моей жизни, но и в Твоем собственном, независимом от меня существовании?

Ожидаю ли я от Тебя, что Ты творчески создашь мой образ, или мою историю, или мое возможное Я?

Спрашиваю ли я о том, что Ты думаешь обо мне, желая узнать новое о себе?

Стараюсь ли я узнать Твой мир, где меня еще нет, или меня отрицают, или меня любят?

Чувствую ли я возможность быть вовлеченным и принятым в Твоем мире?

Знаю ли я, что многое не знаю о том, как я представлен в Твоем внутреннем мире?

Знаю ли я Тебя в качестве «лучшего», «идеального» человека для меня?

Знаю ли я, что многого не знаю о Тебе? Волнует ли меня Твоя «тайна»?

Как я ощущаю Твое отсутствие? Смогу ли смириться с Твоим уходом из моей жизни?

Чувствую ли и принимаю ли я Твое влияние на мою жизнь?

Что значило для меня Твое появление в моей жизни?

Какое место принадлежит Тебе в моих жизненных планах?

Что мне дают отношения к Тебе и с Тобой для самопознания?

Что я открыл о себе и о Тебе при этом разговоре с Тобой?

Готов ли я внести изменения в свое отношение к себе и к Тебе на основе проделанной рефлексивной работы?

Практика диалогичного достижения самотождества Я

Эта практика разработана нами на основе авторской концепции приобретения самотождества во внутреннем диалоге Я с Другим (Старовойтенко, 2019). Согласно нашим исследованиям, самотождество Я достигается как рефлексивное совпадение Я с собой в актах отождествления и разотождествления Я с собственными отражениями «в различных измерениях внутреннего диалога: между-Я-и-Другим-для-Я, Я-в-Другом-для-Я, Другой-в-Я-для-Я, Я-в-себе-для-Я, Я-в-мире-с-Другим-для-Я, между-Я-и-Другим-для-Другого, Я-в-Другом-для-Другого, Другой-в-Я-для-Другого, Я-в-себе-для-Другого, Я-в-мире-с-Другим-для-Другого» (Старовойтенко, 2021, с. 828). Самотождество раскрывается и укрепляется посредством рефлексивной практики, адресованной Я в его определенном свойстве, качестве, черте, способности, действии, переживании и т.д., т.е. адресованной определенному Я-объекту. Акцентируются Я-объекты, связанные с личностной активностью, самоопределением, развитием. Обозначим рефлекслируемый Я-объект как «позитивное качество Х». Практика ориентирована на взрослую личность, владеющую тонкими умениями в области самопознания и готовую испытывать себя в его наиболее сложных, диалогичных формах.

Человек, применяющий данную практику, должен внутренне обратиться к себе и другому человеку по поводу определенного позитивного качества, которое он выбрал для самопознания; подумать, насколько значимо для него это качество у других людей; решить, насколько оно важно для него как присущее

ему и развивающееся у него самого; мысленно выбрать высоко значимого для него Другого (N) и вступить во внутреннее общение с ним; последовательно, развернуто ответить на следующие вопросы к себе:

Присуще ли мне качество X? Что оно представляет собой для меня??

Насколько я неизвестен себе как обладающий данным качеством? Что, на мой взгляд, мне неизвестно?

Удастся ли мне проявлять и развивать качество X, когда я общаюсь с N? Как это происходит?

Удастся ли мне, по мнению N, проявлять данное качество в общении с ним? Говорит ли он об этом?

Являюсь ли я вообще в представлениях N человеком, обладающим и развивающим X? На чем я основываюсь в своем ответе?

Важен ли я для N как человек, имеющий качество X? Он мне говорит об этом?

Является ли N для меня человеком, который побуждает и влияет на меня в плане проявления и развития качества X? Как он это делает?

Знает ли N, что он важен для меня, обладающего качеством X? Как я могу судить об этом?

Осознаю ли я себя человеком, способным самостоятельно развивать качество X? Что я делаю для этого развития?

Является ли мое качество X, на взгляд N, результатом моих усилий в саморазвитии? В чем состоят, по его мнению, эти усилия?

Замечаю ли я, что мое качество X во взаимодействии с N способствует изменениям в нашей жизни?

Замечает ли N, что мое качество X, проявляемое во взаимодействии с ним, что-то меняет в наших жизнях?

Сейчас, когда я поразмышлял о своем качестве X и отношении N к нему, чувствую ли я какие-то изменения в себе? Произошло что-то в моем осознании и оценке этого своего качества? Что именно?

Есть ли у меня трудности в связи с тем, что мне присуще качество X? Или я дорожу своим качеством X? Или я сожалею, что оно недостаточно развито у меня?

Какова будет динамика этого моего качества в процессе жизни? Что я буду делать дальше в отношении к нему?

Чувствую ли я сейчас, что качество X существенно определяет мою личность, и могу ли я сказать, что данное качество — это я?

Практика рефлексии ключевых впечатлений жизни

Данная практика разработана нами на основе герменевтики текста М.К. Мамардашвили «Психологическая топология пути» (Мамардашвили, 1997). Следуя его идеям, мы определяем впечатление как внезапно возникшее, целостное отношение человека к определенной значимости, которое при высокой ясности сознания полно выявляет уникальность значимого, его место в глубинном и вершинном пространствах индивидуального бытия, его реальную способность длить и улучшать жизнь. Практика адресована взрослой

личности, открытой к самопознанию и выступающей в качестве «практикующего феноменолога». Осуществить феноменологическую рефлексивную пережитого впечатления, ввести его в актуальную жизнь с целью углубления ее понимания, повышения ее интенсивности и благополучия, переживания счастья можно посредством ответов на следующие вопросы к себе:

Довелось ли мне пережить такое впечатление, благодаря которому я почувствовал, что встретился с самым лучшим, ценным в своей жизни, но при этом таинственным и мимолетным?

В чем состояло это впечатление?

Что было основным, центральным в моем впечатлении?

Сознавал ли я впечатление как момент «усиления», «вспышки» своей жизни?

Было ли мое впечатление частью жизненного события, когда я был особо чувствителен и внимателен к происходящему?

Переживал ли я тогда, что сильно затронут чем-то, активно вовлечен во что-то, восхищен чем-то?

Чувствую ли я связь своего впечатления с архетипом, придающим ему вне-временной характер?

Пришло ли тогда ко мне осознание своей жизненной полноты и совпадения с собой, гармонии всех своих «частей» и отношений?

Ощущал ли я, что впечатление явилось меткой моих сильных желаний, «рвущихся» к реализации?

Явилось ли мое впечатление «проявителем» моих ведущих жизненных ценностей? Каких именно?

Увидел ли я в своем впечатлении знак моего жизненного предназначения?

Ощутил ли я в этом впечатлении прилив счастья, радости, вдохновения?

Часто ли я вспоминаю свое впечатление, по-новому осмысливаю его, стараюсь раскрыть его тайну?

Сознаю ли я, что мое впечатление целостно, неразложимо, во многом неповторимо?

Хочу ли я творчески выразить свое впечатление, превратив его в стихотворение, рассказ, художественное изображение?

Чувствовал ли я, переживая впечатление, что встретился со своей подлинной, настоящей жизнью?

Почувствовал ли я, проживая впечатление, свои нереализованные возможности, склонность к риску, способность к преодолению испытаний?

Открылись ли мне во впечатлении мои жизненные конфликты и органичные для меня пути их разрешения?

Осознал ли я, проживая впечатление, как расширяются пространства моей жизни, как умножается мое субъективное время?

Стало ли мое впечатление импульсом к творчеству? В чем удалось или, может быть, удастся воплотить его?

Открылась ли мне во впечатлении моя жизненная перспектива?

В чем бы я мог выразить свое впечатление: в живописном образе, тексте, символе, фотографии, кино?

Важно ли для меня передать свое впечатление другим людям?
Как я чувствую себя сейчас, поработав со своим впечатлением?
Хочу ли я в дальнейшем самостоятельно применять эту практику в отношении своих впечатлений?

Практика рефлексивного обнаружения Я-неизвестного

Техника имеет форму рефлексивного вопросника, содержащего несколько блоков, позволяющих выявить в диалоге личности с собой наличие, объем и содержание ее Я-неизвестного или ее «знания о своем незнании себя» (Старовойтенко, Щебетенко, 2020; Старовойтенко, 2022). Вопросник помогает осознанию ценности самопознания для Я, признанию существования Я-неизвестного и прояснению для Я сфер незнания себя. Может быть применен в контексте психологического консультирования и в практике саморазвития личности. Ориентирован на взрослую личность, которой в каждом блоке вопросника предоставляется возможность как вступать, так и не вступать в диалог с собой.

1. Согласен ли я со следующими утверждениями? (*Варианты ответов: совершенно не согласен; не согласен; скорее не согласен; скорее согласен; согласен; полностью согласен.*)

Временами я удивляю себя.

Во мне есть то, чего я не знаю о себе.

Все, что происходит со мной, я могу объяснить.

Не существует того, чего бы я не знал о себе.

Я не знаю, каким меня видят другие люди.

Я не знаю, нравлюсь ли я людям, которые для меня значимы.

Я знаю, как относятся ко мне люди из ближнего окружения.

Я знаю себя во всех своих качествах.

Не считаю нужным задумываться, какой я и как я живу.

Я не знаю многого, что есть в глубине моего душевного мира.

О своем теле и здоровье я знаю все.

Я стараюсь узнать себя как можно лучше.

Знание о себе печалит меня.

Случается, я себе не верю.

Мне необходимо знать все, что касается меня в каждый момент жизни.

Я хорошо представляю себя на разных этапах будущей жизни.

Я не знаю всех своих возможностей.

Я хотел бы знать, зачем я живу.

Я удовлетворен тем, что я знаю о себе, и не хочу ничего в себе менять.

Я часто себя не понимаю.

Я знаю, за что меня могут ценить другие люди.

Бывает, я себя раздражаю, но не знаю, почему.

Я знаю, зачем я живу.

Я ничего о себе не знаю.

Я себе интересен даже в своем незнании себя.

Я знаю, кто я, и стараюсь расширять это знание.

Мое тело — загадка для меня.

Я не могу объяснить некоторые свои поступки, но хотел бы понять их.

Понимание и знание себя мне часто помогают в жизни.

2. Насколько я не знаю различные особенности моей личности? *(Варианты ответов: ничего не знаю; многое не знаю; больше не знаю, чем знаю; больше знаю, чем не знаю; все знаю.)*

Мой телесный потенциал.

Мои желания.

Мою активность, энергичность.

Мои чувства и их причины.

Силу моей памяти.

Причины моих фантазий и сновидений.

Эффективность моего мышления.

Точность и богатство моих ощущений.

Качества моего характера.

Уровень моих способностей.

Какой я под взглядом других людей.

Какой я в представлениях других.

Мысли других обо мне.

Мой авторитет в оценках других людей.

Результативность моей деятельности.

Последствия моих поступков.

Мою роль в жизни других людей.

Мой творческий потенциал.

3. Насколько я не знаю, какими станут через 25 лет следующие особенности моей личности? *(Варианты ответов: ничего не знаю; мало что знаю; не знаю больше, чем знаю; знаю больше, чем не знаю; нет того, чего я не знаю.)*

Моя внешность.

Мое здоровье.

Мои потребности.

Мои чувства.

Мои знания.

Мои мечты.

Моя деятельность.

Мои ценности.

Мои отношения.

Мои достижения.

Мое положение в обществе.

Мое благосостояние.

Мои жизненные проблемы.

Мои надежды и ожидания.

4. Хорошее или плохое я не знаю о себе? *(Варианты ответов: безусловно, плохое; скорее плохое; и то и другое; скорее хорошее; безусловно, хорошее; затрудняюсь с ответом.)*

- О своем лице и теле.
- О своем здоровье.
- О своей телесной активности и умениях.
- О своих желаниях.
- О своих ощущениях.
- О своем воображении.
- О своих отношениях к другим.
- О своих поступках.
- О своей работе.
- О своих увлечениях.
- О своих жизненных перспективах.
- Об оценках меня другими.
- О своих влияниях на других людей.
- О чувствах ко мне других людей.
- О своих качествах, проявляемых в общении.
- О своем значении в жизни других людей.

5. Кто — я сам или другие люди — не знают следующие особенности моей личности? (*Варианты ответов: я сам; скорее я, чем другие; и я, и другие люди; скорее другие, чем я; другие люди.*)

- Мое тело, движения, мимику.
- Мой голос, речь, интонации.
- Мои желания.
- Мои эмоции.
- Мои мысли.
- Мои воспоминания.
- Мои фантазии.
- Мои поступки.
- Мои ценности.
- Мой характер.
- Мои способности и таланты.
- Мои сильные стороны.
- Мои слабые стороны.
- Мое творчество.
- Результаты моей деятельности.
- Мое прошлое.
- Мое будущее.
- Мое отношение к себе.
- Мои вклады в жизни других людей.

В заключение подчеркнем, что построение рефлексивных практик, реализующих потенциалы рефлексии, которые раскрываются в области культурной, фундаментальной и практической персонологии, представляет собой перспективное направление становления общей персонологии, связанное с исследованием и развитием индивидуального Я во всей мощи его субъектности.

Литература

- Аврелий Августин. (1991). *Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского*. М.: RENAISSANCE.
- Баткин, Л. М. (2000). *Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания*. М.: РГГУ.
- Бахтин, М. М. (2001). *Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук*. СПб.: Азбука.
- Василев, В. (2016). Рефлексия как прикладная проблема психологии. *Культурно-историческая психология*, 12(3), 208–225.
- Вдовенко, В. В., Старовойтенко, Е. Б. (2020). Реализация культурных потенциалов самопознания и продуктивность уединения творческой личности. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 104(4), 114–127.
- Гуссерль, Э. (2005). Амстердамские доклады: феноменологическая психология. В кн. Е. Б. Старовойтенко (отв. ред.), *Предмет и метод психологии. Антология* (с. 84–100). М.: Академический проект.
- Карпов, А. В. (2003). Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики. *Психологический журнал*, 24(5), 45–57.
- Костенко, В. Ю., Леонтьев, Д. А. (2016). Взгляд на себя со стороны: роль рефлексии и самодетерминации в развитии личности. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 3, 97–108.
- Мамардашвили, М. К. (1997). *Психологическая топология пути*. (М. Пруст «В поисках утраченного времени»). СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт.
- Петровский, В. А. (2003). Общая персонология: «наука личности». *Известия Самарского научно-го центра Российской академии наук*, 2(3), 21–29.
- Петровский, В. А., Старовойтенко, Е. Б. (2012). Наука личности: четыре проекта общей персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 21–39.
- Рубинштейн, С. Л. (1973). *Проблемы общей психологии*. М.: Просвещение.
- Старовойтенко, Е. Б. (2004). *Психология личности в парадигме жизненных отношений*. М.: Академический проект.
- Старовойтенко, Е. Б. (2007). Рефлексия личности в культуре. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 52(4), 209–219.
- Старовойтенко, Е. Б. (2011). Модели развития индивидуального отношения к себе. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 1, 55–69.
- Старовойтенко, Е. Б. (2012). Новая персонология – интегральная наука о личности. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 3, 59–71.
- Старовойтенко, Е. Б. (2015). *Персонология: жизнь личности в культуре*. М.: Академический проект.
- Старовойтенко, Е. Б. (2019). Самоощущение Я во внутреннем диалоге. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 16(3), 434–456.
- Старовойтенко, Е. Б. (2021). Отождествление-разотождествление с собой посредством Другого: парадокс самоощущения Я. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(4), 813–836.
- Старовойтенко, Е. Б. (2022). Герменевтика Я-неизвестного в «Исповеди» Августина. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19(3), 606–625.
- Старовойтенко, Е. Б. (2023). *Общая персонология*. М.: Академический проект.
- Старовойтенко, Е. Б., Кольцова, В. А., Максимова, Е. В. (2019). Неразрешенные противоречия личности в жизненном движении к зрелости. *Психологический журнал*, 40(4), 15–31.

- Старовойтенко, Е. Б., Шебетенко, С. А. (2020). Я-Неизвестное в достижении самоощущения и самопреобразовании личности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(4), 757–778.
- Фуко, М. (1998). *Забота о себе*. Киев; М.: Дух и литера; Рефл-бук.
- Фуко, М. (2007). *Герменевтика субъекта*. СПб.: Наука.
- Шадриков, В. Д., Кургинян, С. С. (2015). Исследование рефлексии деятельности и ее диагностика через оценку конструкторов психологической функциональной системы деятельности. *Экспериментальная психология*, 8(1), 106–126.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Augustine of Hippo. (1991). *Ispoved' Blazhennogo Avgustina, episkopa Gipponskogo* [Confessions of Saint Augustine, bishop of Hippo]. Moscow: RENAISSANCE. (Original work published ca. 400 A.D.)
- Bakhtin, M. M. (2001). *Автор и герои. К философским основам гуманитарных наук* [The author and the hero. On the philosophical foundations of humanities]. Saint Petersburg: Azbuka.
- Bart, G. (2018). Making sense of self-talk. *Review of Philosophy and Psychology*, 9, 271–285. <https://doi.org/10.1007/s13164-017-0375-y>
- Bassot, B. (2015). *The reflective practice guide. An interdisciplinary approach to critical reflection*. London: Routledge.
- Batkin, L. M. (2000). *Evropeiskii chelovek naedine s soboi. Ocherki o kul'turno-istoricheskikh osnovaniyakh i predelakh lichnogo samosoznaniya* [European man alone with himself. Essays on the cultural-historical foundations within the limits of personal self-awareness]. Moscow: RGGU.
- Bennett-Levy, D., Thwaites, R., Haarhoff, B., & Perry, H. (2015). *Experiencing CBT from the inside out: A self-practice/self-reflection. Workbook for Therapist*. Guilford Press.
- Bolton, G., & Delderfield, R. (2018). *Reflective practice writing and professional development*. SAGE Publications Ltd.
- Brown, J. D. (2019). *Reflective practice of counseling and psychotherapy in a diverse society*. Springer Nature, Switzerland AG.
- Candy, L. (2019). *The creative reflective practitioner*. Routledge.
- Carlson, E. N., Vazire, S., & Furr, R. M. (2011). Meta-insight: Do people really know how others see them? *Journal of Personality and Social Psychology*, 101(4), 831–846. <https://doi.org/10.1037/a0024297>
- Deamer, F. (2021). Why do we talk to ourselves? *Review of Philosophy and Psychology*, 12, 425–433. <https://doi.org/10.1007/s13164-020-00487-5>
- Farrell, J. M., & Shaw, I. A. (2018). *Experiencing schema therapy from the inside out: A self-practice/self-reflection. Workbook for Therapists*. Guilford Press.
- Foucault, M. (1998). *Zabota o sebe* [Self-care]. Kiev; Moscow: Dukh i litera; Refl-buk. (Original work published 1984 in French)
- Foucault, M. (2007). *Герменевтика субъекта* [Hermeneutics of the subject]. Saint Petersburg: Nauka. (Original work published 2001 in French)
- Ginev, D. (2019). The dialogical self from the viewpoint of hermeneutic phenomenology. *Culture and Psychology*, 25(3), 275–301. <https://doi.org/10.1177/1354067X17738982>

- González, A. L., & Young, J. E. (2020). Please tell me about it: Self-reflection conversational robots to help with loneliness. In *HAI '20: Proceedings of the 8th International Conference on Human-Agent Interaction* (pp. 266–268). New York, NY: Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/3406499.3418764>
- Grimell, J. (2018). Advancing an understanding of selves in transition: I-positions as an analytical tool. *Culture and Psychology, 24*(2), 190–211. <https://doi.org/10.1177/1354067X17707451>
- Hermans, H. J. M. (2001). The dialogical Self: Toward a theory of personal and cultural positioning. *Culture and Psychology, 7*(3), 243–281.
- Husserl, E. (2005). Амстердамские доклады: феноменологическая психология [Amsterdam lectures: phenomenological psychology]. In E. B. Starovoytenko (Ed.), *Predmet i metod psikhologii* [The object and the method of psychology] (pp. 84–100). Moscow: Akademicheskii proekt.
- Karpov, A. V. (2003). Refleksivnost' kak psikhicheskoe svoistvo i metodika ee diagnostiki [Reflexivity as a psychic quality and the method for its diagnostics]. *Psikhologicheskii Zhurnal, 24*(5), 45–57.
- Kostenko, V. Yu., & Leontiev, D. A. (2016). Vzgl'yad na sebya so storony: rol' refleksii i samodeterminatsii v razvitiі lichnosti [Looking at oneself from a distance: the role of reflection and self-determination in development of personality]. *Mir Psikhologii. Nauchno-metodicheskii Zhurnal, 3*, 97–108.
- Mamardashvili, M. K. (1997). *Psikhologicheskaya topologiya puti. (M. Prust «V poiskakh utrachennogo vremeni) [Psychological topology of the path (M. Proust In Search of Lost Time)]*. Saint Petersburg: Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut.
- Oles, P. K., Brinthaup, T. M., Dier, R., & Polak, D. (2020). Types of inner dialogues and functions of self-talk: Comparisons and implications. *Frontiers in Psychology, 11*. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00227>
- Petrovsky, V. A. (2003). Obshchaya personologiya: “nauka lichnosti” [General personology: “a science of personality”]. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk, 2*(3), 21–29.
- Petrovsky, V. A., & Starovoytenko, E. B. (2012). The science of personality: Four projects of general personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 9*(1), 21–39. (in Russian)
- Raggatt, P. T. F. (2014). The dialogical self as a time–space matrix: Personal chronotopes and ambiguous signifiers. *New Ideas in Psychology, 32*, 107–114. <https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2013.05.007>
- Rubinstein, S. L. (1973). *Problemy obshchei psikhologii* [Issues of general psychology]. Moscow: Prosveshchenie.
- Shadrikov, V. D., & Kurginyan, S. S. (2015). Investigation of an activity reflection and its diagnostics by assessment of constructs of psychological functional activity system. *Ekspierimental'naya Psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)], 8*(1), 106–126. (in Russian)
- Shotter, J. (2017). Persons as dialogical-hermeneutical-relational beings. New circumstances “call out” new responses from us. *New Ideas in Psychology, 44*, 34–40. <https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2016.11.007>
- Starovoytenko, E. B. (2004). *Psikhologiya lichnosti v paradigme zhiznennykh otnoshenii* [The psychology of personality in the paradigm of life relationships]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Starovoytenko, E. B. (2007). Refleksiya lichnosti v kul'ture [Reflection of personality in the culture]. *Mir Psikhologii. Nauchno-metodicheskii Zhurnal, 52*(4), 209–219.
- Starovoytenko, E. B. (2011). Modeli razvitiya individual'nogo otnosheniya k sebe [Models of development of individual relationship to oneself]. *Mir Psikhologii. Nauchno-metodicheskii Zhurnal, 1*, 55–69.
- Starovoytenko, E. B. (2012). Novaya personologiya – integral'naya nauka o lichnosti [New personology – an integral science of personality]. *Mir Psikhologii. Nauchno-metodicheskii Zhurnal, 3*, 59–71.

- Starovoytenko, E. B. (2013). *A model of "achieving oneself" in relationship to the other* (Working paper № 15. Series: Psychology). HSE University. <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/rpk17l76cj/110979241.pdf>
- Starovoytenko, E. B. (2015). *Personologiya: zhizn' lichnosti v kul'ture* [Personology: a life of personality in the culture]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Starovoytenko, E. B. (2019). Self-identity of the I in internal dialog. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(3), 434–456. (in Russian)
- Starovoytenko, E. B. (2020). *Models of the dialogical achievement of the I's self-identity* (Working paper № 117. Series: Psychology). HSE University. <https://wp.hse.ru/data/2020/06/17/1607981258/117PSY2020.pdf>
- Starovoytenko, E. B. (2021). Identification and de-identification with I through Other: Paradox of self-identity. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(4), 813–836. (in Russian)
- Starovoytenko, E. B. (2022). Hermeneutics of the unknown self in confessions by Augustinus. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 19(3), 606–625. (in Russian)
- Starovoytenko, E. B. (2023). *Obshchaya personologiya* [General personology]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Starovoytenko, E. B., & Shchebetenko, S. A. (2020). Unknown self in reaching self-identity and self-transformation. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 17(4), 757–778. (in Russian)
- Starovoytenko, E. B., Koltsova, V. A., & Maksimova, E. V. (2019). Unresolved contradictions of personality in life movement toward maturity. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 40(4), 15–31. (in Russian)
- Tirch, D., Silberstein-Tirch, L. R., Codd III, R.T., Brock, M. J., & Wright, M. J. (2019). *Experiencing ACT from the inside out. A self-practice/self-reflection. Workbook for therapists*. New York, NY; London: Guilford Press.
- Vasilev, V. (2016). Refleksiya kak prikladnaya problema psikhologii [Reflection as an applied problem of psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya Psikhologiya*, 12(3), 208–225.
- Vdovenko, V. V., & Starovoytenko, E. B. (2020). Realizatsiya kul'turnykh potentsialov samopoznaniya i produktivnost' uedineniya tvorcheskoi lichnosti [Realization of cultural potentials for self-cognition and the productivity of solitude for a creative personality]. *Mir Psikhologii. Nauchno-metodicheskii Zhurnal*, 104(4), 114–127.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЕЙ СОГЛАСОВАННОСТИ И ФОРМЫ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ НА РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ ВЫБОРА П. УЭЙЗОНА

А.Н. РОМАЩУК^а, В.К. ЛУКЬЯНОВА^а

^а *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1*

The Effect of Coherence Level and Assumption Form on the Wason Selection Task Solution

A.N. Romashchuk^a, V.K. Lukianova^a

^а *Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Резюме

Задача выбора создавалась П. Уэйзоном для эмпирического выявления ориентации на опровержение, базирующейся на принципе фальсификационизма К. Поппера. Многочисленные исследования обнаружили, что задачи выбора с конкретными условиями решаются лучше абстрактных. Существуют различные объяснения этого феномена, и целью данного исследования стали введение и проверка объяснения эффекта лучшего решения влиянием двух факторов: уровня согласованности и формы предположения. Понятие «согласованность» вводится в подходе «понятие как теория» для обозначения связи как между двумя понятиями, так и между признаками одного понятия. Мы использовали три уровня согласованности: формальный означает отсутствие любой содержательной связи, внешний предполагает наличие внешнего «контекста», внутренний включает каузальную связь между признаками предположения. На основе анализа модификаций задач выбора было обнаружено, что

Abstract

The Wason selection task is designed as a refutation attitude and based on the K. Popper principle of falsificationism. The numerous studies have revealed that specific forms of the task are solved better than abstract ones. However, researchers explain this phenomenon differently. The aim of the study is to introduce and explain the better solution effect by varying the coherence level and the assumption form of selection task conditions. The notion of “coherence” is introduced in the theory-theory concept approach to denote the connection between two concepts, as well as between the attributes of one concept. We have introduced three levels of coherence: formal coherence means the absence of any meaningful connection, external coherence implies the presence of an external “context”, and internal coherence includes the causal connection between the assumption concepts as well. Based on the selection task modifications analysis, it was found

условия неявным образом сформулированы в форме правил или гипотез, что предполагает разные стратегии проверки. Проверялись следующие гипотезы: 1) при повышении уровня согласованности признаков в предположении эффективность решения задач будет возрастать; 2) при одинаковом уровне согласованности признаков в предположении задачи с правилом будут решаться лучше задач с гипотезой. Выборку составили 193 испытуемых, медиана возраста – 23 года; 60% женщины, 51% с окончанным высшим образованием. В качестве стимульного материала использовались модификации задачи выбора, где варьировались уровни согласованности и форма предположения. В результате обе гипотезы получили статистическое подтверждение. Новизна данной работы заключается в методическом разделении модификаций задач выбора как по форме предположения (в виде правил или гипотез), так и по уровню согласованности проверяемого предположения: формальному, внешнему или внутреннему. Введение двух форм и трех уровней согласованности предположения позволяет объединить выявленные в разных исследованиях факторы решения задачи выбора в рамках единого объяснения включенности проверяемого предположения в разного вида теории.

Ключевые слова: склонность к подтверждению, фальсификационизм, задача выбора П. Уэйзона, понятие как теория, понятийная согласованность, критическое мышление.

Ромашук Александр Николаевич – доцент, кафедра общей психологии, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.
Сфера научных интересов: психология мышления.
Контакты: ofitsran@mail.ru

Лукьянова Валерия Константиновна – аспирант, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова.
Сфера научных интересов: психология мышления.
Контакты: valerie.luky@yandex.ru

that conditions are implicitly formulated in the form of rules or hypotheses, which implies different testing strategies. The following hypotheses were tested: 1) the selection task solving efficiency will increase with the growth in the assumption attributes coherence level; 2) tasks with rules will be solved better than tasks with hypotheses on the same assumption attributes coherence level. The sample includes 193 subjects (median age 23 years, 60% female, 51% with higher education). Selection task modifications were used as stimulus material, where the coherence levels and the assumption form were varied. As a result, both hypotheses found statistical support. The novelty of this paper lies in the methodological separation of selection task modifications both by the assumption form – rules or hypotheses, and by the coherence level of the tested assumption – formal, external and internal. The introduction of two forms and three levels of assumption coherence allows us to integrate the selection task solution factors revealed in different studies within a single explanation of the inclusion of the tested assumption in different kinds of theories.

Keywords: confirmation bias, falsificationism, Wason selection task, theory-theory concept, coherence, critical thinking.

Alexander N. Romashchuk – Associate Professor, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.
Research Area: problem solving.
E-mail: ofitsran@mail.ru

Valeria K. Lukianova – PhD Student, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.
Research Area: problem solving.
E-mail: valerie.luky@yandex.ru

Задача выбора как средство исследования склонности к опровержению

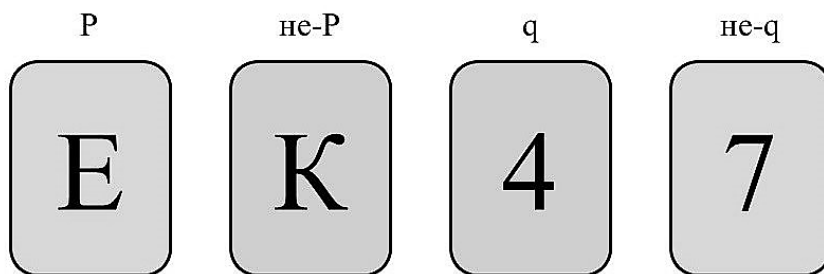
П. Уэйзон создал задачу выбора (далее — ЗВ) для эмпирической проверки наличия у решающего задачу склонности к подтверждению (англ. confirmation bias)¹ или, наоборот, склонности к опровержению. Ссылаясь на принцип фальсификации К. Поппера, П. Уэйзон поставил цель изучить «готовность опровергнуть интуитивное предположение, которое часто несет чувство уверенности» (Wason, 1960, p. 139). При этом исследователь ориентировался на то, что научный метод «поддается научению и воспитанию» (Ibid.). В классическом варианте ЗВ предъявляются четыре карточки с буквенными и числовыми символами на разных сторонах (см. рисунок 1). Испытуемому нужно выбрать те карточки, которые необходимо и достаточно перевернуть для проверки следующего правила: «Если на одной стороне карточки гласная буква, то на другой ее стороне — четное число».

Уже по результатам исследования самого П. Уэйзона оказалось, что большинство испытуемых склонно к подтверждению гипотезы путем выбора «Е» и «4», поскольку выбор карточки с четным числом воспринимается соответствующим правилу (Ibid.). Однако правило, которое требовалось проверить, являет собой один из классических логических силлогизмов *modus tollens* и может быть выражено в форме: «Если Р, то q». Если высказывание q есть следствие Р, то получение при такой посылке не-q будет опровергать истинность высказывания. Таким образом, выбор карточек «Е» и «7» является единственно верным, поскольку если на другой стороне карточки с нечетным числом обнаружится согласная буква, то это опровергнет исходное предположение.

П. Уэйзон также обнаружил, что конкретные формы ЗВ решаются лучше абстрактных (Wason, Johnson-Laird, 1972). При этом конкретность задавалась

Рисунок 1

Стимульный материал к классической задаче выбора

¹ В современных исследованиях продолжают использовать ЗВ с той же целью выявления склонности к подтверждению (см., например: Hattersley et al., 2022). Хотя чаще данная задача используется для фиксации владения условным логическим рассуждением (Brase et al., 2023; Francis, Thunell, 2023; и др.) или даже при исследовании принятия решения в качестве «детерминистической задачи» (Зиренко, Корнилова, 2020).

или как использование знакомых для испытуемого ситуаций (например, транспортная задача), или как использование формы практической деятельности (например, задача с почтовыми конвертами). В дальнейшем целый ряд исследователей предложили свои объяснения причин лучшего решения «конкретных» задач, а также провели эксперименты по проверке этих объяснений (Cosmides, 1989; Cosmides et al., 2010; Cox, Griggs, 1982; Gigerenzer, Hug, 1992; Girotto et al., 2001; Liberman, Klar, 1996; и т.д.). Наличие стольких различных интерпретаций говорит о неоднозначности понимания как «конкретных» ЗВ, так и причин более эффективного их решения.

Проблема решения задачи выбора: различные объяснения лучшего решения конкретных задач

Одну из интерпретаций конкретности/абстрактности предложили Дж. Кокс и Р. Григз, разделяя ЗВ на тематические и нетематические (Cox, Griggs, 1982). К нетематическим исследователи относят классическую ЗВ, поскольку в ней отсутствует какая-либо тема, связывающая четность и гласность. В качестве тематической ЗВ эти исследователи разработали задачу с баром, где испытуемому предлагается представить себя в роли полицейского, наблюдающего за соблюдением правила о распитии спиртных напитков совершеннолетними. Большинство испытуемых дали верный ответ на данную задачу (75%), при этом в контрольной группе с классической ЗВ не справился ни один участник (Ibid.).

Это исследование вызвало целый ряд других интерпретаций понятия «тематичность». Так, Л. Космидес аргументировала полученные высокие результаты решения «тематических» ЗВ активацией контекста социального контракта — наличием ситуации, в которой индивид обязан выполнить некое требование с определенными издержками для себя, чтобы получить право на получение выгоды от другого индивида или группы (Cosmides et al., 2010). Она провела ряд экспериментальных исследований, в которых сопоставила альтернативные объяснения проблемы лучшего решения конкретных ЗВ, прежде всего теории влияния знакомых условий, с теорией социального контракта (Cosmides, 1989).

Г. Гигеренцер с К. Хугом (Gigerenzer, Hug, 1992) в свою очередь предположили, что на решение ЗВ влияет не столько наличие социального контракта, сколько наличие установки на поиск мошенника (обманщика). Однако Л. Космидес в критическом эксперименте оспорила данную версию и сделала вывод, что обнаружение нарушения возможно только в случае его незаконности, а значит, и наличия договоренности, социального контракта (Cosmides et al., 2010).

Один из наиболее систематических вариантов критики как версии Л. Космидес, так и Г. Гигеренцера представлен в работах Д. Спербера, который рассматривает процесс решения ЗВ с позиции теории релевантности (Girotto et al., 2001; Sperber, Girotto, 2002). По Д. Сперберу, испытуемый решает не задачу по проверке условного умозаключения, а выбирает более релевантную

информацию, например, лучше представленный случай «Р» и «не-р». В соответствии с данной теорией, в противовес прежде всего объяснению Л. Космидес, было проведено несколько подтверждающих предположение серий исследований (Ibid.).

Обобщая часть этих и многие другие исследования, Дж. Эванс осуществил подробный разбор вариаций ЗВ и выделил две группы влияющих на ее решение факторов: факторы абстрактно-обобщенной системы и факторы содержательно-специфической системы (Evans, 2005). В первой системе рассматриваются случаи влияния формы на верное решение задачи, во второй сделан акцент на влиянии содержания в силлогизмах. Авторы метаанализа, осуществленного под руководством Ф. Джонсон-Лэрда, выделившие 16 подходов к объяснению решения ЗВ, так же, как и Дж. Эванс, придерживаются объяснения проблемы ЗВ дуально-процессуальной моделью, которая, по их мнению, удачно объединяет влияющие на решение ЗВ факторы в две группы (Ragni et al., 2018).

Итак, вопреки первоначальному предположению П. Уэйзона, многочисленные исследования обнаружили, что ориентация на опровержение больше связана с решением обыденных («конкретных») ЗВ, а не с решением близких по форме научным «абстрактных» ЗВ. При этом были предложены совершенно различные трактовки конкретности: практичность, тематичность, наличие социального договора, установка на поиск мошенника, релевантность и т.д. Можно предположить, что именно данная неоднозначность в объяснении эффективности решения конкретных и абстрактных модификаций ЗВ привела к тому, что последние версии объяснения решения ЗВ перестают в принципе связывать эту задачу с темой проверки предположения, полагая, что она не актуализирует правил дедуктивного вывода (Спиридонов, Пичугина, 2012; Girotto et al., 2001). На наш взгляд, проблема неоднозначности объяснения причин разной эффективности решения ЗВ может быть разрешена с помощью использования понятий о формах и уровнях согласованности проверяемых в задаче предположений.

Подход «понятие как теория»: формы и уровни согласованности предположения

Предлагаемое разрешение описанной выше проблемы неоднозначности в объяснении эффективности решения конкретных и абстрактных модификаций ЗВ основано на тезисе, что чем более проверяемое предположение включено в теорию, тем в большей степени при его проверке проявляется ориентация на опровержение. В психологии мышления роль теории в обеспечении связанности предположений анализируется прежде всего авторами подхода «понятие как теория» Д. Медином и Дж. Мерфи (Murphy, Medin, 1985; Murphy, 2002). Ключевыми в их подходе является включенность понятийного знания в имплицитные теории и представленность понятийной организации в этих же теориях (Murphy, Medin, 1985); в частности, особо выделяются причинно-следственные (каузальные) и функциональные связи между понятиями, а

также между признаками одного понятия. Для обозначения характера содержательной связи признаков понятия авторы используют термин «понятийная согласованность». Д. Медин и Дж. Мерфи выделяют два компонента согласованности (Ibid.). Первый компонент, поскольку он отражает структуру связей (структурно-функциональных или каузальных) признаков внутри понятия, можно назвать внутренней согласованностью, а второй компонент, поскольку он отражает структуру связей между понятиями, — внешней согласованностью. В соответствии с этими двумя видами согласованности, по Д. Медину и Дж. Мерфи, имеет смысл назвать в ЗВ предположениями с внутренней согласованностью такие, которые имеют каузальную связь между признаками в предположении, а предположением с внешней согласованностью считать такое, в котором между признаками отсутствует каузальная связь, но они связаны ситуацией проверки. Так, например, предположение в задаче с баром обладает внутренней согласованностью, поскольку у решателя нашей культуры есть представление о причинно-следственной связи между возрастом и возможностью употребления алкогольных напитков. Если в задаче с баром оставить ситуацию проверки связи возраста и вида напитка, но вместо алкогольных напитков использовать соки, то ситуация проверки делает осмысленной внешнюю связь признаков, но между ними нет каузальной связи. В классической ЗВ со связью между четностью и гласностью как отсутствует каузальная связь между этими признаками, так и не вводится ситуация проверки этого предположения, поэтому такое предположение обладает лишь формальной согласованностью. Выделение внутренней согласованности, которая предполагает каузальную связь между признаками предположения в качестве наиболее высокого уровня включенности в теорию, согласуется с теми работами, в которых ошибки решения ЗВ объясняются неявной попыткой решателей получить информацию о причинно-следственных закономерностях (Hendrickson et al., 2016; Quillien, 2023).

Выделенные три вида согласованности представляют собой последовательные уровни теории, в рамках которых сформулировано предположение (теории с формальной, ситуационной и каузальной связями), а значит, могут быть использованы в качестве способа задания разных уровней предположения:

1. Уровень формальной согласованности предположения: отсутствие содержательной связи как между признаками предположения, так и самого предположения с какой-либо содержательной системой понятий (теорией). Пример задачи — классическая ЗВ с гласностью-четностью.

2. Уровень внешней согласованности предположения: отсутствие содержательной (каузальной) связи между признаками в предположении, но наличие нарративного «контекста», через который предположение включается во внешнюю систему понятий. Пример задачи — введение контекста бара и задание по проверке предположения «Если человек пьет сладкий напиток, то он старше 18 лет».

3. Уровень внутренней согласованности предположения: наличие как внешней системы понятий, обосновывающих ситуацию проверки предположения, так и причинно-следственной связи между самими признаками предположе-

ния. Пример задачи — введение контекста бара и задание по проверке предположения «Если человек пьет алкогольный напиток, то он старше 18 лет».

Внешняя и внутренняя согласованность предположения даже более соответствуют фальсификационизму К. Поппера, чем фальсификационизму, заложенному в методике П. Уэйзона. Во-первых, в классической ЗВ проверяется не положение теории, как в подходе К. Поппера (Поппер, 1983), а отдельное эмпирическое предположение в отрыве от теории. Во-вторых, П. Уэйзон отождествляет проверку предположений в форме правил и гипотез, в то время как для Поппера это принципиально различные процедуры. Согласно К. Попперу, главным отличием научных теорий от правил вычисления является то, что для теорий осуществляется проверка гипотез посредством опровержения, в то время как для технических правил вычисления данный способ не применяется (Поппер, 2008).

Итак, поскольку методологический фальсификационизм предполагает включенность проверяемого предположения в теорию, а для эмпирического фальсификационизма подобная включенность не обязательна (Лакатос, 2008), то уровень такой включенности удобно фиксировать по уровню согласованности признаков предположения. С другой стороны, принципиальное различие между эмпирическими правилами и теоретическими гипотезами предполагает различение их как форм теорий в широком смысле. В частности, для проверки гипотезы принципиальной является проверка самого предположения как такового, поскольку оно является частью теории, истинность или ложность которой не установлена. В то же время правило является социально обусловленным и установленным для регуляции поведения в обществе и, следовательно, не подвергающимся сомнению в его существовании, поэтому при проверке фокус внимания направлен на объекты, которые данное правило нарушают. Следствием проверки гипотезы является новое знание о мире, а результатом проверки правила будет знание о его соблюдаемости. Другими словами, гипотеза предполагается, а правило вводится. При соотнесении разных модификаций ЗВ с приведенными критериями оказывается, что в различных модификациях неконтролируемо чаще всего задается проверка правил, однако в некоторых случаях можно встретить и гипотезы. Так, классическая ЗВ с гласностью-четностью по своей форме является гипотезой (хотя П. Уэйзон и называет ее «правилом»), поскольку в ней отсутствует социальная обусловленность введения правила и проверяется истинность, а не соблюдаемость. В свою очередь ЗВ с баром отвечает всем критериям правила: сомнению подвергается не само предположение, а его соблюдаемость отдельными участниками.

Представляется необходимым разграничить эти две формы согласованности предположений в ЗВ, поскольку гипотезы в большей степени соответствуют научному мышлению и являются более сложными для проверки, а стратегия решения правил более знакома и более освоена испытуемыми в силу широкой представленности в повседневной жизни.

Соответственно, можно сформулировать основную теоретическую гипотезу данного исследования следующим образом: продуктивность решения ЗВ

зависит от формы и уровня включенности предположения в теорию. Поскольку методически в качестве формы включенности в теорию использовались такие формы проверки предположения, как гипотезы и правила, а в качестве уровней теории — три уровня согласованности предположения, то проверялись **следующие эмпирические гипотезы:**

1. Чем выше уровень согласованности проверяемого предположения, тем больше количество верных ответов в ЗВ.

2. Количество верных ответов в ЗВ с одинаковым уровнем согласованности будет больше при проверке правил, чем при проверке гипотез.

Методика

Выборка

Всего в исследовании приняли участие 222 человека, однако не все из них решили задачи до конца и корректно заполнили персональные данные. Поэтому финальная выборка исследования представлена 193 испытуемыми.

Состав выборки следующий: 115 женщины (60%), 76 мужчин (39%) и 2 другого гендера (1%). Средний возраст — 25 лет, медиана — 23 года. С законченным высшим образованием — 51%.

Стимульный материал

Для улучшения возможности сопоставления результатов в эксперименте использовались три сюжетные линии, которые были взяты из других исследований модификаций ЗВ: «Напитки» (Cox, Griggs, 1982), «Лагерь» (Gigerenzer, Hug, 1992), «Корень кассавы» (Cosmides, 1989).

Для задания внешнего уровня согласованности по сравнению с формальным уровнем в задачах добавляется контекст осмысленности процедуры проверки, но без каузальной связи между элементами проверяемого предположения. Например, в задаче с баром алкогольные напитки были заменены на сладкие, а в задаче с лагерем связка дров была заменена на топинамбур. В задачах уровня внутренней согласованности предположения была добавлена каузальная связь, которая предлагает объяснение, как и почему связаны элементы в проверяемом предположении.

Таким образом, в модификациях ЗВ варьировались три уровня согласованности и две формы предположения — гипотезы и правила. В Приложении 1 приведены примеры формулировок задач сюжетной линии «Лагерь» по каждому из уровней согласованности и форм предположений.

Проверяемые предположения задач формального (базового) уровня согласованности для различных сюжетов были следующими:

- сюжет «Лагерь»: «Если на одной стороне карточки ночлег в лагере, то на другой есть топинамбур»;
- сюжет «Остров»: «Если на одной стороне карточки корень кассавы, то на другой стороне — татуировка на лице»;

• сюжет «Бар»: «Если на одной стороне карточки сладкий напиток, то на другой стороне — число не меньше 18».

Процедура

Был выбран межгрупповой двухфакторный многоуровневый экспериментальный план, поскольку он наиболее соответствует предполагаемому влиянию двух многоуровневых факторов на зависимую переменную. В качестве факторов выступили две независимые переменные (далее — НП): форма и уровень согласованности предположения. Форма согласованности предположения была задана двумя уровнями: правила и гипотезы. Согласованность предположения задавалась тремя уровнями: формальной, внешней и внутренней согласованности. Зависимой переменной являлось количество верных ответов.

Было образовано пять групп задач в соответствии с каждым из возможных сочетаний НП, за исключением одного. Поскольку правило невозможно задать без наличия хотя бы внешнего контекста, который представлял бы участников введения и соблюдения правила, то создание задач с формальным уровнем согласованности правил не представляется возможным.

Каждой из пяти групп испытуемых, организованных по возможному сочетанию НП, предъявлялся набор из трех ЗВ одной из пяти групп задач с разными сюжетами: задача с островом (корнем кассавы), задача с алкогольным напитком, задача с лагерем в Альпах. Содержание задач для каждого из сюжетов было изменено в соответствии с уровнями НП. Зависимой переменной стало верное решение ЗВ, т.е. выбор испытуемым двух карточек «Р» и «не-q» (если предположение задачи выразить символично — как «Если Р, то q»). Расположение карточек «Р» и «не-q» варьировалось в случайном порядке. Таким образом, каждый испытуемый, решая три задачи одного уровня каждого из НП, мог получить от 0 до 3 баллов. Как и в большинстве других исследований задачи выбора в данной традиции, временные ограничения на решение задач не вводились. Также не предусматривалась возможность коррекции первой полной попытки решения.

Количество испытуемых по экспериментальным группам приведено в таблице 1.

Результаты

Для проверки влияния артефакта последовательности была проведена проверка на наличие значимых различий в количестве верных решений на первую и третью задачи. Критерий Вилкоксона показал, что значимых различий в ответах на последовательности задач не обнаружено ($Z = -0.70$; $a.sig. = 0.48$), что нивелирует влияние эффекта последовательности.

В таблице 1 представлена описательная статистика ответов по группам испытуемых, а в таблице 2 — результаты решений по задачам в разбивке на уровни согласованности и формы предположения. На рисунке 2 представлены проценты верных решений для всех задач в разрезе уровней согласованности и форм предположения.

Таблица 1

Описательная статистика по результатам групп испытуемых

Группа	Независимые переменные		Кол-во человек	ЗП: количество верных ответов				M	SD
	Уровень согласованности	Форма предположения		0	1	2	3		
1	Формальная	Гипотезы	39	25	11	1	2	0.49	0.79
2	Внешняя	Правила	39	12	7	5	15	1.59	1.3
3		Гипотезы	39	18	12	5	4	0.87	1
4	Внутренняя	Правила	40	3	8	7	22	2.2	1.02
5		Гипотезы	36	8	13	10	5	1.33	0.99
Всего			193	66	51	28	48	1.3	1.2

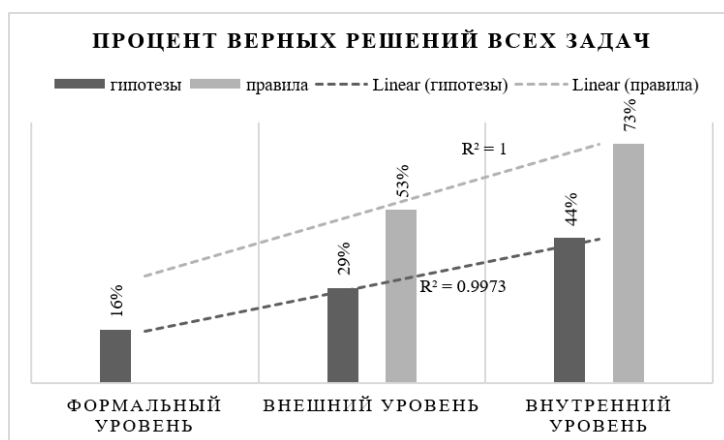
Таблица 2

Описательная статистика по результатам решения задач

Группа	Независимые переменные		Кол-во задач всего	Кол-во верно решенных задач	% верных решений	M	SD
	Уровень согласованности	Форма предположения					
1	Формальная	Гипотезы	117	19	16%	0.16	0,37
2	Внешняя	Правила	117	62	53%	0.53	0,5
3		Гипотезы	117	34	29%	0.29	0,46
4	Внутренняя	Правила	120	88	73%	0.73	0,44
5		Гипотезы	108	48	44%	0.44	0.5
Всего			579	251	43%	0.43	0.5

Рисунок 2

Процент верных решений всех задач по уровням согласованности и формам предположения

Мы видим, что с увеличением уровня согласованности растет количество верных решений задачи (для гипотез: 16% верных ответов при формальной согласованности, 29% при внешней согласованности и 44% при внутренней согласованности). В то же время количество верных ответов выше для правил как с внешним (53% против 29% для гипотез), так и с внутренним уровнем согласованности (73% против 44% для гипотез).

Для проверки предположения о влиянии двух факторов (НП) на продуктивность решения задач был использован двухфакторный дисперсионный анализ. Сравнивались результаты четырех из пяти групп испытуемых, поскольку группа задач с формальным уровнем согласованности может быть задана только для гипотез.

Согласно полученным данным, представленным в таблице 3, для каждого из факторов обнаруживаются значимые различия в дисперсии количества правильных ответов и не обнаруживается значимое взаимодействие факторов (с поправкой Бонферрони). Однако поскольку тест Ливеня превышает критерии применимости двухфакторного ANOVA, то полученные результаты имеют достоверность только в случае, если соотносятся с другими методами статистического анализа (Кричевец и др., 2019).

Сравнение средних по непараметрическим критериям подтверждает данные двухфакторной ANOVA. Результаты сравнения средних для трех уровней согласованности представлены в таблице 4 и на рисунке 3.

Также обнаружены значимые различия в решении задач с разными уровнями согласованности (H test = 27.47, $p < 0.001$; Std. J-T test = 5.65, $p < 0.001$; Kendall's tau-b = 0.35, $p < 0.001$). В частности, критерий Джонкхиера–Терпста указывает на последовательное расположение уровней по эффективности решения: с каждым уровнем количество верных решений возрастает. Также по боксплоту на рисунке 3 и результатам попарных *post hoc* сравнений в таблице 4 видно, что медиана и среднее значение правильных ответов для каждого из уровней согласованности повышаются. Это говорит **в пользу первой эмпирической гипотезы об увеличении количества верных ответов с повышением уровня согласованности.**

Результаты для фактора формы предположений по четырем группам представлены на рисунке 4. Результат сравнения средних значений по критериям

Таблица 3

Результаты двухфакторного дисперсионного анализа по четырем группам испытуемых для каждого из уровней НП

Факторы	Сумма квадратов	Степени свободы	Ср. сумма квадратов	F	<i>p</i>
Форма предположения	24.13	1	24.13	20.54	< 0.001
Уровень согласованности	11.04	1	11.04	9.4	< 0.01
Форма предположения × Уровень согласованности	0.21	1	0.21	0.18	0.67

Таблица 4

Результаты множественного попарного *post hoc* сравнения средних по критерию Танхейма для уровней согласованности

Группа		Разница средних	<i>p</i>
Формальная согласованность	Внешняя согласованность	-0.74	0.00
Внешняя согласованность	Внутренняя согласованность	-0.56	0.01
Формальная согласованность	Внутренняя согласованность	-1.30	0.00

Рисунок 3

Диаграмма размаха для формального, внешнего и внутреннего уровней согласованности

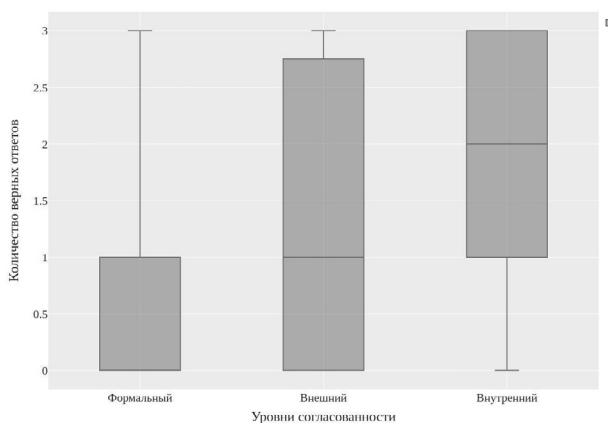
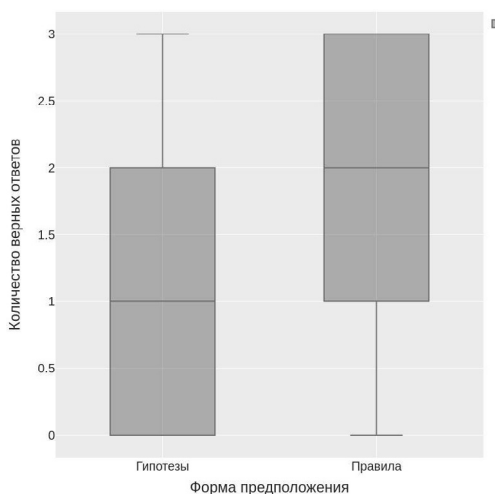

Рисунок 4

Диаграмма размаха для формального, внешнего и внутреннего уровней согласованности

Манна–Уитни для фактора формы предположения также обнаруживает значимые различия в ответах на задачи в форме правил и в форме гипотез ($U \text{ test} = 1842$, $p < 0.01$).

Также по боксплоту на рисунке 3 видно, что медиана правильных ответов для гипотез ниже, чем для правил, что говорит **в пользу второй эмпирической гипотезы о лучшем решении задач на правила.**

Результаты попарного сравнения (с поправкой множественного сравнения Бонферрони) уровней согласованности в разрезе правил и гипотез представлены в таблице 5. Во всех случаях, кроме сравнения гипотез с формальным и внешним уровнем согласованности, обнаруживаются значимые различия в решении. При этом значимость различий между гипотезами формального и внешнего уровня согласованности находится на уровне тенденции ($p = 0.07$). Добавление контекста в задачу для повышения уровня согласованности не дает значимого результата в решении, возможно, в силу того что гипотезы оказываются сложнее для решения, чем правила.

Таблица 5

Результаты двухфакторного дисперсионного анализа по четырем группам испытуемых для каждого из уровней НП

Форма предположения	Уровни согласованности	Критерий Манна–Уитни
Гипотезы	Формальный – внешний	595.5
	Формальный – внутренний	352.5**
	Внешний – внутренний	510*
Правила	Внешний – внутренний	574.5*

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Итак, при использовании статистического анализа были получены результаты, подкрепляющие как первую эмпирическую гипотезу о росте количества верных решений с увеличением уровня согласованности, так и вторую эмпирическую гипотезу о различии в правильных ответах между ЗВ с гипотезами и правилами.

Обсуждение

Для объяснения проблемы лучшего решения «конкретных ЗВ» нами было предложено следующее положение: эффективность проверки предположения о связи между его понятиями зависит от формы и уровня теорий, в которые включены данные понятия. Этот тезис выдвинут прежде всего с опорой на позицию К. Поппера, подход «понятие как теория» М. Медина и Дж. Мерфи, а также анализ результатов исследований ЗВ Л. Космидес и ее оппонентов. Так, правило как особая форма предположения отличается от гипотезы акцентом на проверке его соблюдения отдельными участниками задачной ситуации, в то время как при гипотезе проверяется истинность или ложность самого предположения. Поэтому один и тот же выбор карточек «Р» и «не-q» в ЗВ с правилом

по сути является обнаружением случая нарушения, а в ЗВ с гипотезой является опровержением самого предположения. Поскольку стратегия проверки правил в лучшей степени освоена испытуемыми в силу частой встречаемости в обыденной жизни, то закономерно, что ЗВ с правилом решаются значительно лучше, чем ЗВ с гипотезой. Проверка гипотез реже встречается в повседневности и является частью прежде всего научной деятельности.

При этом каждая из двух форм проверки предположения может осуществляться на разных уровнях теории, в рамках которой выдвигается предположение. Повышение уровня теории повышает осмысленность проверки, что закономерно приводит к большей ее эффективности. Методически уровни теории задаются уровнями согласованности предположения. Так, формальный уровень согласованности подразумевает, что предположение вводится только в рамках теории наличия проверки как таковой, т.е. только на уровне указания необходимости проверки в формулировке классической ЗВ («выбрать те карточки, которые необходимо и достаточно перевернуть»). Внешний уровень согласованности предположения добавляет осмысленный контекст (теорию) о том, кто и для чего проверяет. Проверка правила начинается лишь с данного уровня, поскольку правило невозможно задать без указания, кто и для чего проверяет (например, полицейский в баре проверяет закон запрета распития алкогольных напитков несовершеннолетними). Последний уровень — внутренней согласованности — еще больше повышает осмысленность за счет того, что само предположение включает еще и понимание причины связи между его понятиями (например, причин связи возраста и градусов содержания алкоголя в распиваемых напитках).

Различие между уровнями согласованности предположений позволило выдвинуть первую эмпирическую гипотезу о росте количества верных ответов в ЗВ с увеличением этих уровней, которая нашла подкрепление в результатах дисперсионного и непараметрического статистического анализов, а также при множественном попарном *post hoc* сравнении средних. Различие между формами предположений составило содержание второй эмпирической гипотезы, которая также нашла подкрепление в результатах дисперсионного и непараметрического статистического анализа.

Обоснованность выдвинутого основного тезиса подкрепляется тем, что он позволяет лучше объяснить не только данные нашего эксперимента, но и эмпирические результаты альтернативных теоретических подходов. В свою очередь эти альтернативные подходы могут объяснить лишь часть полученных в нашем эксперименте различий. Так, анализ модификаций ЗВ Л. Космидес и ее некоторых оппонентов интересен тем, что в них отчетливо фиксируется неявная попытка различения правил и гипотез. Во-первых, в задаче без социального контракта задается роль антрополога, цель которого — проверить верность предположения коллеги, и наоборот: в задаче с социальным контрактом нужно представить себя членом племени калуаме, который обязан следить за выполнением строгих законов своего народа. Во-вторых, в задаче без социального контракта присутствует вероятностный характер условий и проверяемого предположения (например, «правило может быть

неверным»), а в задаче с социальным контрактом оно вводится однозначно и его истинность не подвергается сомнению. В-третьих, наблюдаются усиление связи между элементами предположения в задаче с социальным контрактом и менее содержательное описание в задаче без социального контракта (Cosmides, 1989).

В исследовании ЗВ Г. Гигеренцером (Gigerenzer, Hug, 1992) использовались две версии правила с социальным контрактом, но только одна из них содержала установку на поиск мошенника. Правило, которое требуется проверить, звучит так: «Если кто-то остается на ночлег в лагере, то он должен принести с собой связку дров из долины». Версии задач с мошенником и его отсутствием различаются рядом характеристик. В описательной задаче (без мошенничества) испытуемый находится в роли посетителя лагеря, цель которого — проверить верность предположения его друга, т.е. проверить гипотезу. В задаче с мошенничеством нужно представить себя охранником лагеря, следящим за соблюдением туристами правила. Также в версии с мошенником добавляется обоснование, которое усиливает связь между элементами проверяемого предположения («поскольку холодно и дрова на вершине не достать, нужно принести связку из долины»), в то время как в задаче без мошенника такое усиление не задается.

Анализ показывает, что задание правил невозможно без установки на поиск нарушителя, поскольку правило предполагает проверку критических случаев, которые ему не соответствуют, в то время как для гипотез принципиальна проверка самой теории (исходящей из нее гипотезы), а не случаев, ей отвечающих. Также правило социально по происхождению и прямо или косвенно будет включать социальный договор (выгоды и потери для несоблюдающего). Помимо этого, в версии задачи «Лагерь» с мошенником добавляется осмысленная связь каузального характера, которая переводит задачу на уровень внутренней согласованности. Таким образом, несмотря на различающиеся и даже противопоставляемые теоретические обоснования разной эффективности решения задач выбора, Л. Космидес и Г. Гигеренцер используют в своих модификациях предположения в форме гипотез, а в более эффективно решаемых вариантах — предположения в форме правил. Кроме того, в задачах с высоким процентом верных ответов уровень согласованности является внутренним.

Все это означает, что данные два похода хоть и по-разному, но могут служить обоснованием различия в эффективности решения ЗВ с правилами и гипотезами, а также частично лучшей эффективности при решении задач выбора с внутренним уровнем согласованности. Но эти теории смешивают данные различия с целым рядом других факторов, которые и обозначают как основные (социальный договор, проверка мошенничества и т.д.).

С целью прояснения результатов модификаций Л. Космидес и Г. Гигеренцера Н. Либерман и И. Клар (Liberman, Klar, 1996) отчасти выявили аспект отличия гипотез (вероятностный характер, наличие альтернатив) от правил. Однако исследователи сами смешали фактор выделения гипотез с другим аспектом теоретичности — уровнем согласованности предположения. Именно

этим можно объяснить внешне парадоксальный факт, что некоторые ЗВ с гипотезами решались не менее эффективно, чем задачи с правилами. Как раз из-за варьлируемой «несвязности» признаков в предположении лучше решались те задачи с гипотезами, в которых есть повышение уровня внутренней согласованности за счет введения дополнительных причинно-следственных связей. Например, в задаче сюжетной линии «Остров» в качестве каузальной связи выступает отношение между употреблением корня кассавы и избранным статусом членов племени, который обозначается наличием татуировки на лице.

Двумя факторами, выделяемыми теорией релевантности, можно объяснить в свою очередь лишь часть полученных в нашем исследовании различий, а вот существенную часть самих результатов сторонников теории релевантности вполне можно объяснить разными уровнями согласованности проверяемого предположения. Для примера разберем задачу «ложной дескриптивности», которая имеет высокий процент верных решений (Giroto et al., 2001).

Содержание задачи связано с таким изменением контекста, который при неизменности формулировки проверяемого предположения меняет внешнюю согласованность так, что приводит к проверке иного предположения. Предполагается войти в роль сотрудника турагентства, который спустя 20 лет работы захотел поехать в Восточную Африку. Когда он работал, то следил за соблюдением туристами правила о наличии прививки от холеры для получения разрешения на посещение этой страны. Однако сейчас из-за аллергии он не смог сделать такую прививку, но предполагал, что это правило могло быть отменено. С ним спорит начальник, убежденный в актуальности правила. Авторы описывают задачу как проверку утверждения босса, но с не меньшим основанием ее можно описать как проверку утверждения сотрудника турагентства: в инструкции обозначены они оба. Разница между этими вариантами в том, что для предположения босса не-р является опровержением, а для предположения агента — подтверждением. Такое смешение способно повлиять на рост процента правильных ответов, поскольку может быть следствием не только стремления опровергнуть, но и подтвердить (собственное предположение агента). При этом процент верных ответов (47%) существенно ниже, чем, например, для ответов на «истинную деонтическую» задачу (62%). Следовательно, вопреки основному выводу теории релевантности, задача выбора вполне является средством для исследования умозаключений и даже мышления, но не все формы задачи выбора и модификации контекста предоставляют одинаковые для этого возможности. В частности, для начальной цели исследования ориентации на опровержение наиболее подходящими являются ЗВ с гипотезами, а не правилами, поскольку опровержение при проверке правил не столько характеризует ориентацию на опровержение, сколько понимание самой проверки правил (модели проверки нарушения).

Если рассматривать дальнейшие перспективы исследования, то прежде всего можно отметить, что зависимость решения от уровней и форм согласованности предположения дает возможность использовать ЗВ в роли средства

исследования критического мышления. В наиболее широком понимании критическое мышление представляет собой систему разных способов контроля процесса и результата рассуждения на ошибочность для отбора верных вариантов решения задач (Халперн, 2000). Это соответствует и разрабатываемому в отечественной психологии понятию критичности мышления как направленности на проверку и корректировку своих действий, способности осознавать свои ошибки и т.п. (см., например: Тарасова, Орел, 2022). С учетом обобщения К. Поппером принципа фальсификации до «критического рационализма» более узкое понимание критического мышления подразумевает такое уточнение «проверки процесса и результатов мышления», которое осуществляется как проверка на опровержимость. Результаты исследований ЗВ поставили под сомнение связь этой задачи с критическим мышлением, поскольку более обыденные формы решались лучше, а абстрактные формы плохо решались даже профессиональными учеными (т.е. теми, кто должен лучше всех осваивать логику фальсификации). Объяснение всех этих результатов исследований с помощью уровней и форм согласованности предположения, а значит, разной степени включенности этого предположения в теории, дает возможность снова увязать ЗВ с критическим мышлением, правда, только в ЗВ с гипотезами.

Итак, все варианты конкретизации модификаций ЗВ (тема, практическая деятельность, социальный контракт и др.), с одной стороны, ошибочны в силу слишком узких и противоречащих друг другу объяснений, с другой стороны — имеют адекватные моменты как частный случай обозначения включенности в теорию. Это же объяснение связывает критическое мышление с теоретическим мышлением, поскольку объектом критики является не отдельное предположение, а теория, в рамках которой предположение было выдвинуто. Следовательно, для дальнейшего теоретического анализа важно конкретизировать понятие «теория» как введение не только каузальных, но и, например, функциональных связей между признаками предположения. Также интересным представляется выход на изучение в рамках ЗВ столкновения нескольких теорий, для которого уже требуется иная форма фальсификации предположения — использование модели критического эксперимента (согласно К. Попперу).

Выводы

Итак, мы убедились, что с повышением уровня согласованности предположения ЗВ возрастает эффективность решения этой задачи. Наиболее осмысленным из трех выделенных уровней согласованности предположения является уровень внутренней согласованности, где присутствует каузальная связь признаков предположения. Как в общем, так и по каждому из возможных уровней согласованности эффективность решения ЗВ с правилами выше, чем эффективность решения ЗВ с гипотезой. Правила или гипотезы как формы предположения задают разные стратегии его проверки.

Различие уровней согласованности и форм предположения позволяет объяснить результаты существенного количества экспериментов, осуществленных с позиций других теоретических объяснений успешности решения ЗВ. Таким образом, одним из наиболее эффективных вариантов разрешения проблемы лучшего решения конкретных форм ЗВ является учет включенности предположения в ту или иную теорию, что соответствует диалектической традиции раскрытия конкретности через теоретичность. В свою очередь это дает возможность интерпретировать критическое мышление в узком смысле (т.е. понимаемое как склонность к опровержению предположения) как такое, которое предполагает включенность проверяемого предположения в теоретическую систему.

Литература

- Зиренко, М. С., Корнилова, Т. В. (2020). Интеллект, мотивация и черты Большой пятерки в регуляции решения детерминистской задачи (П. Васона). *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 3–21. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.01.01>
- Кричевец, А. Н., Корнеев, А. А., Рассказова, Е. И. (2019). *Основы статистики для психологов*. М.: Акрополь.
- Лакатос, И. (2008). *Избранные произведения по философии и методологии науки*. М.: Академический проект; Трикста.
- Поппер, К. (1983). *Логика и рост научного знания*. М.: Прогресс.
- Поппер, К. (2008). *Предположения и опровержения. Рост научного знания*. М.: АСТ.
- Спирidonov, В. Ф., Пичугина, М. О. (2012). Исследование процесса решения и репрезентации задачи выбора П. Уэйзона. В кн. *Теоретические и прикладные проблемы психологии мышления. Труды Третьей конференции молодых ученых памяти К. Дункера* (с. 33–41). М.: РГГУ.
- Тарасова, К., Орел, Е. (2022). Измерение критического мышления студентов в открытой онлайн-среде: методология, концептуальная рамка и типология заданий. *Вопросы образования*, 3, 187–212. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-187-212>
- Халперн, Д. (2000). *Психология критического мышления*. СПб.: Питер.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Brase, G. L., Wesely A., & Brandner, J. L. (2023). Priming and personality predictors of social reasoning: Contrasting theory of mind, trust, HEXACO, and emotional intelligence. *Personality and Individual Differences*, 200, Article 111911. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111911>
- Cosmides, L. (1989). The logic of social exchange: Was natural selection shaped how humans reason? Studies with the Wason selection task. *Cognition*, 31(3), 187–276. [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(89\)90023-1](https://doi.org/10.1016/0010-0277(89)90023-1)

- Cosmides, L., Barrett, H. C., & Tooby, J. (2010). Adaptive specializations, social exchange, and the evolution of human intelligence. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, *107*(Suppl. 2), 9007–9014. <https://doi.org/10.1073/pnas.0914623107>
- Cox, J. R., & Griggs, R. A. (1982). The effects of experience on performance in Wason's selection task. *Memory & Cognition*, *10*(5), 496–502. <https://doi.org/10.3758/BF03197653>
- Evans, J. St. B. T. (2005). Deductive reasoning. In K. J. Holyoak & R. G. Morrison (Eds.), *The Cambridge handbook of thinking and reasoning* (pp. 169–209). Cambridge University Press.
- Francis, G., & Thunell, E. (2023). COVID-19 infection does not seem to affect cognition in college students. *Consciousness and Cognition*, *108*, Article 103464. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2023.103464>
- Gigerenzer, G., & Hug, K. (1992). Domain-specific reasoning: Social contracts, cheating, and perspective change. *Cognition*, *43*(2), 127–171. [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(92\)90060-U](https://doi.org/10.1016/0010-0277(92)90060-U)
- Giroto, V., Kimmelmeier, M., Sperber, D., & Van der Henst, J.-B. (2001). Inept reasoners or pragmatic virtuosos? Relevance and the deontic selection task. *Cognition*, *81*(2), 69–76. [https://doi.org/10.1016/S0010-0277\(01\)00124-X](https://doi.org/10.1016/S0010-0277(01)00124-X)
- Halpern, D. (2000). *Psikhologiya kriticheskogo myshleniya* [The psychology of critical thinking]. Saint Petersburg: Piter. (Original work published 1997)
- Hattersley, M., Brown, G. D. A., Michael, J., & Ludvig, E. A. (2022). Of tinfoil hats and thinking caps: Reasoning is more strongly related to implausible than plausible conspiracy beliefs. *Cognition*, *218*, Article 104956. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2021.104956>
- Hendrickson, A. T., Navarro, D. J., & Perfors, A. (2016). Sensitivity to hypothesis size during information search. *Decision*, *3*(1), 62–80. <https://doi.org/10.1037/dec0000039>
- Krichevets, A. N., Korneev, A. A., & Rasskazova, E. I. (2019). *Osnovy statistiki dlya psikhologov* [Basic statistics for psychologists]. Moscow: Akropol'.
- Lakatos, I. (2008). *Izbrannyye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected works on philosophy and methodology of science]. Moscow: Akademicheskii proekt; Trikssta.
- Lieberman, N., & Klar, Y. (1996). Hypothesis testing in Wason's selection task: social exchange cheating detection or task understanding. *Cognition*, *58*(1), 127–156. [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(95\)00677-X](https://doi.org/10.1016/0010-0277(95)00677-X)
- Murphy, G. L. (2002). *The big book of concepts*. Cambridge: MIT Press.
- Murphy, G. L., & Medin, D. L. (1985). The role of theories in conceptual coherence. *Psychological Review*, *92*(3), 289–316. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.92.3.289>
- Popper, K. (1983). *Logika i rost nauchnogo znaniya* [The logic and the growth of scientific knowledge]. Moscow: Progress. (Original work published 1934 in German)
- Popper, K. (2008). *Predpolozheniya i oproverzheniya. Rost nauchnogo znaniya* [Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge]. Moscow: AST. (Original work published 1963)
- Quillien, T. (2023). Rational information search in welfare-tradeoff cognition. *Cognition*, *231*, Article 105317. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2022.105317>
- Ragni M., Kola, I., & Johnson-Laird, P. N. (2018). On selecting evidence to test hypotheses: A theory of selection tasks. *Psychological Bulletin*, *144*(8), 779–796. <https://doi.org/10.1037/bul0000146>
- Sperber, D., & Giroto, V. (2002). Use or misuse of the selection task? Rejoinder to Fiddick, Cosmides, and Tooby. *Cognition*, *85*(3), 277–290. [https://doi.org/10.1016/S0010-0277\(02\)00125-7](https://doi.org/10.1016/S0010-0277(02)00125-7)
- Spiridonov, V. F., & Pichugina, M. O. (2012). *Issledovanie protsessa resheniya i reprezentatsii zadachi vybora P. Ueyzona* [Investigation of the process of the Wason selection task solving and representing]. In *Teoreticheskie i prikladnye problemy psikhologii myshleniya. Trudy Tret'ei konferentsii molodykh uchenykh pamyati K. Dunkera* [Theoretical and applied problems of the cognitive psy-

- chology. Proceedings of the 3rd Conference for young researchers in the memory of K. Dunker] (pp. 33–41). Moscow: RGGU.
- Tarasova, K., & Orel, E. (2022). Measuring students' critical thinking in online environment: Methodology, conceptual framework and tasks typology. *Voprosy Obrazovaniya [Educational Studies]*, 3, 187–212. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-187-212> (in Russian)
- Wason, P. C. (1960). On the failure to eliminate hypotheses in a conceptual task. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 12(3), 129–140. <https://doi.org/10.1080/17470216008416717>
- Wason, P. C., & Johnson-Laird, P. N. (1972). *Psychology of reasoning: Structure and content*. Cambridge: Harvard University Press.
- Zirenko, M. S., & Kornilova, T. V. (2020). Intelligence, motivation, and Big Five personality traits in regulation of decision making in the deterministic Wason selection task. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 1, 3–21. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.01.01> (in Russian)

Приложение 1

Формулировки задач сюжетной линии «Лагерь» по каждому из уровней согласованности и форм предположений

1. Формальная согласованность — отсутствие любой содержательной связи.

Пример задачи в форме гипотезы: «Если на одной стороне карточки ночлег в лагере, то на другой есть топинамбур. На одной стороне карточки указано место ночлега туриста, на другой — есть топинамбур или нет. Отметьте только те карточки из четырех, которые необходимо перевернуть для проверки верности предположения».

Предложены следующие карточки: ночлег в лагере, ночлег в долине, есть топинамбур, нет топинамбура.

2. Внешняя согласованность — отсутствие содержательной связи между признаками предположения, но наличие внешнего «контекста проверки».

2а. Пример задачи в форме гипотезы: «Представьте, что вы — член Альпийской ассоциации, который приехал с визитом в альпийский лагерь. Некоторые туристы собирают в долине топинамбур. Ваш друг сделал следующее предположение: “Если кто-то остается на ночлег в лагере, то он приносит с собой топинамбур”. Отметьте только те карточки, которые необходимо перевернуть для проверки верности предположения».

Предложены следующие карточки: ночлег в лагере, ночлег в долине, есть топинамбур, нет топинамбура.

2б. Пример задачи в форме правила: «Представьте, что вы — смотритель турбазы в Швейцарских Альпах. Вы должны следить за соблюдением следующего правила: “Если кто-то остается на ночлег в лагере, то он должен принести с собой топинамбур”. Отметьте только те карточки, которые необходимо перевернуть для проверки соблюдения правила».

Предложены следующие карточки: ночлег в лагере, ночлег в долине, есть топинамбур, нет топинамбура.

3. Внутренняя согласованность — наличие как внешней системы понятий, так и каузальной связи между признаками предположения.

За. Пример задачи в форме гипотезы: «Представьте, что вы — член Альпийской ассоциации, приехали с визитом в один альпийский лагерь. Вы видите, как некоторые туристы собирают в долине дрова. Ваш друг поделился наблюдением, что высоко в горах холодно и негде брать дрова для отопления. Возможно, поэтому туристы набирают дрова внизу в долине и несут их наверх. Исходя из этого, ваш друг сделал следующее предположение: “Если кто-то остается на ночлег в лагере, то он приносит с собой связку дров”. Отметьте только те карточки, которые необходимо перевернуть для проверки верности предположения».

Предложены следующие карточки: ночлег в лагере, ночлег в долине, есть дрова, нет дров.

Зб. Пример задачи в форме правила: «Представьте, что вы — смотритель турбазы в Швейцарских Альпах. В домике лагеря туристы могут остановиться на ночлег. Поскольку высоко в горах холодно и негде брать дрова для отопления, туристы должны набрать дрова внизу в долине и принести их наверх. Поэтому вы должны следить за соблюдением следующего правила: “Если кто-то остается на ночлег в лагере, то он должен принести с собой связку дров”. Отметьте только те карточки, которые необходимо перевернуть для проверки соблюдения правила».

Предложены следующие карточки: ночлег в лагере, ночлег в долине, есть дрова, нет дров.

THE DEVELOPMENT AND INITIAL VALIDATION OF THE SELF-REGULATED LEARNING STRATEGIES SURVEY FOR ELEMENTARY SCHOOL STUDENTS

D.R. AKHMEDJANOVA^a, E.G. LIZUNOVA^a

^a*HSE University, 20 Myasnikitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Разработка и первоначальная апробация опросника стратегий саморегулируемого обучения для учащихся начальной школы

Д.Р. Ахмеджанова^а, Е.Г. Лизунова^а

^a*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Abstract

Self-regulated learning (SRL) refers to the processes of setting goals, monitoring progress, selecting learning strategies, and revising learning goals. Research evidence shows positive associations between SRL and academic achievement, motivation, well-being, and other constructs. The purpose of this paper is to establish the initial evidence of the construct validity of the SRL Strategies survey for elementary school students. The SRL Strategies survey includes 12 items, focusing on the strategies of environment, time, and learning management ranging from 1

Резюме

Саморегулируемое обучение относится к процессам постановки целей, отслеживания прогресса, выбора стратегий и пересмотра целей обучения. Многочисленные данные исследований показывают положительную связь между саморегуляцией обучения и академической успеваемостью, мотивацией, благополучием и другими конструктами. В статье представлены первоначальные результаты апробации опросника стратегий саморегуляции обучения (опросник СПО). Опросник стратегий саморегуляции обучения включает 12 пунктов, посвященных стратегиям организации среды, времени и обучения по шкале Ликерта в диапазоне от 1 (почти никогда) до 4 (почти всегда). В исследовании

This article is an output of the research project “Longitudinal study of school failure” (2022–2024) implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) <https://www.hse.ru/org/projects/834293129>

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ: проект «Лонгитюдное исследование факторов, влияющих на школьную неуспешность» (2022–2024) <https://www.hse.ru/org/projects/834293129>

(almost never) to 4 (almost always) on a Likert-type scale. The unified validity framework (Messick, 1995) was used to conduct the validation study by collecting content, internal structure, convergent, discriminant, and response process evidence. The application of classical test theory (CTT) using exploratory and confirmatory factor analyses, reliability estimates, and Pearson's correlations on a sample of 1,877 fourth graders provided initial evidence of construct validity by suggesting a one-factor model, which was confirmed on another sample of elementary school students ($n = 317$). The additional item response theory (IRT) analyses provided evidence of differential item functioning for Items 2, 5, and 6 based on student gender, but not on location. Combined evidence from CTT and IRT analyses resulted in acceptable properties of the combined one-factor SRL Strategies survey ($\alpha = 0.83$; $\omega_h = 0.71$, $\omega_t = 0.85$). As a result, the SRL Strategies survey can be recommended for the use by researchers and practitioners.

Keywords: self-regulated learning, SRL, validity, reliability, exploratory factor analysis, confirmatory factor analysis, item-response theory.

Diana R. Akhmedjanova — Assistant Professor, Institute of Education, HSE University, PhD.

Research Area: self-regulated learning; socially regulated learning; metacognition; self-efficacy; motivation; academic writing.

E-mail: dakhmedjanova@hse.ru

Evgenia G. Lizunova — Master Student, Institute of Education, HSE University.

Research Area: self-regulated learning, measurement, statistics.

E-mail: elizunova@edu.hse.ru

использовалась единая система оценки валидности (Messick, 1995), которая позволила провести анализ валидности, основываясь на содержательных, конвергентных и дискриминантных доказательствах, включая внутреннюю согласованность опросника. Применение методов классической теории тестирования (КТТ) с использованием эксплораторного и конфирматорного анализа, а также оценка надежности и корреляции Пирсона на выборке 1877 четвероклассников предоставили первоначальные доказательства валидности опросника СРО, предложив однофакторную модель. Однофакторная модель опросника стратегий саморегулируемого обучения была подтверждена на другой выборке учеников начальной школы ($n = 317$). Дополнительный анализ с применением современной теории тестирования выявил дифференцированное функционирование утверждений 2, 5 и 6 в зависимости от пола учащихся. Схожий анализ не выявил дифференцированное функционирование утверждений в зависимости от места проживания. Совокупные данные показали приемлемые свойства однофакторного опросника стратегий саморегулируемого обучения ($\alpha = 0.83$; $\omega_h = 0.71$, $\omega_t = 0.85$). Таким образом, опросник может быть рекомендован для использования в исследованиях и педагогической практике.

Ключевые слова: саморегуляция обучения, валидность, надежность, эксплораторный факторный анализ, конфирматорный факторный анализ, современная теория тестирования.

Ахмеджанова Диана Рафаильевна — доцент, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», PhD.

Сфера научных интересов: саморегуляция обучения, социальная регуляция обучения, метакогниция, самооэффективность, мотивация, академическое письмо.

Контакты: dakhmedjanova@hse.ru

Лизунова Евгения Геннадьевна — студент магистратуры, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: саморегуляция обучения; психометрика; статистика.

Контакты: elizunova@edu.hse.ru

Acknowledgments

We would like to express our gratitude to A.A. Bochaver, K.N. Polivanova, and R.M. Bayramyan for their assistance during the scale development process and to two anonymous reviewers for their constructive

Благодарности

Выражаем благодарность А.А. Бочавер, К.Н. Поливановой, Р.М. Байрамян за помощь в разработке опросника, а также двум анонимным рецензентам за конструктивную обратную связь на начальных этапах написания статьи.

The federal state educational standards for primary and secondary education in Russia emphasize the development of meta-subject skills. The meta-subject skills outlined in the standards include students' abilities to set and achieve learning goals, and select and use available resources and strategies to attain those goals, to interact and cooperate with other participants of the learning process, and hone their reflective skills to understand the reasons for their learning successes and failures. The meta-subject skills resonate with self-regulated learning.

Self-regulated learning (SRL) is a construct well-researched both in Russian and foreign scholarly literature (Morosanova & Bondarenko, 2015; Leontiev, 2012; Panadero, 2017; Zimmerman & Schunk, 2011; Zinchenko & Morosanova, 2020). Russian and international scholars agree that SRL includes the processes of goal setting, monitoring, and reflection while working on learning tasks (Fomina, 2022; Morosanova & Bondarenko, 2015; Vilkova, 2020; Zimmerman & Schunk, 2011). Numerous research studies have indicated positive effects of SRL on the academic achievement of students across age groups, abilities, and educational settings (Dignath & Büttner, 2008; Dent & Koenka, 2016). SRL skills are measured using various research tools and methods, including surveys (Morosanova & Bondarenko, 2015; Wolters & Won, 2017), think-aloud protocols (Greene et al., 2017), microanalytic techniques (Cleary & Callan, 2017), and trace data (Bernacki, 2017).

Self-report surveys is the most prevalent way to measure SRL skills (Wolters & Won, 2017). There are several validated SRL questionnaires, such as the *Motivated Strategies for Learning Questionnaire* (MSLQ; Pintrich et al., 1993), the *Learning and Study Strategies Inventory* (LASSI; Weinstein et al., 2016), and the SRL survey within the suite of *Diagnostic Assessment and Achievement of College Skills* (DAACS; Lui et al., 2018). In the Russian context, Morosanova and colleagues (Morosanova & Bondarenko, 2015, 2017) have developed and validated the *Self-Regulation Profile Questionnaire* (SRPQM).

While a plethora of SRL tools exist, many of them are not developed to measure SRL skills in elementary school settings (Lui et al., 2018; Pintrich et al., 1993; Vilkova, 2020). The SRQPM was used to measure SRL skills in samples of elementary school students with varying degrees of success (Morosanova & Bondarenko, 2015, 2017). The SRQPM consists of 67 items and measures ten SRL subdomains, including goal setting, flexibility, autonomy, and social desirability, to name a few. While the subdomains cover many SRL domains, it might be difficult for young children to reflect on these domains and provide objective responses. As a result, we have developed a short SRL survey (12 items) targeting concrete strategies of

managing time, environment, and learning, which are represented in other surveys and practitioner-oriented literature (Pintrich, 2004; Seli & Dembo, 2020). We believe that the strategies reflected in the SRL survey might be translated into actionable and easy-to-implement practices for younger students.

Irrespective of the methods, data collected using any instrument to measure SRL skills should demonstrate evidence of validity and reliability (American Educational Research Association et al., 2014; Kane, 2006; Messick, 1995). Therefore, the main purpose of this study is to provide initial evidence of validity and reliability of the inferences made based on the SRL Strategies survey for elementary school students. Before delving into the examination of the validity evidence, it is important to understand the current state of the SRL research.

Literature Review

Self-regulated learning includes such processes as (a) setting goals for learning; (b) monitoring progress; (c) adjusting learning strategies; and (d) revising goals (Andrade et al., 2021; Morosanova & Bondarenko, 2015; Pintrich, 2004; Winne, 1995; Zimmerman & Schunk, 2011). SRL includes multiple psychological, motivational, affective, and cognitive processes working together to facilitate the achievement of learning goals (Andrade et al., 2021).

SRL and its components have been extensively researched over the last three decades, generating numerous definitions, models, and theories (Fomina, 2022; Panadero, 2017; Pintrich, 2004; Zimmerman & Schunk, 2011). Research studies provide compelling evidence that learners tend to regulate their learning, and effective SRL is related to the academic achievement of students across ages, domains, abilities, and educational settings (Dent & Koenka, 2016; Dignath & Büttner, 2008; Xu et al., 2023; Zinchenko & Morosanova, 2020). Numerous intervention studies show that SRL has the properties of a skill, and it is teachable (Xu et al., 2023). However, learners need enough scaffolding to become proficient in SRL. SRL interventions have been developed and applied across domains, including math, science, reading, writing, and history (Dignath & Büttner, 2008; Dent & Koenka, 2016). Recently, the focus has shifted to promoting SRL skills in online learning environments (Azevedo et al., 2017; Greene et al., 2015; Vilkova, 2022; Wong et al., 2019; Xu et al., 2023). Research studies on the effectiveness of SRL interventions based on the cumulative meta-analytic evidence with traditional and online learning environments suggest that SRL interventions result in improved academic performance of elementary school students (Dignath & Büttner, 2008; Xu et al., 2023).

To measure and understand the manifestations of SRL skills, a few theoretical models have been developed and proposed (Panadero, 2017). This study is informed by the *Model of Self- and Socially Regulated Learning* (Akhmedjanova, 2024b), which is grounded in the social cognitive theory (Bandura, 1985) and the sociocultural theory of cognitive development (Vygotsky, 1983).

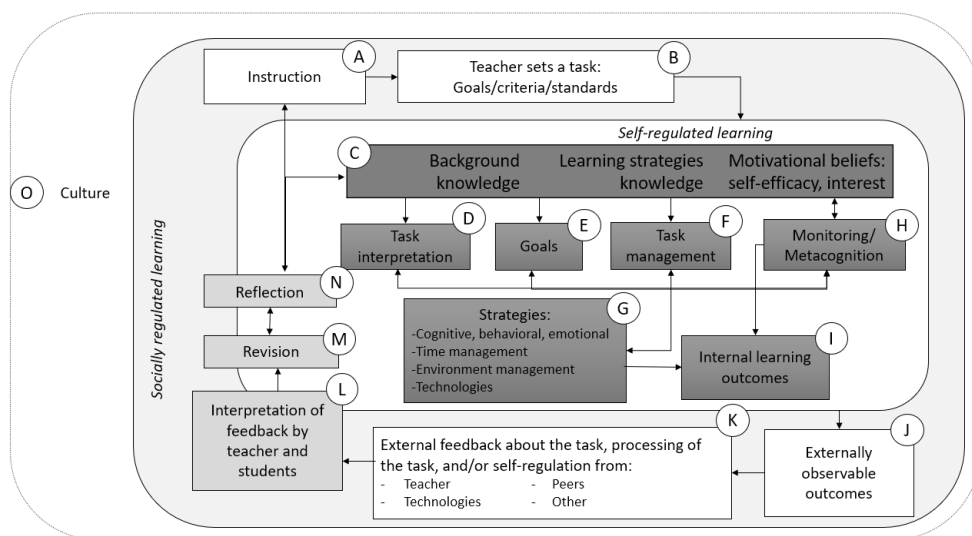
Theoretical framework

The *Model of Self- and Socially Regulated Learning* (Akhmedjanova, 2024b; Figure 1) is divided into three main sections: self-regulated learning (C–I, L–N), socially regulated learning (A–B, J–L), and culture (O). Instructional techniques (A–B) and formative assessment procedures (J–L), primarily feedback, are examples of socially regulated learning. Socially regulated learning (SoRL) refers to the processes of the goal setting, progress monitoring, and reflection, but in cooperation with other people, technologies, or resources (Andrade et al., 2021). Self-regulated learning includes students’ background knowledge and motivational beliefs that lead to their decisions of which strategies to use to complete the task (C–I, M–N). Finally, culture (O) places both SRL and SoRL in a sociocultural setting.

The model in Figure 1 combines socially and self-regulated learning processes. However, this study focuses only on the environmental and time management, learning strategies, and self-efficacy beliefs in the domains of mathematics and reading. As a result, the survey includes the cognitive and behavioral strategies (G) and a motivational sub-process of self-efficacy (C) of SRL shown in Figure 1. The choice of the strategies outlined above stems from targeting a sample of elementary school students whose abstract thinking is still developing at this age (Uytun, 2018). It is easier for elementary school students to reflect on their confidence in solving a math problem while doing homework in a quiet room rather than reflecting on how much they have learned in a single lesson. Before describing the development and content of the SRL survey used in this study, it is worth examining SRL surveys developed in Russia and abroad.

Figure 1

Model of Self- and Socially Regulated Learning

Existing SRL surveys

Several surveys have been developed to measure SRL skills. For example, the *Motivated Strategies for Learning Questionnaire* (MSLQ; Pintrich et al., 1993) is one of the most widely used surveys to measure SRL skills. MSLQ is a Likert-type scale ranging from 1 (not at all true of me) to 7 (very true of me), which includes 81 questions. The MSLQ consists of two subscales: (1) motivation orientation and (2) learning strategies. The motivation orientation subscale evaluates students' values, expectancies, and affective beliefs; the learning strategies subscale measures cognitive, metacognitive, and resource management strategies. The validity study using EFA and CFA demonstrated the evidence of internal structure and acceptable reliability estimates across all subscales ($\alpha > 0.7$).

Another instrument for measuring SRL is the *Learning and Study Strategies Inventory* (LASSI; Weinstein et al., 2016). The third edition of LASSI contains 60 Likert-type items ranging from 1 (not at all typical of me) to 5 (very much typical of me). LASSI includes ten subscales: attitude, motivation, task management, anxiety, concentration, information processing, selecting main ideas, study aids, self-testing, and test strategies. The validity study demonstrated Cronbach's alphas from 0.76 to 0.87 for each subscale (Ibid.).

Yet another instrument that was developed to measure the college preparedness of first-year students is the SRL survey embedded in DAACS (Lui et al., 2018). DAACS SRL survey is a self-report measure that includes 47 Likert-type items ranging from 1 (strongly disagree) to 5 (strongly agree). The survey assesses motivation (anxiety, mastery orientation, mindset, and self-efficacy), metacognition (planning, monitoring, and evaluation), and strategies for learning (help-seeking, managing environment, managing time, and strategies for understanding). The results of EFA and CFA provided evidence of the internal structure of the survey, and reliability analyses provided good internal consistency of subscales ($\alpha = 0.79$ to 0.91).

Finally, Morosanova and colleagues have developed *Morosanova's Self-Regulation Profile Questionnaire* (SRPQM; Morosanova & Bondarenko, 2017; Zinchenko & Morosanova, 2020). The original scale includes 67 items across ten subscales, and the recent edition has introduced a 28-item version of SRPQM, which includes seven subscales: (1) regulatory-personal characteristics such as goal planning, modelling of significant conditions, programming of actions, and results evaluation, and (2) regulatory-personal characteristics such as flexibility, reliability, and insistency, which also collapse into a general factor of self-regulation (Morosanova & Bondarenko, 2015). SRL is measured on a five-point Likert scale ranging from 1 (strongly disagree) to 5 (strongly agree). The internal consistency analyses indicated good estimates ($\alpha = 0.60$ to 0.83).

The MSLQ, LASSI, DAACS, and SRPQM SRL surveys were mostly developed for estimating college students' abilities and were researched based on a sample of older children and students. Even though Morosanova and colleagues (2015) tried measuring SRL of younger children, they concluded that surveys do not work as expected with children younger than 9 years old. As a result, there is a research gap

in assessing SRL in primary schools. To close this research gap, the SRL scale for elementary school children was developed.

To understand the quality of measurement instruments, it is necessary to establish evidence of validity and reliability. The SRL survey for elementary school students should have appropriate psychometric properties to draw valid and reliable inferences based on the data collected using the instrument (American Educational Research Association et al., 2014). In the following section, we provide an overview of the validity and reliability theoretical framework that informed this study. Next, we report on the development of the SRL survey, followed by the results of the validation study.

Validity and reliability

The SRL survey was validated within the unified validity framework (Messick, 1995; Kane, 2006). The standards for educational and psychological testing also state that construct validity requires evidence from multiple sources to support the claims and intended uses of measurement instruments (American Educational Research Association et al., 2014). Claims about evidence of validity are a joint function of the quality of the instrument, and how the data collected are interpreted and used for specific purposes. The AERA, APA, and NCME joint standards (Ibid.) outline five sources of validity evidence, such as content, response processes, internal structure, relations with other variables, and consequences of testing. Validity evidence cannot be fulfilled without examining reliability or the internal consistency of the scale (American Educational Research Association et al., 2014; Messick, 1995).

In this study, we assume that the SRL survey includes the processes of environment and time management, use of strategies for learning, and help-seeking by elementary school students. To examine this assumption, we pose the following research questions:

1. What is the evidence of validity based on content of the SRL survey?
2. What is the evidence of validity based on the internal structure of the SRL survey?
3. What is the evidence of validity based on the relations of the SRL survey with other variables?
4. What is the evidence of reliability of the SRL survey?
5. What is the evidence of the response processes of the SRL survey?

That is, this paper attempts to provide evidence of construct validity of the SRL survey by examining: (1) content representation by describing the development of the scale; (2) evidence of the internal structure based on factor analyses; (3) relationships with other variables by collecting convergent and discriminant evidence; (4) reliability by examining the internal consistency of the scale; and (5) response processes by examining differential item functioning by student gender and location.

Evidence Based on Survey Content

According to the best practices of instrument development, it should take place in three phases: (1) operationalization of the construct; (2) pilot testing and scale development; and (3) survey model confirmation (Johnson & Morgan, 2016).

Operationalization of SRL. A group of experts in self-regulated learning, assessment, child, and instrument development examined available SRL scales, such as MSLQ (Pintrich et al., 1993), LASSI (Weinstein et al., 2016), DAACS SRL survey (Lui et al., 2018), and SRPQM (Morosanova & Bondarenko, 2017; Zinchenko & Morosanova, 2020), to identify subscales and possible items. Given the young age of the study participants and compelling evidence from neuropsychological studies showing that abstract thinking and analyzing skills are still developing in elementary school children (Uytun, 2018), we decided to select specific behavioral and cognitive strategies that are typical for children of this age. In addition, we consulted the federal state educational standards to make sure that SRL subscales and items align with the meta-subject skills outlined in the standards.

The examination of existing SRL scales, federal educational standards, and children's age resulted in the generation of the environment (4 items) and time management (4), learning strategies (7), and help-seeking (4) strategies of the SRL survey, which correspond with strategies (G) in Figure 1. To identify learning strategies to include in the corresponding subscale, we used the study of Dunlosky and colleagues (2013), who made a list of the ten most effective learning strategies in educational settings. We selected only seven strategies out of ten such as practice testing, distributed practice, self-explanation, rereading, summarization, highlighting, and imagery for text, because they are age-appropriate and more likely to be taught and modeled by teachers, parents, and peers.

Pilot testing and scale development. Before the data collection started, the initial cognitive laboratory was conducted with two fourth grade students resembling the demographic characteristics of the target population to check for the readability and understanding of items on the SRL scale. Feedback from these students allowed us to wordsmith some of the items to make them more age-appropriate and clear. Further, the SRL survey was embedded in the project examining the factors related to school failure. The results of the scale development and pilot testing are reported in the following sections by combining the methods of classical test theory (CTT) and item response theory (IRT), followed by the survey model confirmation on a sample of elementary students from another setting.

Methods

Study design. This study is a longitudinal project using a mixed-methods design to examine factors related to the academic failure of schoolchildren in the region of Nizhny Novgorod in Russia (<https://ioe.hse.ru/failure-factors/>). The first wave of data was collected in urban and rural public schools in the fall 2022. Data were collected from Grade 1 and 4 students, their parents, and teachers. For the purposes of this study, we used the survey data from the fourth-grade students.

Sample. The initial sample included 2,661 responses from fourth graders (50% girls). After excluding responses with missing data, the final sample included 1,877

students (50.4% girls, $n = 947$)¹. Many students come from a large city ($n = 1,209$), followed by small towns ($n = 523$) and rural areas ($n = 145$).

An additional sample used for the survey model confirmation included 317 elementary students from one of the schools in Moscow (45.74% girls, $n = 145$) from third ($n = 89$), fourth ($n = 74$), fifth ($n = 45$), and sixth grades ($n = 109$) between the ages of 9 and 13 ($M = 10.89$, $SD = 1.33$).

Instruments. The proposed SRL scale includes the subscales of environment management (4 items), time management (4), learning strategies (7), and help-seeking (4), using a Likert-type scale (4 – almost always, 1 – almost never). An example item: “*I plan when I am going to do my homework*”.

The self-efficacy surveys for mathematics (4 items) and reading (4 items) use a Likert-type scale (4 – I can do it well, 1 – I cannot do it at all). According to Albert Bandura (2006), self-efficacy is domain-specific, which is why separate self-efficacy scales were developed for mathematics and reading (Akhmedjanova, 2024a). An example item: “*Can you solve a math problem?*”. The internal consistency for both scales was good: $\alpha_{\text{math}} = 0.8$; $\omega_{\text{math}} = 0.81$ and $\alpha_{\text{read}} = 0.78$; $\omega_{\text{read}} = 0.8$.

The survey of subjective well-being in school (SSWBS) was used to measure the well-being of fourth graders (Kanonire et al., 2020). The SSWBS includes the subscales of satisfaction with school (7 items), affect toward school (3), well-being related to communication with peers (12), and subjective physical well-being (2) on a Likert-type scale ranging from 1 (no) to 4 (yes). The reliability indices revealed appropriate estimates ($\alpha = 0.87$; $\omega = 0.89$).

Procedures. After receiving approval from the HSE University’s Ethics Committee (#19), the data collection took place online in 40 public schools. Parents were informed about the purpose of the study and signed online consent forms, and children provided their assent to participate in this study.

Data analyses. The data analyses were conducted in R. The missing data analyses were done using the *mice* package (van Buuren et al., 2023). The EFA analysis was performed in the *psychometric* package (Fletcher, 2023), and the CFA analysis in *lavaan* (Rosseel et al., 2023). The *psych* package (Revelle, 2023) was used to run Pearson r correlation analyses and identify Cronbach’s alpha and McDonald’s omega reliability estimates. The IRT analyses were conducted in the *eRm* (Mair et al., 2023), *ltm* (Rizopoulos, 2022) and *lordif* (Choi, 2022) packages.

Missing data. The missing data analyses revealed various degrees of missing data depending on the variable ranging from 0% for students’ location to 21% for the variable of subjective well-being. The Pearson’s chi-squared test generated large p -values, which suggested that there was no association between missingness on the items for the SRL survey, self-efficacy for math and reading, subjective well-being, and the observed values of the student’s gender and location. Additionally, the results indicated that the missingness mechanism was not systematic, and missing values were possibly missing completely at random (MCAR). Therefore, it was

¹ We do not report the age of students in this sample because we did not ask our participants to report on their age due to a rather long survey. We had to make hard choices on what questions to include. All students attended Grade 4 and must have been between 9 and 10 years old.

decided to use listwise deletion, which resulted in deleting 784 cases with missing values and reducing the sample size to 1,877 observations that were used and sufficed for further analyses.

Results

Evidence Based on Internal Structure

To address the second research question, EFA and CFA were conducted.

Exploratory Factor Analysis (EFA)

Since the self-regulated learning survey was developed specifically for the purposes of this study, both EFA and CFA were used to identify the factor structure. The sample ($n = 1,877$) was randomly split into equal parts, and we conducted EFA using 938 observations followed by CFA ($n = 939$). The EFA was conducted on the original 19 items of the SRL survey, and the CFA allowed for verification of the factor structure proposed by the EFA. As a result, the factor analyses contributed to validity evidence by suggesting a parsimonious model to identify the internal structure of the survey (Boateng et al., 2018).

As the first step of EFA, the correlations and assumptions of factorability and sphericity were checked. The inter-item correlations indicated small to medium positive and negative correlations among items ranging from -0.21 to 0.54 . As expected, items within the same domains were more highly correlated with each other than with items from other domains. The negative correlations were mostly detected between the items in the domains of environment management and help-seeking. The Kaiser Meyer Olkin (KMO) factor adequacy overall estimate was 0.89 , and the estimates for each item ranged from 0.67 to 0.93 . The KMO estimates suggested that factor analysis could be performed since KMO estimates equal to or larger than 0.60 are adequate for conducting factor analysis (Dziuban & Shirkey, 1974). The estimates of the Bartlett test of sphericity also suggested that a factor analysis was appropriate for this dataset, $\chi^2(171) = 3560.48, p < 0.001$.

The factor structure, based on eigenvalues and scree plots of the principal axis factor analysis, suggested a three-factor model. A separate parallel analysis suggested four factors. The three- and four-factor models were analyzed using oblique rotation. While both models resulted in good model fit indices (Table 1), the graphs showed cross-loadings of items from environment and time management subscales on the subscale of learning strategies. Therefore, it was decided to check two- and one-factor solutions. While the model fit estimates of the one-factor model indicated an acceptable fit, the model explained 86% of the proportion of variance. In comparison, the four-factor model explained only 48% of variance. Given the evidence of cross-loadings, conceptual understanding that items focus on strategies (time, environment, and learning), and low item loadings, the resulting SRL scale includes only one factor that combines the strategies of learning, time, and environment management (Table 2).

Table 1

Model Fit Indices based on EFA Models ($n = 938$)

Model	χ^2	df	p	TLI	RMSEA	RMSR
4 factors	167.78	101	< .001	0.97	0.03	0.02
3 factors	245.96	117	<.001	0.94	0.03	0.03
2 factors	414.95	134	<.001	0.89	0.05	0.04
1 factor	808.33	152	<.001	0.78	0.07	0.07

Note. TLI – Tucker–Lewis Index, RMSEA – root mean square error of approximation, RMSR – root mean square of the residuals.

Table 2

Reliabilities and Item Level Estimates for the SRL survey ($n = 939$)

	Self-regulated survey: Strategies	Item loadings	Mean (SD)	Item–total correlation	ITC if item is dropped
1.	I do homework in a quiet room.	0.41	3.2 (0.97)	0.45	0.33
2.	I am distracted by my phone, toys, videos, and internet when I do my homework at home.	0.37	3.0 (0.98)	0.43	0.31
3.	I plan my tasks for the whole week.	0.58	2.5 (1.0)	0.59	0.49
4.	I follow my schedule.	0.61	2.7 (1.0)	0.62	0.52
5.	I can plan when to do my homework.	0.67	2.9 (1.0)	0.67	0.57
6.	I study even if I do not have homework for tomorrow.	0.62	2.2 (0.99)	0.61	0.51
7.	I study before tests.	0.62	2.7 (1.05)	0.62	0.52
8.	I look through my previous notes to understand new topics.	0.72	2.8 (0.96)	0.68	0.60
9.	I try to explain in my own words what I read or learned in class.	0.65	2.9 (0.95)	0.62	0.52
10.	I summarize what I read.	0.64	2.8 (0.98)	0.62	0.53
11.	I reread the text several times to understand it better.	0.61	3.1 (0.94)	0.60	0.50
12.	I draw schemes or graphs when I learn something new.	0.53	2.4 (1.08)	0.55	0.43

Note. McDonald's $\omega_{a_1} = 0.71$, McDonald's $\omega_{a_2} = 0.85$, Cronbach's $\alpha = 0.83$.

Confirmatory Factor Analysis (CFA)

The CFA analysis was conducted on the second half of the sample ($n = 939$) to examine the one-factor structure. The diagonally weighted least squares (DWLS) estimator was used to estimate the model parameters due to the ordinal nature of the SRL survey. The CFA indicated an excellent model fit, $\chi^2(54) = 141.37$, $p < 0.000$,

CFI = 0.99, TLI = 0.99, RMSEA = 0.04, SRMR = 0.04. The χ^2/df coefficient resulted in an estimate of 2.62. Table 2 reports on the item-level statistics.

For the purposes of survey model confirmation (Johnson & Morgan, 2016), the survey was checked on a different sample of elementary school students. The CFA indicated an acceptable model fit, $\chi^2(54) = 116.32, p < 0.000$, CFI = 0.97, TLI = 0.96, RMSEA = 0.06, SRMR = 0.07. The χ^2/df coefficient resulted in an estimate of 2.15.

Evidence Based on Relations to Other Variables

Establishing convergent evidence requires measuring the same construct using a different instrument (American Educational Research Association et al., 2014). In this project, we did not measure SRL using other scales. Instead, convergent and discriminant evidence was examined using the raw scores collected with the help of the surveys of subjective well-being in school, self-efficacy for mathematics and for reading because research evidence suggests close links among these constructs (Céspedes et al., 2021; Chu et al., 2020; Schunk & DiBenedetto, 2016).

The correlations of subscales of well-being, self-efficacy for mathematics, and self-efficacy for reading had statistically significant positive correlations with the SRL scale ranging from 0.19 to 0.49 (Table 3), which provides some convergent and discriminant evidence of validity. The correlation estimates between self-efficacy for mathematics and reading and SRL were significant and positive yet weak, suggesting that they are related but measure different constructs. The only correlation approaching a moderate estimate (0.49) was observed for the subscale of satisfaction with school, showing a stronger relationship and providing preliminary convergent evidence. Other subscales of well-being such as affect toward school, relations with peers, and physical well-being showed positive, significant, yet weak correlations with SRL and serve as discriminant evidence of validity. These results

Table 3

**Correlations among Subscales of SRL Survey, Self-Efficacy, and Subjective Well-Being
($n = 1,877$).**

	1	2	3	4	5	6	7
1. SRL	1						
2. SE math	0.19***	1					
3. SE reading	0.31***	0.57***	1				
4. Satisfaction	0.49***	0.23***	0.24***	1			
5. Affect	0.45***	0.17***	0.23***	0.61***	1		
6. Peers	0.41***	0.23***	0.26***	0.51***	0.44***	1	
7. Physical WB	0.39***	0.19***	0.20***	0.42***	0.40***	0.33***	1
Mean (SD)	2.75 (0.59)	3.02 (0.66)	2.76 (0.63)	3.34 (0.51)	2.78 (0.62)	2.88 (0.41)	3.62 (0.91)

*** $p < 0.0001$.

suggest that all constructs relate to each other positively with varying degrees of strength, meaning that as SRL increases so does self-efficacy and well-being; however, we can observe the prevalence of discriminant evidence of validity.

Evidence Based on Reliability

The reliability analysis was performed by estimating both Cronbach's alpha and McDonald's omega, which provide complimentary and robust evidence of the internal consistency of the scales (Deng & Chan, 2017). The reliability indices of the whole SRL scale are good, $\alpha = 0.83$; $\omega_h = 0.71$, $\omega_t = 0.85$. The estimates used for the model confirmation on another sample of elementary students ($n = 317$) also provided acceptable coefficients, $\alpha = 0.78$; $\omega_h = 0.56$, $\omega_t = 0.81$.

Evidence Based on Response Processes

The IRT analysis was conducted on 12 items of the SRL Strategies scale to examine the quality of each item and check evidence of rating scale category functioning.

The Graded Response Model was used to estimate the parameters since the Likert-type response scale was ordinal in nature (Samejima, 1969). Both constrained (the discrimination parameter remains the same across all items) and unconstrained (each item has its own discrimination parameter) models were evaluated, which resulted in a significant difference between two models ($p < 0.001$). The unconstrained model indicated a better fit to the data, and therefore was used for further analyses.

The assessment of the model indicated an adequate model fit, ($M_2 = 345.18$, $df = 54$, $p < 0.0001$, $RMSEA = 0.05$, $TLI = 0.96$, $CFI = 0.97$). The initial examination of the discrimination parameter (Table 4) indicated that most items fell within the

Table 4

Item Fit Statistics

Item number	S- χ^2	df	p	a	b1	b2	b3
I1	110.65	81	0.02	0.80	-3.35	-1.73	-0.15
I2	125.19	82	0.002	0.73	-3.18	-1.62	0.72
I3	80.23	71	0.21	1.25	-1.38	0.11	1.42
I4	91.39	73	0.07	1.23	-1.88	-0.45	0.98
I5	82.56	70	0.14	1.43	-1.78	-0.63	0.47
I6	65.35	65	0.46	1.49	-0.86	0.54	1.66
I7	88.33	67	0.04	1.57	-1.31	-0.17	0.94
I8	54.19	60	0.69	2.11	-1.57	-0.32	0.78
I9	109.71	66	0.001	1.61	-2.02	-0.68	0.64
I10	83.50	68	0.09	1.51	-1.71	-0.36	0.96
I11	91.50	70	0.04	1.38	-2.22	-0.94	0.48
I12	65.64	71	0.66	1.17	-1.09	0.36	1.45

acceptable range between 0.5 and 2 (De Ayala, 2013). As a next step, the item response category characteristics curves (ICCC) were examined for each of the 12 items to assess the discrimination parameter. All items indicated acceptable discrimination and likelihood of selecting one of the four available category responses (4 – almost always, 1 – almost never). Further analyses of the Test Information Function revealed that the survey estimates the attribute of SRL strategies in the range between -2.88 and 2 , which also corresponds with the accepted range for the attribute parameter between -3.00 and 3.00 .

The item functioning was also measured by using the generalization of Orlando and Thissen's (2003) $S-\chi^2$ item-fit statistic for polytomous data, which shows the similarity of estimates between the predicted and observed response frequencies for each item. Statistically significant estimates ($p < 0.01$) suggest that the model does not fit the data (Toland, 2014). Table 4 shows that Items 2 and 9 show statistically significant $S-\chi^2$ values $p < 0.01$. The threshold parameters ($b_1 - b_3$ in Table 4) cover a wide range of latent trait across all items but Item 1, which covers the range of responses at the lower end of the latent trait.

The final research question examined whether the items function differently depending on student's gender and location. A separate differential item functioning was performed by gender, followed by location using the ordinal logistic regression combined with IRT in *lordif* R package (Choi, 2022). The analysis by gender using Chi squared criterion (Ibid.) revealed that Items 2, 5, and 6 function differently depending on students' gender. However, the R^2 estimates for each of the items were low, for instance, for Item 5: $R_{12}^2 = 0.0027$. Examination of the graphs by gender indicated slight differences both for attribute distribution by male and female (Figure 2) and comparison of test characteristics curves across all items and only for differentially functioning items (Figure 3). Figure 4 shows responses of females and males adjusting for the differential functioning on three items. The graph suggests that some female students with aptitude ranging from -1 to 2 are more likely to select lower response categories than higher ones. The opposite is

Figure 2

Differential Trait Distribution between Male and Female Students ($n = 1877$)

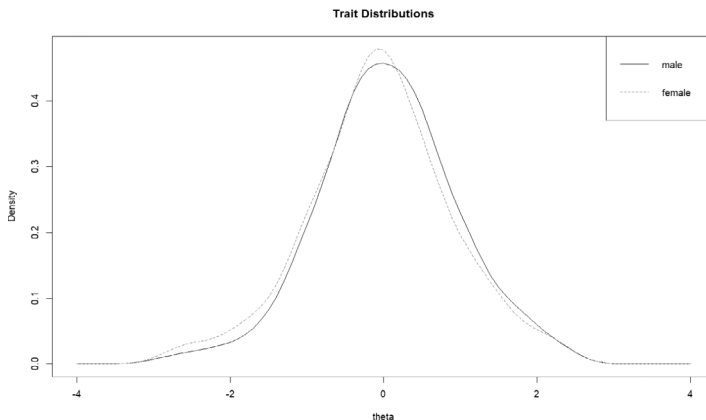
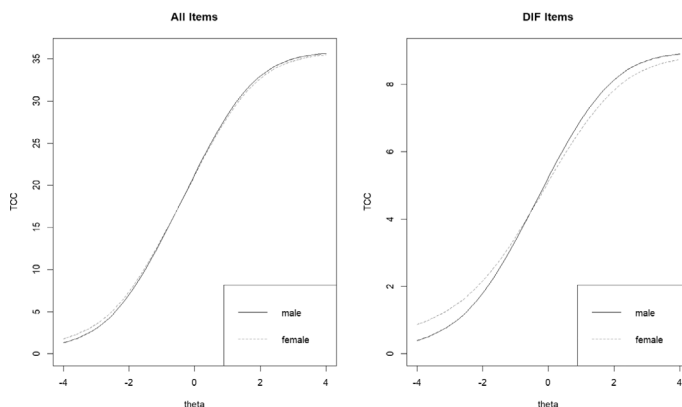

Figure 3

Test Characteristics Curves by Gender for all Items and for Differentially Functioning Items

Note. TCC – test characteristics curves; DIF – differentially functioning items.

true for male students – the higher their aptitude levels, the more likely they are to select higher response categories.

A similar analysis by student location did not identify any differentially functioning items.

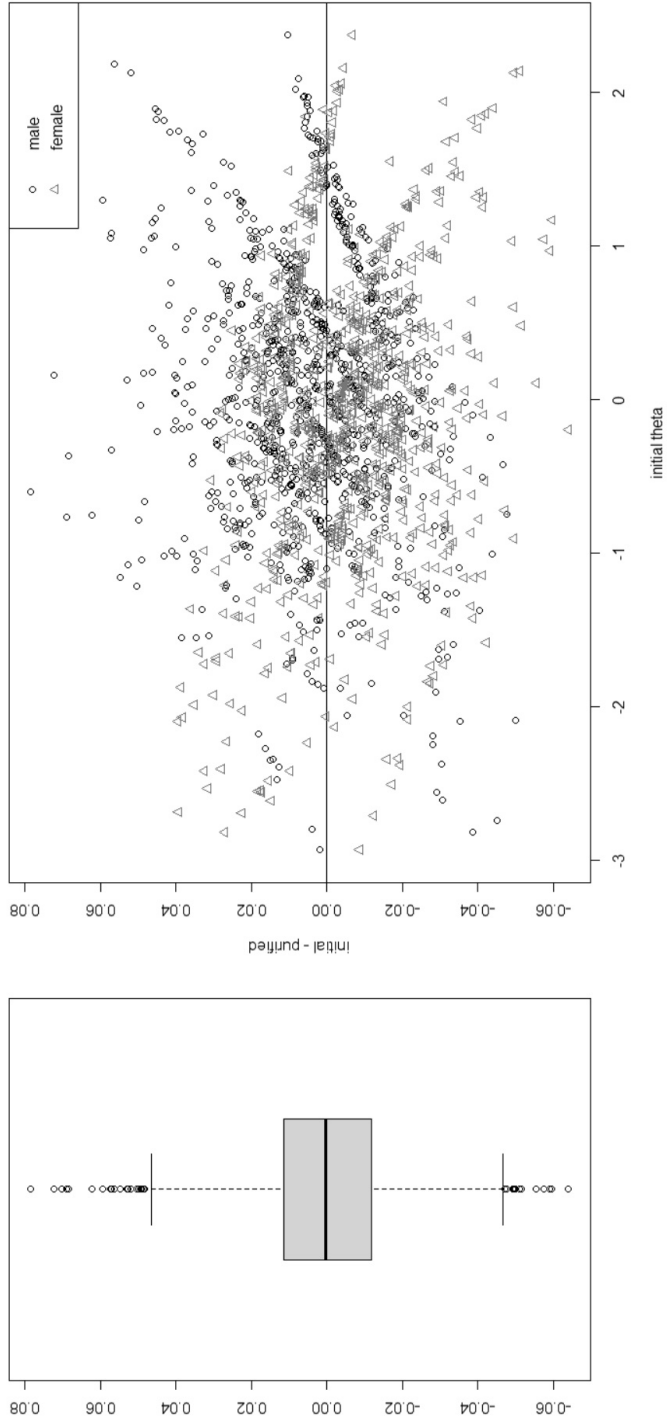
Discussion

This paper examined the initial evidence of construct validity of the SRL survey developed to measure SRL strategies of elementary school students. The evidence based on the exploratory and confirmatory factor analyses resulted in a shorter version of the SRL survey, combining items for managing environment, time, and learning strategies in a single factor. Time and environment management items are typically grouped into one subscale in such well-established surveys as MSLQ (Pintrich et al., 1993) and the DAACS SRL survey (Lui et al., 2018). However, these items cross-loaded on the learning strategies factor, which mostly focuses on cognitive operations students should do to understand new information. For instance, the item *“I summarize what I read”* requires students to understand the text they read and generate a short version of that text, which probably also requires planning when (time) and where (environment) they will read and summarize. Another explanation could be that students at the beginning of the fourth grade are not good at differentiating between various cognitive and non-cognitive strategies due to their neurological development (Uytun, 2018).

The relations of the SRL strategies with the scales of self-efficacy for math and reading have resulted in significant yet low correlations, which contributes to the discriminant evidence. This finding supports numerous research studies indicating that SRL and self-efficacy are related to each other yet measure different constructs (Schunk & DiBenedetto, 2016). In this instance, self-efficacy is closer to the construct of motivation (Bandura, 2006), whereas SRL focuses on the behavioral and

Figure 4

Likelihood of Selecting Response Categories by Attribute Levels Depending on Student Gender (n = 1877)

cognitive strategies needed to study well. The correlations between SRL and subscales of subjective well-being were higher than correlations with self-efficacy, yet still significant and low, contributing to the discriminant evidence. However, the subscale of satisfaction with school indicated a stronger relationship with SRL (0.49) and provided preliminary convergent evidence. Based on this observation, it can be concluded that when students are satisfied with their school, they use more SRL strategies. Nevertheless, the standards of educational and psychological testing suggest the use of another instrument measuring the same construct to establish convergent evidence (American Educational Research Association et al., 2014), which should be considered in future research studies. At the same time, research evidence suggests that the constructs of subjective well-being and self-efficacy are related to self-regulation (Davis & Hadwin, 2021).

The reliability evidence for the 12-item SRL Strategies survey suggested good coefficients both for the scale development and survey confirmation models. Good reliability coefficients for the SRL Strategies survey contribute to the internal consistency evidence of the whole scale. As a result, the SRL Strategies scale can be used both for diagnostic assessment of strategy use among elementary school students and for research purposes for further statistical analyses.

Further IRT analysis allowed for a fine-grained examination of the 12-item SRL survey's response categories and item functioning. The results based on the $S-\chi^2$ item-fit statistic indicated that the model does not fit the data well. There are two misfitting items – Items 2 and 9. Hence, response categories of Item 1 mostly cover the lower end of the latent SRL trait. This finding supports the earlier results of EFA and CFA analyses showing that Items 1 and 2 focusing on managing environment are problematic and require possible revisions. All other items resulted in acceptable response categories functioning and item discrimination estimates.

Further examination of response processes by gender and location revealed that female students responded differently for Items 2, 5, and 6 than male students. That is, within the range of the same aptitude levels, female students were less likely to select higher response categories than male students. Item 2 asks students to report if they are distracted by the toys, phone, and other things while studying, and it seems that girls are less likely to select *often* and *almost always* than boys. Existing research confirms gender differences in elementary school students when it comes to distractions with girls being more often engaged in on-task behaviors rather than boys (Godwin et al., 2016). Similarly, it seems that girls are more likely to plan when (Item 5) and how often (Item 6) to study rather than boys. Differential item functioning was not identified by students' location, suggesting that items function similarly across schools located in a large city, small towns, and rural areas.

Based on the evidence observed above, we can conclude that the scale development resulted in acceptable evidence of construct validity for the SRL Strategies survey with 12 items. The survey confirmation study on a sample of elementary students from Moscow confirmed the one-factor structure and resulted in acceptable reliability estimates.

This study has some inherent limitations such as students' young age, which might have led to the issues with response processes observed in some items. Since

the study is part of a large longitudinal project combining multiple surveys and instruments, it was not feasible to add another SRL survey, which limits findings of validity based on convergent and discriminant evidence. Another limitation is the factor structure of the SRL survey. At the survey development stage, the survey included four distinct types of strategies. The evidence from the CTT analyses showed that the subscales of environment management and help-seeking require further revisions and development of the survey. In this article, we decided to remove the help-seeking scale to revise and develop it. As future research, our team has been working on the revisions of these subscales. While Item 2 from the environment management scale had issues with response scale ordering, it was decided to keep it and revise it for future use due to the reasons outlined above. Yet another limitation is that the current version of the SRL survey focuses only on the cognitive and behavioral strategies (G) and a motivational sub-process of self-efficacy (C) of SRL shown in Figure 1. Further development of the SRL scales should include subscales measuring metacognition and motivation along with other sub-processes outlined in Figure 1.

Currently, the revised version of the SRL survey is used for the second wave of data collection for the longitudinal project of school failure. Once data are available, the authors are planning to check the internal structure of the revised survey using confirmatory factor analysis as part of survey model confirmation (Johnson & Morgan, 2016). Also, the revised SRL survey should be examined using the sample of older students to check for validity evidence with another population of students.

Conclusion

This study reports on the first phases of development and validation of the SRL Strategies survey for elementary school children. The initial results provide evidence of the construct validity of the unidimensional SRL Strategies survey with 12 items. Further data collection and analyses are required to check for and identify the bifactor structure of the survey by adding other subprocesses from Figure 1. However, the current SRL strategies scale can be used both to measure the strategies and provide actionable ideas on how to promote these skills in elementary school children.

References

- Akhmedjanova, D. R. (2024a). Domain-specific self-efficacy scales for elementary and middle school students. *Psychology in Russia: State of the Art*, 17(1), 45–66. <https://doi.org/10.11621/pir.2024.0103>
- Akhmedjanova, D. R. (2024b). Role of social and self-regulated learning in school contexts. *Voprosy Obrazovaniya [Educational Studies]*, 1, 11–43. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17280> (in Russian)
- American Educational Research Association, American Psychological Association, & National Council on Measurement in Education, Joint Committee on Standards for Educational, and Psychological Testing (US). (2014). *Standards for educational and psychological testing*. Washington, DC: American Educational Research Association.
- Andrade, H. L., Brookhart, S. M., & Yu, E. C. (2021). Classroom assessment as co-regulated learning: A systematic review. *Frontiers in Education*, 6, Article 751168. <https://doi.org/10.3389/educ.2021.751168>

- Azevedo, R., Taub, M., & Mudrick, N. V. (2017). Understanding and reasoning about real-time cognitive, affective, and metacognitive processes to foster self-regulation with advanced learning technologies. In D. H. Schunk & J. A. Greene (Eds.), *Handbook of self-regulation of learning and performance* (2nd ed., pp. 254–270). Routledge.
- Bandura, A. (1985). *Social foundations of thought and action*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Bandura, A. (2006). Toward a psychology of human agency. *Perspectives on Psychological Science*, 1(2), 164–180.
- Bernacki, M. L. (2017). Examining the cyclical, loosely sequenced, and contingent features of self-regulated learning: Trace data and their analysis. In D. H. Schunk & J. A. Greene (Eds.), *Handbook of self-regulation of learning and performance* (2nd ed., pp. 370–387). Routledge.
- Boateng, G. O., Neilands, T. B., Frongillo, E. A., Melgar-Quiñones, H. R., & Young, S. L. (2018). Best practices for developing and validating scales for health, social, and behavioral research: a primer. *Frontiers in Public Health*, 6, Article 149. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2018.00149>
- Céspedes, C., Rubio, A., Viñas, F., Cerrato, S. M., & Lara-Órdenes, E. (2021). Relationship between self-concept, self-efficacy, and subjective well-being of native and migrant adolescents. *Frontiers in Psychology*, 11, Article 620782. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.620782>
- Choi, S. W. (2022). *Package "lordif"* [Package]. <https://cran.r-project.org/web/packages/lordif/lordif.pdf>
- Chu, L., Li, P. H., & Yu, M. N. (2020). The longitudinal effect of children's self-regulated learning on reading habits and well-being. *International Journal of Educational Research*, 104, Article 101673. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2020.101673>
- Cleary, T. J., & Callan, G. L. (2017). Assessing self-regulated learning using microanalytic methods. In D. H. Schunk & J. A. Greene (Eds.), *Handbook of self-regulation of learning and performance* (2nd ed., pp. 338–351). Routledge.
- Davis, S. K., & Hadwin, A. F. (2021). Exploring differences in psychological well-being and self-regulated learning in university student success. *Frontline Learning Research*, 9(1), 30–43.
- De Ayala, R. J. (2013). *The theory and practice of item response theory*. Guilford Publications.
- Deng, L., & Chan, W. (2017). Testing the difference between reliability coefficients alpha and omega. *Educational and Psychological Measurement*, 77, 185–203. <https://doi.org/10.1177/0013164416658325>
- Dent, A. L., & Koenka, A. C. (2016). The relation between self-regulated learning and academic achievement across childhood and adolescence: A meta-analysis. *Educational Psychology Review*, 28(3), 425–474. <https://doi.org/10.1007/s10648-015-9320-8>
- Dignath, C., & Büttner, G. (2008). Components of fostering self-regulated learning among students. A meta-analysis on intervention studies at primary and secondary school level. *Metacognition and Learning*, 3, 231–264. <https://doi.org/10.1007/s11409-008-9029-x>
- Dunlosky, J. (2013). Strengthening the student toolbox: Study strategies to boost learning. *American Educator*, 37(3), 12–21.
- Dziuban, C. D., & Shirkey, E. C. (1974). When is a correlation matrix appropriate for factor analysis? Some decision rules. *Psychological Bulletin*, 81(6), 358–361. <https://doi.org/10.1037/h0036316>
- Fletcher, T. (2023). *Package "psychometric"* (Version 2.4) [Package]. <https://cran.r-project.org/web/packages/psychometric/psychometric.pdf>
- Fomina, T. G. (2022). Conceptual approaches to the analysis of self-regulated learning in foreign psychology. *Sovremennaya Zarubezhnaya Psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 11(3), 27–37. <https://doi.org/10.17759/jmpf.2022110303> (in Russian)
- Godwin, K. E., Almeda, M. V., Seltman, H., Kai, S., Skerbetz, M. D., Baker, R. S., & Fisher, A. V. (2016). Off-task behavior in elementary school children. *Learning and Instruction*, 44, 128–143.

- Greene, J. A., Bolick, C. M., Caprino, A. M., Deekens, V. M., McVea, M., Yu, S., & Jackson, W. P. (2015). Fostering high-school students' self-regulated learning online and across academic domains. *The High School Journal*, *99*(1), 88–106. <https://doi.org/10.1353/hjsj.2015.0019>
- Greene, J. A., Deekens, V. M., Copeland, D. Z., & Yu, S. (2017). Capturing and modeling self-regulated learning using think-aloud protocols. In D. H. Schunk & J. A. Greene (Eds.), *Handbook of self-regulation of learning and performance* (2nd ed., pp. 323–337). Routledge.
- Johnson, R. L., & Morgan, G. B. (2016). *Survey scales: A guide to development, analysis, and reporting*. New York, NY: The Guilford Press.
- Kane, M. (2006). Content-related validity evidence in test development. In S. M. Downing and T. M. Haladyna (Eds.), *Handbook of test development* (Vol. 1, pp. 131–153). Lawrence Erlbaum Associates.
- Kanonire, T., Federiakin, D. A., & Uglanova, I. L. (2020). Multicomponent framework for students' subjective well-being in elementary school. *School Psychology*, *35*(5), 321–331. <https://doi.org/10.1037/spq0000397>
- Leontiev, D. A. (2012). Why we do what we do: The variety of human regulations. In D. A. Leontiev (Ed.), *Motivation, consciousness, and self-regulation* (pp. 93–103). Nova Science Publishers.
- Lui, A. M., Franklin Jr, D., Akhmedjanova, D., Gorgun, G., Bryer, J., Andrade, H. L., & Cleary, T. (2018). Validity evidence of the internal structure of the DAACS self-regulated learning survey. *Future Review: International Journal of Transition, College, and Career Success*, *1*(1), 1–18.
- Mair, P., Rusch, T., Hatzinger, R., Maier, M. J., & Debelak, R. (2023). *Package "eRm"* [Package]. <https://cran.r-project.org/web/packages/eRm/eRm.pdf>
- Messick, S. (1995). Validity of psychological assessment: validation of inferences from persons' responses and performances as scientific inquiry into score meaning. *American Psychologist*, *50*, 741–749. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.50.9.741>
- Morosanova, V. I., & Bondarenko, I. N. (2015). *Diagnostika samoregulyatsii cheloveka* [Diagnostics of human self-regulation]. Moscow: Kogito-Tsentr.
- Morosanova, V. I., & Bondarenko, I. N. (2017). Diagnosis of conscious self-regulation of educational activity: a new version of the SSUD-M questionnaire. *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psikhologiya [Theoretical and Experimental Psychology]*, *10*(2), 27–37. (in Russian)
- Orlando, M., & Thissen, D. (2003). Further investigation of the performance of S-X2: An item fit index for use with dichotomous item response theory models. *Applied Psychological Measurement*, *27*(4), 289–298. <https://doi.org/10.1177/014662160302700400>
- Panadero, E. (2017). A review of self-regulated learning: Six models and four directions for research. *Frontiers in Psychology*, *8*. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00422>
- Pintrich, P. R. (2004). A conceptual framework for assessing motivation and self-regulated learning in college students. *Educational Psychology Review*, *16*(4), 385–407. <https://doi.org/10.1007/s10648-004-0006-x>
- Pintrich, P. R., Smith, D. A., Garcia, T., & McKeachie, W. J. (1993). Reliability and predictive validity of the Motivated Strategies for Learning Questionnaire (MSLQ). *Educational and Psychological Measurement*, *53*(3), 801–813. <https://doi.org/10.1177/0013164493053003024>
- Revelle, W. (2023). *Package "psych"* (Version 2.4.3) [Package]. <https://cran.r-project.org/web/packages/psych/psych.pdf>
- Rizopoulos, D. (2022). *Package "ltm"* [Package]. <https://cran.r-project.org/web/packages/ltm/ltm.pdf>
- Rosseel, Y., Jorgensen, T. D., Rockwood, N., Oberski, D., Byrnes, J., Vanbrabant, L., Savalei, V., Merkle, E., Hallquist, M., Rhemtulla, M., Katsikatsou, M., Barendse, M., Rockwood, N., Scharf, F., Du, H., & Jamil, H. (2023). *Package "lavaan"* (Version 0/6-17) [Package]. <https://cran.r-project.org/web/packages/lavaan/lavaan.pdf>

- Samejima, F. (1969). Estimation of latent ability using a response pattern of graded scores. *Psychometrika Monograph Supplement*, 34(4, Pt. 2), 100–114.
- Schunk, D. H., & DiBenedetto, M. K. (2016). Self-efficacy theory in education. In K. R. Wentzel & D. B. Miele (Eds.), *Handbook of motivation at school* (pp. 34–54). Routledge.
- Seli, H., & Dembo, M. H. (2020). *Motivation and learning strategies for college success: A focus on self-regulated learning*. Routledge.
- Toland, M. D. (2014). Practical guide to conducting an item response theory analysis. *The Journal of Early Adolescence*, 34(1), 120–151. <https://doi.org/10.1177/027243161351133>
- Uytun, M. C. (2018). Development period of prefrontal cortex. In A. Starcevic and B. Filipovic (Eds.), *Prefrontal cortex*. IntechOpen. <https://doi.org/10.5772/intechopen.78697>
- Van Buuren, S., Groothuis-Oudshoorn, K., Vink, G., Schouten, R., Robitzsch, A., Rockenshaub, P., Doove, L., Jolani, S., Moreno-Betancur, M., White, I., Gaffert, P., Meinfelder, F., Gray, B., Arel-Bundock, V., Cai, M., Volker, T., Costantini, E., van Lissa, C., & Oberman, H. (2023). *mice: Multivariate Imputation by Chained Equations* (Version 3.16.0) [Package]. <https://cran.r-project.org/web/packages/mice/index.html>
- Vilkova, K. A. (2020). Measuring self-regulated learning: a review of questionnaires. *Sovremennaya Zarubezhnaya Psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 9(2), 123–133. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090211> (in Russian)
- Vilkova, K. A. (2022). *Samoreguliruemoe obuchenie v MOOK: izmerenie, svyaz' s obrazovatel'nymi rezul'tatami i vozmozhnosti razvitiya navykov pri pomoshchi interventsiy* [Self-regulated learning in MOOCs: Measurement, links to educational outcomes, and skills promotion through interventions] [PhD dissertation]. HSE University, Moscow, Russian Federation. <https://www.hse.ru/sci/diss/227916624>
- Vygotsky, L. S. (1983). *Sobranie sochinenii: T. 3. Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii* [The history of development of the higher psychic functions]. Moscow: Pedagogika.
- Weinstein, C. E., Palmer, D. R., & Acee, T. W. (2016). *LASSI User's Manual: For those administering the Learning and Study Strategies Inventory* (3rd ed.). H & H Pub.
- Winne, P. H. (1995). Self-regulation is ubiquitous but its forms vary with knowledge. *Educational Psychologist*, 30(4), 223–228. https://doi.org/10.1207/s15326985ep3004_9
- Wolters, C. A., & Won, S. (2017). Validity and the use of self-report questionnaires to assess self-regulated learning. In D. H. Schunk & J. A. Greene (Eds.), *Handbook of self-regulation of learning and performance* (2nd ed., pp. 307–322). Routledge.
- Wong, J., Baars, M., Davis, D., van der Zee, T., Houben, G. J., & Paas, F. (2019). Supporting self-regulated learning in online learning environments and MOOCs: A systematic review. *International Journal of Human-Computer Interaction*, 35(4-5), 356–373. <https://doi.org/10.1080/10447318.2018.1543084>
- Xu, Z., Zhao, Y., Zhang, B., Liew, J., & Kogut, A. (2023). A meta-analysis of the efficacy of self-regulated learning interventions on academic achievement in online and blended environments in K-12 and higher education. *Behaviour & Information Technology*, 42(16). <https://doi.org/10.1080/0144929X.2022.2151935>
- Zimmerman, B. J., & Schunk, D. H. (2011). Self-regulated learning and performance. In B. J. Zimmerman & D. H. Schunk (Eds.), *Handbook of self-regulation of learning and performance* (pp. 1–12). Routledge.
- Zinchenko, Yu. P., & Morosanova, V. I. (2020). *Psikhologiya samoregulyatsii: evolyutsiya podkhodov i vyzovy vremeni* [Psychology of self-regulation: evolution of approaches and challenges of the time]. Nestor-Istoriya.

INSIGHT PROBLEM OR INSIGHTFUL SOLUTION: IS IT STILL WORTH USING INSIGHT PROBLEMS TO INVESTIGATE INSIGHT?

A.D. SAVINOVA^a, N.YU. LAZAREVA^a, A.V. CHISTOPOLSKAYA^a,
I.N. MAKAROV^a, S.YU. KOROVKIN^a, I.YU. VLADIMIROV^a

^a*P.G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya Str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation*

Инсайтная задача или инсайтное решение: стоит ли использовать инсайтные задачи для изучения инсайта?

А.Д. Савинова^a, Н.Ю. Лазарева^a, А.В. Чистопольская^a, И.Н. Макаров^a,
С.Ю. Коровкин^a, И.Ю. Владимиров^a

^a*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 150000, Россия, Ярославль, ул. Советская, д. 14*

Abstract

Traditional insight studies assumed that there is a special class of problems called “insight problems” whose solution would cause feelings of insight. However, it has been previously shown that insight problems can be solved in both insightful (with Aha! experience) and step-by-step (without Aha! experience) ways, and exactly the same is observed for analytical problems. The present work addresses the question whether it is sufficient to use the problem types to detect insightful feelings or whether it is necessary to use the solution types. For this purpose we collected the dataset of previously published open data which used Danek and Wiley’s questionnaire

Резюме

Традиционные исследования инсайта предполагают, что существует особый класс так называемых инсайтных задач, чье решение приводит к переживанию инсайта. Однако было показано, что инсайтные задачи могут быть решены как инсайтным (с ага-переживанием), так и пошаговым путем (без ага-переживания), и точно такая же ситуация наблюдается для решения аналитических задач. Данная работа посвящена вопросу, действительно ли достаточно использовать типы задач для определения инсайтных переживаний или же необходимо использовать тип решения. Для этой цели мы собрали базу ранее опубликованных открытых данных, использующих опросник А. Данек и Дж. Вайли с различными

The research was supported by Russian Science Foundation, grant 22-18-00358,
<https://rscf.ru/en/project/22-18-00358/>

Исследование поддержано Российским научным фондом, проект № 22-18-00358,
<https://rscf.ru/project/22-18-00358/>

for subjective ratings of insight phenomenology. Joint analysis showed that using solution types provided greater benefits for insight investigation than using problem types: insightful solutions were more pleasant, sudden, and relieving than step-by-step solutions, but insight and analytical problems differed from each other on only suddenness scale. We concluded that relying only on the problem type is not the best strategy for investigation of insight, because insight and analytical problems are quite similar in terms of the Aha! experience. The use of solution types is much more fruitful and distinguishes various situations in the process of problem solving. The obtain results were interpreted in the context of relationships between the Aha! experience and representational change.

Keywords: insight, Aha! experience, phenomenology, insightful solution, step-by-step solution, subjective rating, joint analysis

Anna D. Savinova — Research Fellow, Laboratory for Cognitive Research, Demidov Yaroslavl State University, PhD in Psychology.

Research Area: experimental psychology, cognitive science, problem solving, thinking, insight, working memory, Aha! experience.

E-mail: anuta1334@yandex.ru

Natalia Yu. Lazareva — Junior Research Fellow, Laboratory for Cognitive Research, Demidov Yaroslavl State University, PhD in Psychology.

Research Area: experimental psychology, cognitive science, problem solving, thinking, insight, working memory, Aha! experience.

E-mail: lazareva_natasha93@mail.ru

Alexandra V. Chistopolskaya — Associate Professor, Department of General Psychology, Faculty of Psychology,

субъективными шкалами для оценки феноменологии инсайта. Совместный анализ показал, что использование типа решения дает больше преимуществ для изучения инсайта, чем использование типов задач: инсайтные решения были более приятными, внезапными и облегчающими, чем пошаговые решения, при этом инсайтные и аналитические задачи отличались друг от друга только по шкале внезапности. Мы пришли к выводу, что полагаться исключительно на тип задач – не лучшая стратегия для изучения инсайта, поскольку инсайтные и аналитические задачи достаточно похожи в терминах ага-переживания. Использование типов решения гораздо более плодотворно и позволяет различать разнообразные ситуации в процессе решения задач. Полученные результаты были проинтерпретированы в контексте взаимоотношений между ага-переживанием и изменением репрезентации.

Ключевые слова: инсайт, ага-переживание, феноменология, инсайтное решение, пошаговое решение, субъективные шкалы, совместный анализ.

Савинова Анна Джумберовна — научный сотрудник, лаборатория когнитивных исследований, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: экспериментальная психология, когнитивная наука, решение задач, мышление, инсайт, рабочая память, ага-переживание.

Контакты: anuta1334@yandex.ru

Лазарева Наталья Юрьевна — младший научный сотрудник, лаборатория когнитивных исследований, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: экспериментальная психология, когнитивная наука, решение задач, мышление, инсайт, рабочая память, ага-переживание.

Контакты: lazareva_natasha93@mail.ru

Чистопольская Александра Валерьевна — доцент, кафедра общей психологии, факультет психологии, Ярославский государственный

Demidov Yaroslavl State University, PhD in Psychology.

Research Area: cognitive psychology, insight problem solving, insight, embodiment cognition, psychology of art.

E-mail: chistosasha@mail.ru

Igor N. Makarov – Engineer, Laboratory for Cognitive Research, Demidov Yaroslavl State University.

Research Area: experimental psychology, cognitive science, problem solving, thinking, insight.

E-mail: reoge@mail.ru

Sergei Yu. Korovkin – Head of Laboratory, Professor, Laboratory for Cognitive Research; Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Demidov Yaroslavl State University, DSc in Psychology.

Research Area: experimental psychology, cognitive science, problem solving, thinking, insight, working memory, Aha! experience.

E-mail: korovkin_su@list.ru

Ilia Yu. Vladimirov – Associate Professor, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Demidov Yaroslavl State University, PhD in Psychology.

Research Area: experimental psychology, cognitive science, problem solving, thinking, insight.

E-mail: kein17@mail.ru

университет им. П. Г. Демидова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: когнитивная психология, решение инсайтных задач, инсайт, воплощенное познание, психология искусства.

Контакты: chistosasha@mail.ru

Макаров Игорь Николаевич – инженер, лаборатория когнитивных исследований, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

Сфера научных интересов: экспериментальная психология, когнитивная наука, решение задач, мышление, инсайт.

Контакты: geoge@mail.ru

Коровкин Сергей Юрьевич – руководитель, профессор, лаборатория когнитивных исследований, кафедра общей психологии, факультет психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, доктор психологических наук.

Сфера научных интересов: экспериментальная психология, когнитивная наука, решение задач, мышление, инсайт, рабочая память, ага-переживание.

Контакты: korovkin_su@list.ru

Владимиров Илья Юрьевич – доцент, кафедра общей психологии, факультет психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: экспериментальная психология, когнитивная наука, решение задач, мышление, инсайт.

Контакты: kein17@mail.ru

For many years, one of the central issues of the psychology of thinking has been the search for specific characteristics of insight. The studies of insight are usually associated with the use of a special problem type – insight problems. According to the Representational Change Theory (RCT), the main difference between insight and analytical problems is that the latter do not require a representational change, which occurs when the initial problem representation is incorrect and does not allow the answer to be found (Ohlsson, 1992). The result of a successful representational change can be an Aha! experience that is described as a pleasant feeling of “seeing” the complete solution in the mind’s eye” (Ibid., p. 5). Thus, it is assumed that the Aha! experience can only occur in insight problems. Meanwhile, it has

become evident that insight problems can sometimes be solved in a step-by-step way, i.e., without the Aha! experience (Weisberg, 2015; Danek et al., 2016; Webb et al., 2016, 2018), and analytical problems can be solved with the Aha! experience (Webb et al., 2018; Lazareva & Vladimirov, 2019).

However, several questions arise at this point. Firstly, suppose that the Aha! experience is strictly associated with and occurs only after a successful representational change. Is it possible to say that a representational change can only occur in insight problems? It is much more logical to assume that — due to the specific participants' knowledge or due to preliminary experimental influences — “analytical problem” may involve a representational change, i.e., it becomes insightful and is solved with the Aha! experience. In this case, it makes no sense to talk about insight problems, rather than about insightful solutions. Another implication is that insight studies should not be limited to insight problems, they can include a wide variety of experimental material containing a representational change (jokes, modern arts, recognition of noisy or double images, etc.).

This is not a new question, but many authors still use insight problems to study insight (Chuderski, Jastrzębski, & Kucwaj, 2021; Korovkin et al., 2021; Salmon Mordekovich & Leikin, 2022), because this problem type has a wide theoretical background and explanation why pure insight problems can cause the Aha! experience (e.g., Ohlsson, 1992, 2011; Weisberg, 1995, 2015). From this point of view, it is not clear why analytical problems can be solved by insightful strategy, because they do not have all the necessary features. This adherence does not allow us to dot the i's on the issue of using problem types instead of switching to solution types.

Secondly, suppose that the Aha! experience is not strictly associated with a representational change, and then even deeper methodological questions arise: What is more important for investigation of insight — the presence of a representational change or the presence of the Aha! experience? Can a solution be considered as insightful if it does not involve the Aha! experience? What causes the Aha! experience? We will not devote this paper to attempts to answer these questions, but they are actively discussed and studied in modern works (e.g., Ammalainen & Moroshkina, 2021; Becker et al., 2020; Becker et al., 2021; Danek et al., 2020).

Even if we assume that the Aha! experience is strictly associated with a representational change, we are faced with a contradiction. On the one hand, there is RCT, which posits that problem types cause certain metacognitive feelings (the Aha! experiences) due to the presence or absence of a representational change in the solution (Ohlsson, 1992, 2011). On the other hand, there is some empirical evidence showing that the problem type does not always uniquely predict the presence of the Aha! experience in a solution (Danek et al., 2016; Webb et al., 2018; Lazareva & Vladimirov, 2019). In this regard — with a help of joint analysis — we want to check how often insight and analytical problems are accompanied by the Aha! experience. We also want to know whether it makes sense to completely abandon the dichotomy of problem types in favor of using solution types: insightful solutions for cases with the Aha! experience and step-by-step solutions for cases without the Aha! experience.

Thus, two contradictory hypotheses can be constructed:

1. According to RCT, insight and analytical problems generally differ from each other. Insight problems score higher on the most subjective scales of the Aha! experience compared to analytical problems.

2. According to previous empirical data, problem types do not differ from each other, but there are differences between insightful and step-by-step solutions. Insightful solutions are evaluated higher on the most subjective scales of the Aha! experience than step-by-step solutions.

Method

To test our ideas, we decided to conduct joint analysis of previous studies, because it provides two significant advantages: a large sample size and — inasmuch as used studies were conducted in different countries — control of such factors as the influence of an experimenter, translation of a questionnaire, and cross-cultural differences. Post-experimental self-reports are commonly used to measure the Aha! experience, and there are different variants of them (Novick & Sherman, 2003; Jung-Beeman et al., 2004; Bowden et al., 2005; Wong, 2009). Currently, the questionnaire on the Aha! phenomenology (Danek et al., 2014; Danek & Wiley, 2017) seems to have received the greatest prevalence and can be considered as the most developed and tested on various problem types, because a substantial pool of experimental data has been accumulated. According to Danek and Wiley's (2017), the Aha! experience is understood as a multi-dimensional construct that consists different aspects: pleasure, surprise, suddenness, relief, certainty and drive. The dataset was collected from studies where this questionnaire was used to evaluate the solvers' subjective experiences.

Selection of Studies

Using Google Scholar we analyzed published studies that cited Danek and Wiley (2017). At the time of dataset creation (January 2022), 114 papers were found. We selected papers with the data publicly available and full, not aggregated data. We used only empirical papers and papers without priming or hints in experimental design. Only control groups were included in the joint analysis. Thus, data were obtained from 9 studies, including 9,274 rows of data or 990 unique participants. It is worth noting that the available data were very heterogeneous, so they required some changes or exclusions for the unity of the final dataset. Clarifications of excluded data can be found in OSF at <https://osf.io/j6s38/>. The full list of studies is presented in Table 1.

Characteristics of the Dataset

A number of characteristics in the collected dataset were identified and each data row was evaluated for compliance with them. The following characteristics were used:

Table 1

List of the Studies Included

Reference	Sample	Problem types	Available scales	Excluded data
Bilalić et al., 2021	74 participants (59 females), aged 17–62 years (M = 24, SD = 6.1)	Classical insight problems	Pleasure ¹ , surprise ² , suddenness ³ , certainty ⁴	Participants with no experience in playing chess were taken. Besides, we used successful solutions, because participants evaluated subjective ratings only after successful solution attempts
Chuderski, Jastrzębski, & Kucwaj, 2021	200 participants (139 females), aged 18–38 years (M = 23.5, SD = 4.3)	Classical insight problems	Pleasure, suddenness, relief ⁵ , certainty	
Chuderski Jastrzębski, KroczeK et al., 2021	100 participants (73 females), aged 18–32 years (M = 22.6, SD = 2.94)	Analytical problems, classical insight problems, Raven matrices (as analytical problems)	Pleasure, suddenness, certainty	
Danek & Wiley, 2017	70 participants (48 females), age range is not specified (M = 19.6, SD = 2.8)	Magic tricks	Pleasure, surprise, suddenness, relief, certainty, drive	
Danek & Wiley, 2020	127 participants (56 females), aged 17–42 years (M = 19.04, SD = 2.1)	Magic tricks	Pleasure, surprise, suddenness, relief, certainty, drive ⁶	We used only the Experiment 2, because in the Experiment 1 only two subjective parameters were measured: overall aha! experience and certainty of the solution

¹ At the moment of solution, my feelings were... (unpleasant – pleasant).

² The moment of solution was... (not surprising – surprising).

³ This solution came to me... (in steps – all at once).

⁴ How certain are you that your solution is correct: (uncertain – certain).

⁵ At the moment of solution, I felt... (tense – relieved).

⁶ I am looking forward to the next problem... (no – yes).

Table 1 (end)

Drażyk et al., 2020	279 participants (173 females), aged 17–51 years (M = 21.75, SD = 4.42)	Analytical problems, classical insight problems	Pleasure, suddenness, relief, certainty	We used only the control group of Experiment 2, because it contained scales of Danek & Wiley's questionnaire, and the control group did not include additional factor as the ego-depletion
Korovkin et al., 2021	Experiment 1: 40 people (31 females), aged 12–72 years (M = 34.83, SD = 18.43) Experiment 2: 40 people (28 females), aged 14–63 years (M = 30.05, SD = 14.26)	Classical insight problems	Pleasure, surprise, suddenness, relief, certainty, drive	
Spiridonov et al., 2021	40 people (35 females), age range is not specified (M = 19.1, SD = 1.4)	CRA	Pleasure, surprise, suddenness, relief, certainty, drive	We used only the data of Experiment 2
Vladimirov et al., 2021	20 people (17 females), aged 18–21 (M = 20.5, SD = 1.6)	Analytical problems, classical insight problems	Pleasure, surprise, suddenness, relief, certainty, drive	

- Experiment: it indicates authors of the original article of the obtained data.
- Problem type: analytical problems, compound remote associate problems (CRA), classical insight problems, magic tricks, Raven matrices.
- Solution type. Some authors assume that problems can be solved by the insightful way or a step-by-step way. The insightful solution is a solution with the representational change, which is accompanied by specific feelings and metacognitive experiences (an Aha! experience, frustration from an impasse, etc.). The step-by-step, or analytical, solution is a solution without the representational change and special feelings, but it is performed through successive steps. In some cases, authors indicate the solution type based on the answer given by the participant. For example, in Korovkin and colleagues' experiment (2021) participants who gave a star-shaped answer were assigned to the insightful solution group, and any other answers were assigned to the step-by-step group. However, the most of works are based on an additional scale assessment — the Aha! experience scale (Danek &

Wiley, 2017; Danek et al., 2020), strategy scale (Chuderski, Jastrzębski, Kroczeek et al., 2021), enlightenment scale (Vladimirov et al., 2021) or insightfulness scale (Spiridonov et al., 2021). In our opinion, all of these scales are similar and are designed to find out how a participant has solved the problem. We used all of this information to determine the solution type, insightful or step-by-step.

- Subjective rating scales: pleasure, surprise, suddenness, relief, certainty and drive (Danek & Wiley, 2017).

- Solved. We indicated how the problem was solved. There are two options: “yes” – successfully solved by the participant, or “no “ – solved by the experimenter who gave the correct answer to the participant.

These characteristics are described in more detail at <https://osf.io/j6s38/>.

A Unified System of Subjective Ratings

The studies differed in the types of scale used for subjective ratings. Some of the studies used a scale from 0 to 100 points (for example, Danek & Wiley, 2017; Danek et al., 2020); others used a scale from 1 to 19 (for example, Drążyk et al., 2020) or a scale from 1 to 4 points (Vladimirov et al., 2021). However, this variation was unsuitable for statistical analyses, and all points were transformed to z-scores taking into account the characteristic of “Experiment”.

Design & Statistical Analysis

We wanted to investigate how insight and analytical problems, as well as insightful and step-by-step solutions, are different in terms of subjective feelings of the Aha! experience. Different sets of dependent and independent variables were used. The dependent variables were the subjective ratings of the questionnaire (pleasure, surprise, suddenness, relief, certainty, drive). The independent variables were the problem type and the solution type. The data that support the findings of this study are available in OSF at <https://osf.io/j6s38/>. The data were also derived from the public domain.

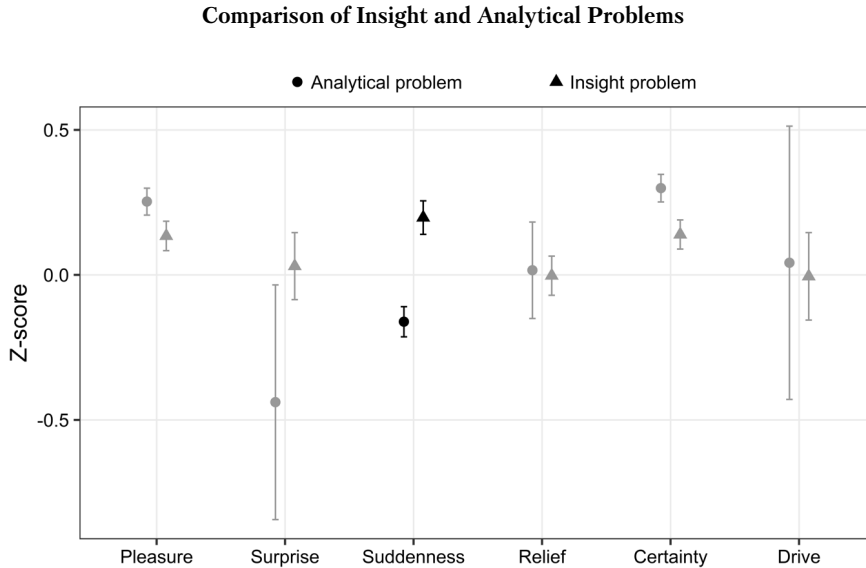
Results

Comparison of insight and analytical problems

This section presents results regarding the question whether insight and analytical problems generally differ from each other, i.e., the impact of the problem type on a subjective solution experience. Insight problems (only classical insight problems), analytical problems and Raven matrices (analytical problems and Raven matrices were combined into one group which was labeled as “analytical”) were compared. Only successfully solved problems were used (see Figure 1) (N = 2751).

We used Linear Mixed Models with the method of Satterthwaite test. Subjective scales were used as dependent variables, the problem type was used as a fixed effect variable, and the characteristic “Experiment” as a random effect grouping factor. All

Figure 1

Note. Vertical bars denote 95% confidence interval (CI). Significant differences are marked in black, insignificant in grey.

analyses were computed using JASP, v. 0.18.3.0. Insight problems are evaluated as more sudden than analytical problems, $t(1, 7.96) = -9.75, p < .001$, VS-MPR = 3011.3 ($\beta = -0.255$, SE = 0.026). However, we did not find any significant differences in remaining scales.

Comparison of Insightful and Step-by-Step Solutions

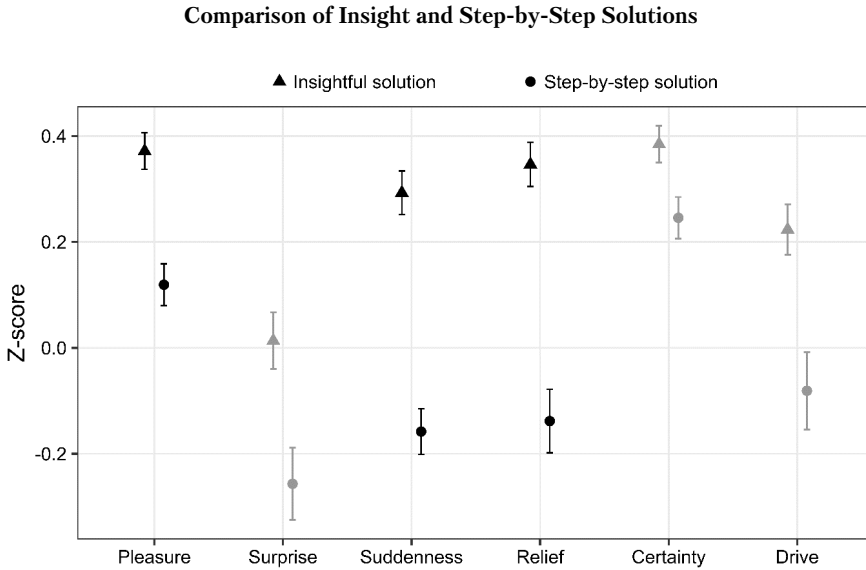
The comparison of insightful and step-by-step solutions was carried out for the data containing the labels “insight” and “step-by-step” in the “Solution type” column. Only successfully solved problems were used (see Figure 2) ($N = 4,717$). We used Linear Mixed Models with the method of Satterthwaite test. Subjective scales were used as dependent variables, the solution type was used as a fixed effect variable, and the characteristic “Experiment” as a random effect grouping factor.

The insightful solution has a higher point on the pleasure scale than the step-by-step solution, $t(1, 8.97) = 2.28, p = .048$, VS-MPR = 2.5 ($\beta = 0.206$, SE = 0.090). The insightful solution is also evaluated higher on suddenness, $t(1, 8.67) = 3.22, p = .011$, VS-MPR = 7.4 ($\beta = 0.242$, SE = 0.075), and relief, $t(1, 6.88) = 2.37, p = .050$, VS-MPR = 2.4 ($\beta = 0.191$, SE = 0.081).

Relationship between the Problem Type and the Solution Type

A Chi-square test of independence was performed to examine the relation between the problem type (insight and analytical) and the solution type (insightful

Figure 2

Note. Vertical bars denote 95% confidence interval (CI). Significant differences are marked in black, insignificant in grey.

and step-by-step). Only successfully solved problems were used. The relation between these variables was significant, $\chi^2(1, 2664) = 702.2, p < .001$. Insight problems were more likely than analytical problems to be labeled as insightful solutions (see Table 2). However, there are many cases when insight problems were solved step-by-step (29.3%), and analytical problems were solved by insight (19.6%).

Discussion

In this work, we wanted to find whether it is enough to use problem types to detect insightful feelings or it is necessary to use solution types. To test this idea, we collected a dataset of previous studies and conducted a joint analysis. The dataset included measurements of the Aha! experience in different problem types.

Possible differences between problem types and solution types were addressed. Results showed that the difference between insight and analytical problems is significant only for one scale: insight problems are evaluated as more sudden in comparison to analytical problems. A comparison between solution types (insightful or step-by-step) gave significant results in three subjective scales: insightful solutions score higher in pleasure, suddenness and relief. The Chi-square test showed that the problem type and the solution type are related to each other: insight problems are more likely to be solved with insight, and analytical problems are more likely to be solved by step-by-step way. At the same time, there is a large number of solu-

Table 2

Contingency Tables for the Problem Type and the Solution Type

Problem type		Solution type	
		Insightful solution	Step-by-step solution
Analytical problem	Count	259.0	1064
	Expected count	599.4	723.6
	% within row	19.6%	80.4%
Insight problem	Count	948.0	393.0
	Expected count	607.6	733.4
	% within row	70.7%	29.3%

tions where insight problems are solved step-by-step, and analytical problems are accompanied by an Aha! experience.

The findings support the previous empirical evidence that insight problems can be solved without insight (Weisberg, 2015; Danek et al., 2016; Webb et al., 2018), and analytical problems, on the contrary, can be solved with an Aha! experience (Webb et al., 2018; Lazareva & Vladimirov, 2019). However, our data contradict the Representational Change Theory (RCT). According to RCT, the Aha! experience is a consequence of an impasse, and a representational change is needed to break the impasse. At the same time, a representational change is perceived as an attribute of insight problems, but not – with rare exceptions – of analytical problems. Since in our sample almost 30% of classical insight problems were solved using a step-by-step strategy, and almost 20% of analytical problems were solved with an insight, we cannot define this situation as rare or accidental.

How can we interpret the obtained results? The first and most obvious interpretation is that RCT is mistaken in its predictions. The representational change is not related to the problem type and can occur much more frequently in different problem types than it was originally thought.

The second interpretation is that the discrepancy between the problem type and the solution type is related to the term of Aha! experience. As we wrote earlier, at the moment the relationship between the Aha! experience and the representational change is an open question (Ammalainen & Moroshkina, 2021; Becker et al., 2020; Becker et al., 2021; Cranford & Moss, 2012; Danek et al., 2016; Danek et al., 2020). It is unclear whether the Aha! experience occurs in response to a representational change or whether it reflects some other process: finding the correct solution unexpectedly quickly (Dubey et al., 2021); an unexpected result or a path of finding it (Savinova & Korovkin, 2022); changes in information processing fluency (Ammalainen & Moroshkina, 2021; Moroshkina et al., 2024). Another question also remains unanswered: is the presence of both the Aha! experience and a representational change a necessary condition for recognizing a solution as insightful, or is one attribute necessary and sufficient for this purpose?

The third interpretation is that existing contradictions are associated with the questionnaire of the Aha! experience. Firstly, the Aha! experience is understood as

a multi-dimensional construct that consists of different scales in Danek and Wiley's questionnaire (2017). According to the nonspecific approach to metacognitive processes, a multi-dimensional division is unnecessary, because metacognitive feelings perform a signaling function reporting the result of unconscious processes rather than the specific source and content of information (Tikhonov et al., 2018). Probably, the variety of metacognitive feelings within the Aha! experience arises from the influence of the measurement procedure: asking to rate the Aha! experience on six different scales forces participants to look for and attribute feelings that they did not initially have. Secondly, the questionnaire can give too high a score to analytic problems, preventing us from finding more differences between problem types and solution types. If we look closely at those scales on which insightful and step-by-step solutions do not differ, we will see that there are some problems with their logic or interpretation:

- **Surprise:** The moment of solution was... (not surprising — surprising). The scale can be interpreted in various ways. On the one hand, it can be understood as intended by the authors: “I feel surprised that I have understood something” (Danek & Wiley, 2017, p. 4). On the other hand, the scale has other interpretations: “I found the answer at unexpected moment”, “I found the answer by accident”, “I don't know how I was able to find the answer, the path to it is unknown to me”. Depending on the interpretation of the scale, participants will give different answers, which ultimately reduces power of scale.

- **Certainty:** How certain you are that your solution is correct (uncertain — certain). The scale is understood unambiguously, but participants can be certain in both solution types, insightful and step-by-step. It is easy to imagine a situation where, after solving a simple analytical problem (e.g., $2 + 7 + 4 = 13$), the participant reports that they are certain in the solution.

- **Drive:** I am looking forward to the next problem... (no — yes). The inclusion of the scale in the questionnaire of the Aha! experience is due to the fact that there should be an “energizing effect on problem solving behavior” (Ohlsson, 1984, p. 70). However, nothing says that the energetic effect should arise precisely from insightful solution, and not from finding the correct answer.

It may be worth taking a critical look at some scales of the questionnaire and conducting psychometric testing not only on the material of magic tricks, but also on classical insight problems. Besides, there was an attempt in this direction (Shumilov et al., 2023).

Finally, we would like to answer the question of how appropriate the term “insight problem” really is. Despite all of the above, we can conclude that relying only on the problem type is not the best strategy for investigation of insight, because insight and analytical problems significantly differ from each other only in one subjective scale of the Aha! experience. The use of solution types is much more fruitful and allows better distinguishing different situations in the process of problem solving. We recommend that subjective questionnaires are applied to determine that a solution has been achieved through insight, i.e., with an Aha! experience.

Limitations

Our joint analysis has limitations. First, not all interesting parameters were explicitly and clearly represented in the data. For example, not all studies used all scales of the questionnaire, and not all of them measured the solution time or noted the solution type (insightful or step-by-step). Second, some of the problem types included in this joint analysis were represented by only one experiment (for example, CRA problems) or were not present at all (for example, anagrams), since the multidimensional questionnaire does not contain them in the most studies. Thereby, some results may be distorted, because they are only related to those problems that we were able to find, rather than to the problem type as a whole. Thirdly, although we used various experimental data in the joint analysis, we could not control the diversity of such parameters as gender, age, profession, etc. Finally, our results show that there is an interaction between the problem type and the solution type, which could also influence the final results because these characteristics were not completely independent of each other. All these factors constitute significant limitations in the selection and data analyses, which narrows down the explanatory possibilities of this work.

Conclusions

Our joint analysis allows us to formulate the following conclusions and future directions:

1. Using solution types provides more benefits for investigation of insight than using problem types. Insightful solutions are more pleasant, sudden and relieving compared to step-by-step solutions.

2. It is necessary to explore the connection between a representational change and an Aha! experience more carefully. At present it remains unclear whether a representational change may be the cause of an Aha! experience and how essential both attributes are for recognizing a solution as insightful.

3. It is worth paying more attention to subjective questionnaires of the Aha! experience, since the accuracy of insight studies significantly depends on the accuracy of measurements. We propose to take a critical look at some scales of Danek and Wiley's questionnaire and to conduct psychometric testing not only on the material of magic tricks, but also on classical insight problems.

References

- Ammalainen, A., & Moroshkina, N. (2021). The effect of true and false unreportable hints on anagram problem solving, restructuring, and the Aha!-experience. *Journal of Cognitive Psychology, 33*(6–7), 644–658. <https://doi.org/10.1080/20445911.2020.1844722>
- Becker, M., Kühn, S., & Sommer, T. (2021). Verbal insight revisited — dissociable neurocognitive processes underlying solutions accompanied by an AHA! experience with and without prior restructuring. *Journal of Cognitive Psychology, 33*(6–7), 659–684. <https://doi.org/10.1080/20445911.2020.1819297>

- Becker, M., Wiedemann, G., & Kühn, S. (2020). Quantifying insightful problem solving: A modified compound remote associates paradigm using lexical priming to parametrically modulate different sources of task difficulty. *Psychological Research*, 84, 528–545. <https://doi.org/10.1007/s00426-018-1042-3>
- Bilalić, M., Graf, M., Vaci, N., & Danek, A. H. (2021). The temporal dynamics of insight problem solving—restructuring might not always be sudden. *Thinking & Reasoning*, 27(1), 1–37. <https://doi.org/10.1080/13546783.2019.1705912>
- Bowden, E. M., Jung-Beeman, M., Fleck, J., & Kounios, J. (2005). New approaches to demystifying insight. *Trends in Cognitive Sciences*, 9(7), 322–328. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2005.05.012>
- Chuderski, A., Jastrzębski, J., & Kucwaj, H. (2021). How physical interaction with insight problems affects solution rates, hint use, and cognitive load. *British Journal of Psychology*, 112(1), 120–143. <https://doi.org/10.1111/bjop.12442>
- Chuderski, A., Jastrzębski, J., Kroczeck, B., Kucwaj, H., & Ociepka, M. (2021). Metacognitive experience on Raven's matrices versus insight problems. *Metacognition and Learning*, 16(1), 15–35. <https://doi.org/10.1007/s11409-020-09236-6>
- Cranford, E. A., & Moss, J. (2012). Is insight always the same? A protocol analysis of insight in compound remote associate problems. *The Journal of Problem Solving*, 4(2), Article 8. <https://doi.org/10.7771/1932-6246.1129>
- Danek, A. H., Fraps, T., von Müller, A., Grothe, B., & Öllinger, M. (2014). It's a kind of magic — what self-reports can reveal about the phenomenology of insight problem solving. *Frontiers in Psychology*, 5. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01408>
- Danek, A. H., & Wiley, J. (2017). What about false insights? Deconstructing the Aha! experience along its multiple dimensions for correct and incorrect solutions separately. *Frontiers in Psychology*, 7. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.02077>
- Danek, A. H., & Wiley, J. (2020). What causes the insight memory advantage? *Cognition*, 205, Article 104411. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2020.104411>
- Danek, A. H., Wiley, J., & Öllinger, M. (2016). Solving classical insight problems without Aha! experience: 9 Dot, 8 Coin, and Matchstick Arithmetic Problems. *The Journal of Problem Solving*, 9(1), Article 4. <https://doi.org/10.7771/1932-6246.1183>
- Danek, A. H., Williams, J., & Wiley, J. (2020). Closing the gap: connecting sudden representational change to the subjective Aha! experience in insightful problem solving. *Psychological Research*, 84(1), 111–119. <https://doi.org/10.1007/s00426-018-0977-8>
- Drażnyk, D., Kumka, M., Zarzycka, K., Zguda, P., & Chuderski, A. (2020). No indication that the ego depletion manipulation can affect insight: a comment on DeCaro and Van Stockum (2018). *Thinking & Reasoning*, 26(3), 414–446. <https://doi.org/10.1080/13546783.2019.1649191>
- Dubey, R., Ho, M. K., Mehta, H., & Griffiths, T. (2021). Aha! moments correspond to meta-cognitive prediction errors. <https://doi.org/10.31234/osf.io/c5v42>
- Jung-Beeman, M., Bowden, E. M., Haberman, J., Frymiare, J. L., Arambel-Liu, S., Greenblatt, R., Reber, P. J., & Kounios, J. (2004). Neural activity when people solve verbal problems with insight. *PLoS Biology*, 2(4), Article e97. <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.0020097>
- Korovkin, S., Savinova, A., Padalka, J., & Zhelezova, A. (2021). Beautiful mind: grouping of actions into mental schemes leads to a full insight Aha! experience. *Journal of Cognitive Psychology*, 33(6–7), 62–630. <https://doi.org/10.1080/20445911.2020.1847124>
- Lazareva, N. Yu., & Vladimirov, I. Yu. (2019). The influence of fixedness on the formation problem incorrect representation and the emergence of insight solutions. *Uchenye Zapiski Rossiiskogo*

- Gosudarstvennogo Sotsial'nogo Universiteta [Scientific Notes of Russian State Social University], 18(4(153)), 22–30. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2019-18-4-22-30> (in Russian)
- Moroshkina, N. V., Pavliuchik, E. I., Ammalainen, A. V., Gershkovich, V. A., & Lvova, O. V. (2024). The Aha! experience is associated with a drop in the perceived difficulty of the problem. *Frontiers in Psychology*, 15, Article e1314531. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1314531>
- Novick, L. R., & Sherman, S. J. (2003). On the nature of insight solutions: Evidence from skill differences in anagram solution. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A*, 56(2), 351–382. <https://doi.org/10.1080/02724980244000288>
- Ohlsson, S. (1984). Restructuring revisited: I. Summary and critique of the Gestalt theory of problem solving. *Scandinavian Journal of Psychology*, 25(1), 65–78. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.1984.tb01001.x>
- Ohlsson, S. (1992). Information-processing explanations of insight and related phenomena. In K. J. Gilhooly (Ed.), *Advances in the psychology of thinking* (pp. 1–44). London: Harvester-Wheatsheaf.
- Ohlsson, S. (2011). *Deep learning: How the mind overrides experience*. Cambridge University Press.
- Salmon Mordekovich, N., & Leikin, M. (2022). The cognitive–creative profiles of insightful problem solvers: A person centered insight study. *The Journal of Creative Behavior*, 56(3), 396–413. <https://doi.org/10.1002/jocb.536>
- Savinova, A., & Korovkin, S. (2022). Surprise! Why insightful solution is pleasurable. *Journal of Intelligence*, 10(4), Article 98. <https://doi.org/10.3390/jintelligence10040098>
- Shumilov, T. V., Chistopolskaya, A. V., & Vladimirov, I. Y. (2023). The path to insight: Developing methods to increase the effectiveness of insightful solution detection. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 20(3), 473–489. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-3-473-489>
- Spiridonov, V., Loginov, N., & Ardislamov, V. (2021). Dissociation between the subjective experience of insight and performance in the CRA paradigm. *Journal of Cognitive Psychology*, 33(6–7), 685–699. <https://doi.org/10.1080/20445911.2021.1900198>
- Tikhonov, R. V., Ammalainen, A. V., & Moroshkina, N. V. (2018). The variety of metacognitive feelings: Different phenomena or different terms? *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya "Psikhologiya i Pedagogika" [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education]*, 8(3), 214–242. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.302> (in Russian)
- Vladimirov, I. Yu., Bushmanova, A. S., & Makarov, I. N. (2021). Behavioral markers of key events of an insight solution. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies]*, 14(77). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.134> (in Russian)
- Webb, M. E., Little, D. R., & Cropper, S. J. (2016). Insight is not in the problem: Investigating insight in problem solving across task types. *Frontiers in Psychology*, 7. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01424>
- Webb, M. E., Little, D. R., & Cropper, S. J. (2018). Once more with feeling: Normative data for the aha experience in insight and noninsight problems. *Behavior Research Methods*, 50(5), 2035–2056. <https://doi.org/10.3758/s13428-017-0972-9>
- Weisberg, R. W. (1995). Prolegomena to theories of insight in problem solving: A taxonomy of problems. In R. J. Sternberg & J. E. Davidson (Eds.), *The nature of insight* (pp. 157–196). The MIT Press.
- Weisberg, R. W. (2015). Toward an integrated theory of insight in problem solving. *Thinking & Reasoning*, 21(1), 5–39. <https://doi.org/10.1080/13546783.2014.886625>
- Wong, T. J. (2009). *Capturing 'Aha' moments of puzzle problems using pupillary responses and blinks* [Doctoral dissertation]. University of Pittsburgh, PA, USA. <https://core.ac.uk/download/pdf/12208737.pdf>

Короткие сообщения

ОПЫТ СОЗДАНИЯ РОССИЙСКОЙ БАЗЫ ЛИЦ, ИЗОБРАЖАЮЩИХ РАЗЛИЧНЫЕ ЭМОЦИИ: ПЕРВЫЙ ЭТАП

А.В. ПЕТРАКОВА^a, Е.И. ЛЕБЕДЕВА^b, Ю.В. КУЗЬМИНА^a,
Е.Н. ЮРЧИК^a

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

^b ФГБУН «Институт психологии РАН», 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

Experience in Creating a Russian Database of Faces Expressing Various Emotions: The First Stage

A.V. Petrakova^a, E.I. Lebedeva^b, Yu.V. Kuzmina^a, E.N. Yurchik^a

^a HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

^b Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 13 build. 1, Yaroslavskaya Str., Moscow, 129366, Russian Federation

Резюме

Настоящая работа представляет собой пилотажное исследование, направленное на создание и тестирование стимульного материала, представляющего собой фотоизображения лиц взрослых и детей, выражающих различные эмоции. Уникальность проведенной работы обусловлена таким подходом к организации создания стимульного материала, в рамках которого модели демонстрировали бы эмоции не по установленной схеме мимических

Abstract

This article presents a pilot study with the objective to create and test stimulus material, which consists of photographic portraits of adults and children expressing various emotions. The uniqueness of this work is due to the approach to organizing the creation of stimulus material, in which the models demonstrated emotions not according to an established pattern of facial movements corresponding to a specific

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта 075-15-2022-325 от 25.04.2022).

The article was prepared with the support of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant Agreement No. 075-15-2022-325 dated 25.04.2022).

движений, соответствующих конкретной эмоции, а согласно своим представлениям о выражении эмоций в определенной ситуации. Дополнительным преимуществом данного опыта также может служить включение фотоизображений лиц российской популяции разного пола и разных возрастных групп. Были протестированы 294 цветных фотоизображения пяти моделей разных возрастных групп (от младшего школьного до пожилого возраста), изображающих 14 эмоций (гордость, злость, радость, раздражение, веселье, отвращение, удовольствие, грусть, облегчение, отчаяние, интерес, страх, удивление, тревога). Тестирование проходило на краудсорсинговом сервисе «Яндекс.Толока» с участием 5099 человек. Ответы респондентов анализировались с помощью двух подходов к классификации ответов. В первом случае ответ респондента об эмоции засчитывался как корректный, если выбранная им эмоция точно соответствовала изображаемой на фотографии. Второй подход предполагал выявление точности определения респондентом валентности распознаваемой эмоции. Результаты тестирования стимульного материала, разработанного с использованием неклассического подхода, показали точность распознавания скорее валентности эмоций, чем самих эмоций. Интерпретация результатов может включать анализ возможного влияния индивидуальных различий (в том числе и культурно-специфических) на точность распознавания, однако, исходя из пилотного характера исследования и его ограничений, пока еще требует дополнительной проверки.

Ключевые слова: распознавание эмоций, создание нового стимульного материала, индивидуальные различия в выражении и распознавании эмоций.

Петракова Анастасия Владимировна — научный сотрудник, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: индивидуальные различия в социально-эмоциональном развитии, восприятие и распознавание лиц и эмоций, диагностика и коррекция социально-эмоциональной сферы.

Контакты: apetrakova@hse.ru

emotion, but according to their ideas about the expression of emotions in a certain situation. The inclusion of photographic images of individuals from the Russian population, of different genders and age groups, can be considered an additional advantage of this study. We tested 294 color photographs of 5 models of different age groups (from primary school to the elderly), depicting 14 emotions (pride, anger, joy, irritation, amusement, disgust, pleasure, sadness, relief, despair, interest, fear, surprise, anxiety). Testing took place on the crowdsourcing platform Yandex.Toloka, where 5099 people took part in the study. The answers were analyzed using two approaches. In the first instance, the respondent's answer about an emotion was counted as correct if the emotion s/he chose exactly matched the one depicted in the photograph. The second approach assumed that the respondent's answer was correct if it corresponded to a group of emotions related to one or another valence. The results of testing stimulus material developed using a non-classical approach showed recognition accuracy in determining the valence of emotions rather than the emotions themselves. An analysis of the possible influence of individual differences (including culture-specific ones) on recognition accuracy may be needed for the interpretation of the results, however, based on the pilot nature of the study and its limitations, this hypothesis still requires additional verification.

Keywords: emotion recognition, creation of new stimulus material, individual differences in emotion expression and recognition.

Anastasia V. Petrakova — Research Fellow, Institute of Education, HSE University, PhD in Psychology.

Research Area: individual differences in socio-emotional development, perception and recognition of faces and emotions, diagnosis and correction of the socio-emotional sphere.

Email: apetrakova@hse.ru

Лебедева Евгения Игоревна — старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология развития, социальное развитие, распознавание эмоций.

Контакты: evlebedeva@yandex.ru

Кузьмина Юлия Владимировна — старший научный сотрудник, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: когнитивная психометрика, когнитивное развитие, индивидуальные различия.

Контакты: papushka7@gmail.com

Юрчик Евгения Николаевна — магистр программы «Доказательное развитие образования», Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера интересов: социально-эмоциональные навыки, обучение учителей, психология развития.

Контакты: eanikudimova@mail.ru

Evgenia I. Lebedeva — Senior Research Fellow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, PhD in Psychology. Research Area: developmental psychology, social development, emotion recognition.

Email: evlebedeva@yandex.ru

Yulia V. Kuzmina — Senior Research Fellow, Institute of Education, HSE University, PhD in Psychology.

Research Area: cognitive psychometrics, cognitive development, individual differences.

Email: jkuzmina@hse.ru

Evgenia N. Yurchik — master student of program “Evidence-Based Education Development”, Institute of Education, HSE University.

Research Area: social-emotional skills, teacher training, developmental psychology.

Email: eanikudimova@mail.ru

Распознавание человеческих эмоций по выражению лица является основой социальных взаимодействий. В наши дни значение восприятия и понимания выражения лица возрастает в условиях виртуальной среды как все более доминирующей в современном мире, когда лицо остается практически единственным источником, доступным для распознавания эмоций и чувств других людей.

Большинство работ, посвященных оценке успешности распознавания эмоций, проводилось в рамках теории базовых эмоций (Ekman, 1992), постулирующей существование определенных эмоциональных образцов, универсальных для большинства культур и не учитывающих индивидуальные различия в их выражении и распознавании. Долгое доминирование теории базовых эмоций в исследовательском поле повлияло и на методологию исследования распознавания эмоций по выражению лица. При разработке большинства баз изображений лиц с эмоциональными выражениями создатели либо опирались на систему кодирования лицевых движений (Facial Action Coding System (FACS)), описывающую в точности, какие движения и с какой интенсивностью должны осуществляться лицом, чтобы получить в итоге то или иное эмоциональное выражение, либо давали прямые рекомендации моделям, как именно нужно показывать эмоцию, чтобы впоследствии получился ее образец (Ekman, Friesen, 1978).

В настоящее время данный методологический подход критикуется как за низкую валидность (выражение эмоции строится по инструкции экспериментатора) и надежность стимульного материала (одна и та же мимическая конфигурация может по-разному восприниматься), так и за отсутствие учета культурного контекста и индивидуальных различий, определяющих и выражение, и распознавание эмоций (например: Barrett et al., 2019).

В рамках настоящей работы мы представляем результаты пилотажного исследования по применению подхода, альтернативного классическому, для создания базы изображений лиц, при котором модели демонстрировали эмоции не по инструкции экспериментатора, а основываясь на собственных представлениях. Похожий опыт создания стимульного материала описывается коллегами из Женевского центра науки об аффекте (Schlegel et al., 2014; Барабанщиков, Суворова, 2020).

Новизна исследования обусловлена, с одной стороны, созданием нового стимульного материала, с другой — разработкой именно российской базы фотоизображений лиц, что особенно актуально, поскольку опубликованных отечественных баз достаточно мало, а выражение и восприятие эмоций человеческого лица во многом определяются культурной спецификой (Barrett et al., 2019).

Целью настоящей статьи является представление результатов апробации части стимульного материала для создания базы лиц, изображающих различные эмоции. Мы предположили, что при отсутствии унификации выражения той или иной эмоции будет отмечаться большой разрыв между выражением эмоции моделью и распознаванием ее испытуемым. В этой связи оценивается не только строгое соответствие выражаемой эмоции точности ее распознавания, но и соответствие валентности: насколько распознаваемая эмоция соответствует валентности выражаемой.

Метод

Стимульный материал

На этапе создания базы фотографий лиц, выражающих различные эмоции, была произведена фотосъемка 82 моделей (47 женщин и 35 мужчин в возрасте от 3 до 70 лет). Моделям предлагалось мимически показать свое эмоциональное состояние в той или иной гипотетической ситуации, соответствующее 14 эмоциям: гордость, злость, радость, раздражение, веселье, отвращение, удовольствие, грусть, облегчение, отчаяние, интерес, страх, удивление, тревога (например, раздражение — переживание неудовольствия в связи с поведением человека или в связи с какой-либо ситуацией; интерес — повышенное внимание к человеку или вещи, зачарованность кем-то/чем-то). Предъявление моделям только ситуаций (без названия эмоций, которые, по мнению авторов, им бы соответствовали) ставило своей целью избежать стереотипного выражения эмоций. Выбор конкретных ситуаций, соответствующих той или иной эмоции, основывался на результатах разработки Женевского теста на распознавание эмоций GERT (Schlegel et al., 2014; Барабанщиков, Суворова, 2020).

Для начального этапа тестирования стимульного материала были отобраны 294 цветных фотоизображений 5 моделей разных возрастных групп: 7–9 лет (далее — «младший школьник», 44 фотографии), 13–16 лет (далее — «подросток», 46 фотографий), 18–25 лет (далее — «молодая женщина», 90 фотографий), 35–50 лет (далее — «женщина», 44 фотографии), 60 лет и старше (далее — «пожилая женщина», 70 фотографий). Принцип отбора моделей, фотоизображения которых были использованы на начальном этапе тестирования, включал в себя только соответствие модели той или иной возрастной категории. Разрешение фотографии — 682×1024 пикселей, 96 точек на дюйм. Количество фотографий для каждой модели варьировалось, так как некоторые модели не сразу понимали задачу (например, дети) или просили сделать с ними дополнительные фотографии, чтобы было возможно продемонстрировать эмоцию по-другому.

Процедура исследования

Исследование проводилось онлайн на краудсорсинговом сервисе «Яндекс.Толока», пользователям которого было предложено идентифицировать эмоцию на представленной им фотографии (выбрать название эмоции из списка). Принять участие в исследовании можно было, только используя компьютер.

Предлагалась следующая инструкция: «Мы приглашаем Вас к участию в разработке теста, определяющего уровень такого важного социального навыка, как распознавание эмоций. Мы очень нуждаемся в Вашей помощи в выборе наиболее подходящих и понятных фотографий. Вам будут предъявлены фотографии лиц людей, и Ваша задача будет заключаться в выборе для каждой фотографии наиболее подходящего описания эмоционального состояния».

Процедура исследования занимала около 5–7 минут. Участие в исследовании вознаграждалось финансово и составляло эквивалент 1 американского цента за ответ. Перед выполнением каждого задания участник исследования отвечал на вопрос о своем возрасте и поле.

Участники исследования

В эксперименте приняли участие 5099 человек, пол и возраст были идентифицированы у 3590 испытуемых (57% женщин, $M = 35$ лет, $SD = 11.9$). Всего на каждое фотоизображение было получено от 99 до 182 ответов участников.

Анализ данных

Полученные в процессе опроса данные были проанализированы с помощью двух подходов к классификации ответов. В первом случае ответ респондента об эмоции засчитывался как корректный, если выбранная им эмоция точно соответствовала изображенной на фотографии. Второй подход предполагал

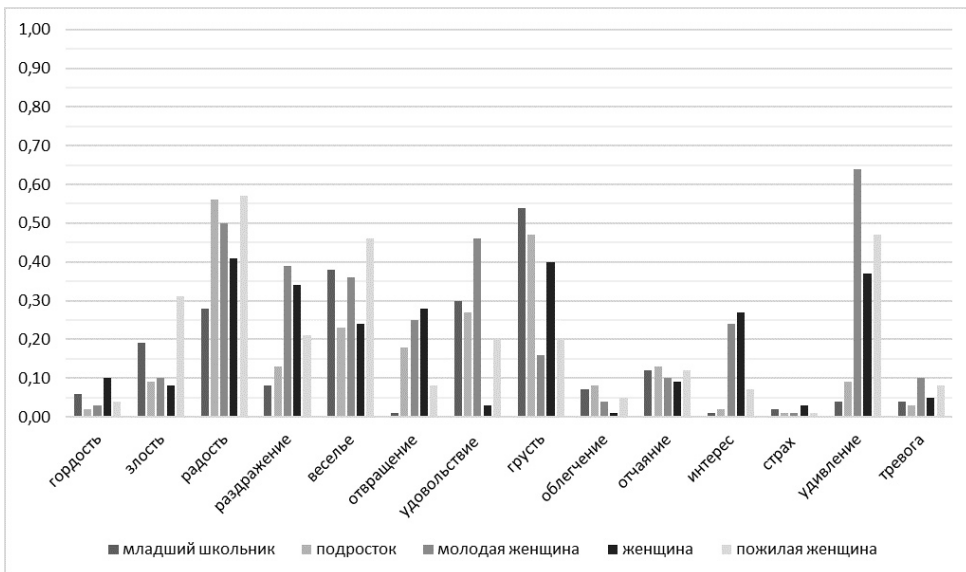
выявление соответствия ответа респондента группе эмоций, относящихся к той или иной валентности — положительной (гордость, радость, веселье, удовольствие, облегчение, интерес и удивление) или отрицательной (злость, раздражение, отвращение, грусть, отчаяние, страх, тревога), что основывалось на принципах разделения эмоций по валентности в Женевском тесте на распознавание эмоций (Schlegel et al., 2014; Барабанщиков, Суворова, 2020). Таким образом, соответствие распознаваемой эмоции ее валентности представляло собой основание рассматривать полученный ответ респондента как корректный. Анализировались медианные показатели точности распознавания каждой эмоции по фотоизображениям пяти моделей для каждой классификации ответов. Для оценки отличия точного распознавания эмоций от случайного угадывания применялся одновыборочный биномиальный критерий с уровнем значимости $p < 0.05$.

Результаты

Анализ точности соответствия распознанной респондентами эмоции, изображенной на фотографии (см. рисунок 1), показал, что из четырнадцати эмоций только три распознавались более чем в 50% случаев: радость (при предъявлении фотоизображений подростка, молодой и пожилой женщин), грусть (младший школьник) и удивление (молодая женщина). Распознавание эмоций каждой модели варьировало в среднем от 15 (младший школьник) до 24 (молодая женщина) % случаев. Точность распознавания каждой эмоции

Рисунок 1

Медианы оценок точности распознавания эмоций на основании их точного соответствия эмоциям, изображенным на фотографиях

варьировала от 0.50 (радость) до 0.01 (страх). При этом достоверные отличия точности распознавания от случайного угадывания были обнаружены только для эмоции радости на фотографиях подростка (0.56 — точность распознавания; $m = 164$, $p = 0.041$) и пожилой женщины (0.57; $m = 330$, $p = 0.002$), а также для эмоции удивления у женщины (0.64; $m = 330$, $p = 0.002$).

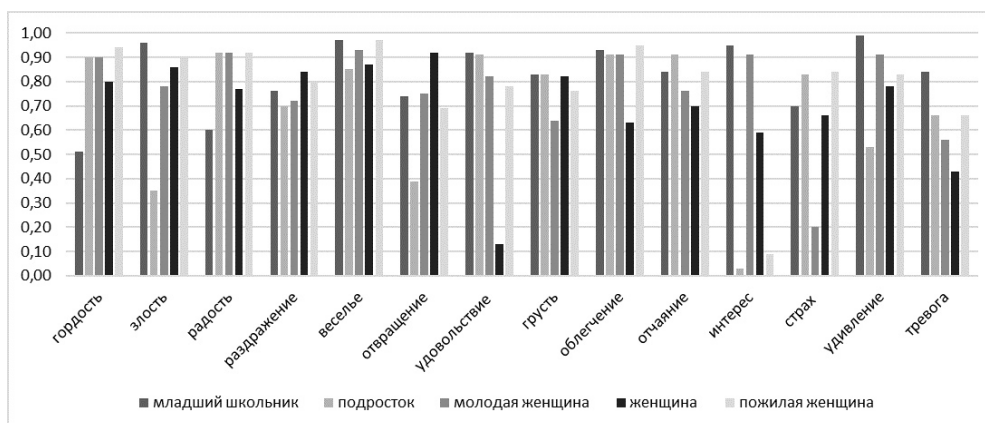
При оценке соответствия распознаваемой эмоции ее валентности были получены высокие показатели точности распознавания практически для всех эмоций: веселье (0.93), радость (0.92), облегчение (0.91), гордость (0.90), злость (0.86), отчаяние (0.84), удивление (0.83), удовольствие и грусть (по 0.82), раздражение (0.76), отвращение (0.74), страх (0.70), тревога (0.66) и интерес (0.59) (см. рисунок 2). На снижение показателей точности определения изображенной на фотографии эмоции и ее валентности могли повлиять как широкая дисперсия ответов респондентов в зависимости от моделей, изображающих эмоции, так и достоверные отличия в точности в зависимости от той или иной эмоции. Так, точность соответствия ответа респондента валентности варьировала от 0.84 у младшего школьника до 0.77 у женщины, при этом наименьшие показатели были отмечены в отношении эмоции интереса (у подростка — 0.03 и у пожилой женщины — 0.09) и эмоции удовольствия (у женщины — 0.13).

Обсуждение

В рамках настоящей статьи приведены результаты начального этапа исследования по применению подхода, альтернативного классическому, к созданию базы фотоизображений лиц с выражением эмоций. Ключевой особенностью проведенной работы является новый способ организации сбора стимульного

Рисунок 2

Медианы оценок точности распознавания эмоций на основании их соответствия валентности эмоций, изображенных на фотографиях

материала, основой которого стал современный подход к выражению и распознаванию эмоциональных выражений, допускающий широкие индивидуальные и возрастные различия в этих процессах (Barrett et al., 2019).

Результаты исследования продемонстрировали невысокую точность распознавания эмоций при оценке строгого соответствия ответов респондентов эмоциональному выражению модели на фотографии, что может свидетельствовать о неоднозначности выражения эмоций в случае, когда не определены критерии этого выражения. Моделей просили продемонстрировать эмоцию так, как они представляют ее выражение, исходя из своего опыта. Возможно, такой подход к организации стимульного материала провоцирует больший рост так называемых ошибок идентификации, характерных для распознавания эмоций на фотоизображениях (Барабанщиков и др., 2016), или же отсутствие четко заданного образца выражения эмоций моделью приводит к категориальному распознаванию эмоций, характерному для распознавания эмоций на видеоизображениях (Барабанщиков, Суворова, 2020). Такое распознавание предполагает, что выражение лица оценивается посредством одной наиболее ярко выраженной эмоции и нескольких дополнительных, которые совпадают с ней по валентности. Данные предположения требуют дополнительного анализа полученных результатов, тем не менее в настоящем исследовании было показано, что испытуемые были точнее в определении валентности эмоций, чем в их распознавании, т.е. при предъявлении эмоции положительной/отрицательной валентности они могли ошибиться при выборе названия конкретной эмоции, однако подбирали эмоцию из того же валентного поля. Эти данные согласуются с результатами апробации Женевского теста на распознавание эмоций по видеоизображениям, выполненной на российской выборке (Там же).

Ограничения настоящего исследования касаются как процедуры создания стимульного материала (изображение эмоций моделями, а не их переживание; отсутствие контроля влияния изображения моделями каждой предшествующей эмоции на изображение последующей), так и сбора данных онлайн на краудсорсинговом сервисе «Яндекс.Толока». Были проанализированы результаты распознавания эмоций только пяти моделей, что также накладывает ограничения на генерализацию выводов о невысокой точности распознавания эмоций при демонстрациях ее моделями без заданного эталона.

В дальнейшем мы планируем продолжить тестирование стимульного материала, учитывая ограничения, которые были выявлены при проведении данной процедуры в онлайн-формате. Перспективы дальнейшего исследования разработчики видят в применении созданного стимульного материала для базы неоднозначно понимаемых изображений эмоций на фотографиях. Такой стимульный материал может быть использован при изучении личностных установок в процессе социального восприятия. Кроме того, более однозначные стимулы могут быть задействованы при процедурах обследования социально-эмоциональной сферы.

Заключение

В рамках настоящей работы приводится описание пилотажного исследования по созданию российской базы фотографий лиц, изображающих различные эмоции без заданных мимических критериев. В ходе исследования были выявлены следующие закономерности:

- точность распознавания эмоций на фотоизображениях лиц без строгих критериев изображения эмоций остается на невысоком уровне;
- в большинстве случаев валентность распознанных эмоций соответствует валентности эмоций, изображенных на фотографиях, что свидетельствует о точности их категориального распознавания.

Проверка данных закономерностей, а также выделение возможных категорий (например, валентности) при распознавании эмоций, изображаемых без заданных критериев, являются задачами будущих исследований.

Литература

- Барабанчиков, В. А., Жегалло, А. В., Королькова, О. А. (2016). *Перцептивная категоризация выражений лица*. М.: Когито-центр.
- Барабанчиков, В. А., Суворова, Е. В. (2020). Оценка эмоционального состояния человека по его видеоизображению. *Экспериментальная психология*, 13(4), 4–24. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130401>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Barabanshchikov, V. A., & Suvorova, E. V. (2020). Human emotional state assessment based on a video portrayal. *Экспериментальная психология [Experimental Psychology (Russia)]*, 13(4), 4–24. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130401> (in Russian)
- Barabanshchikov, V. A., Zhegallo, A. V., & Korol'kova, O. A. (2016). *Перцептивная категоризация выражений лица* [Perceptual categorization of facial expressions]. Moscow: Kogito-tsentr.
- Barrett, L. F., Adolphs, R., Marsella, S., Martinez, A. M., & Pollak, S. D. (2019). Emotional expressions reconsidered: Challenges to inferring emotion from human facial movements. *Psychological Science in the Public Interest*, 20(1), 1–68. <https://doi.org/10.1177/1529100619832930>
- Ekman, P. (1992). An argument for basic emotions. *Cognition & Emotion*, 6(3-4), 169–200. <https://doi.org/10.1080/02699939208411068>
- Ekman, P., & Friesen, W. V. (1978). Facial Action Coding System (FACS) [Database record]. APA PsycTests. <https://doi.org/10.1037/t27734-000>
- Schlegel, K., Grandjean, D., & Scherer, K. R. (2014). Introducing the Geneva Emotion Recognition Test: an example of Rasch-based test development. *Psychological Assessment*, 26(2), 666–672. <https://doi.org/10.1037/a0035246>

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:
<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66610 от 08 августа 2016 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, 33, к. 4,
Издательский дом НИУ ВШЭ
Тел. +7(495) 772-95-90 доб. 15298
Почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. +7(495) 772-95-90, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 180 экз. Печ. л. 12.5